

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

**КУЛЬТУРА
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН 1 ДЕКАБРЯ 2006 ГОДА

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

№ 4 (33) 2014

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: ректор ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *А.П. Хаменко*

Заместитель главного редактора: д-р техн. наук, проф. *С.К. Каргапольцев*

Научные редакторы:

д-р филос. наук, проф. *А.Е. Кацаев*; д-р филос. наук, проф. *В.Е. Осипов*;
д-р ист. наук, проф. *В.Г. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч.Г. Андреев* (Улан-Удэ), член-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ),
д-р ист. наук, проф. *В.В. Гришаев* (Красноярск), д-р филол. наук ИМБИТ СО РАН
Л.С. Дампилова (Улан-Удэ), д-р мед. наук, проф., акад. МАНЭБ *Е.П. Лемешевская* (Иркутск),
д-р культурологии *Т.Ф. Ляпкина* (Санкт-Петербург), д-р филос. наук, проф., член-кор.
МАНПО *А.В. Мельникова* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *Н.С. Рубцов* (Красноярск), д-р
филос. наук, доц. *Е.Н. Струк* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *Г.А. Цыкунов* (Иркутск), д-р
геогр. наук, проф. *А.Я. Якобсон* (Иркутск)

СОСТАВ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА:

д-р филос. наук, проф. *А.А. Атанов* (Иркутск), д-р ист. наук, проф. *А.В. Дулов* (Иркутск), д-р
ист. наук, проф. *А.В. Гайдамакин* (Омск), к. филол. наук, доцент *О.Н. Касаткина* (Иркутск),
д-р ист. наук, доцент *А.В. Костров* (Иркутск), к. пед. наук, доцент *С.Э. Лятти* (Иркутск), д-р
филос. наук, проф. *В.В. Мантатов* (Улан-Удэ), д-р ист. наук, проф. *В.В. Назаров* (Иркутск),
д-р ист. наук, проф. *Ю.А. Петрушин* (Иркутск), к. филол. наук, доцент *Т.А. Скопинцева*
(Иркутск), к. юр. наук, доцент *А.А. Тюкаевин-Плотников* (Иркутск), к.э.н., доц. *О.А. Фрейдман*
(Иркутск), к. мед. наук, доцент *В.А. Чичкалюк* (Иркутск)

Ответственный секретарь – *А.В. Данчевская*

Ответственный за выпуск:

д-р филос. наук, проф. *А.Е. Кацаев*

Адрес редакции:

664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет путей сообщения»

Кафедра философии и социальных наук

Тел.: (3952) 63-83-10 (01-47, 01-29)

E-mail: popova_av@irgups.ru

Выходит 4 раза в год

Издается с 2006 года

№ 4 (33)
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРА

Осипов В.Е. (Иркутск)	
Гносеологический урок физики XX столетия	7
Егоров А.В. (Иркутск)	
Категория культуры совести в системе социально-философского знания.....	28
Струк Е.Н. (Иркутск)	
К вопросу о диалектике «предела» в социально- философском дискурсе.....	47
Кульпинов С.С. (Иркутск)	
Демократизм и тоталитаризм в учении Даниила Андреева об идеальном государстве	60

ИСТОРИЯ

Третьяков В.Г. (Иркутск)	
Первые рулевые ВСЖД (к 80-летию образования управления Восточно-Сибирской железной дороги 1934 – 2014 гг.)	72
Гордиенко Т.Н. (Иркутск)	
Научно-практические конференции и выставки на Транссибе (история и современность)	99
Кашаев А.Е. (Иркутск)	
Идеологическая составляющая Первой мировой войны	116
Гордеева О.Б. (Иркутск)	
Старообрядцы Забайкалья – Георгиевские кавалеры	142
Горощенова О.А. (Иркутск)	
Первая сибирская писательница Е.А. Авдеева-Полевая	152
Федорова Т.В. (Иркутск)	
Процесс реформирования системы военно-учебных заведений в России во второй половине XIX века... .	160
Белькова Г.И. (Иркутск)	
Древнерусские писатели о «житии» Сергия Радонежского	171
Гук В.А. (Иркутск)	
Ю.А. Ножиков и политические партии Прибайкалья: взаимодействие и противоречия	177

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Чичкалюк В.А., Козина И.В., Тетерина Н.А. (Иркутск)	
Современные представления об адаптации студентов 1-го курса к обучению в вузе (обзор и результаты исследования)	186
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ	200

ISBN 978-5-98710-282-4

© Иркутский государственный
университет путей сообщения, 2014
© Коллектив авторов, 2014

No 4 (33)
2014

CONTENTS

PHILOSOPHY. CULTURE

Osipov V.E. (<i>Irkutsk</i>)	
Epistemological lesson of the twentieth century physics.....	7
Egorov A.V. (<i>Irkutsk</i>)	
Category culture of conscience in the socio-philosophical knowledge.....	28
Struck E.N. (<i>Irkutsk</i>)	
The Question of Dialectics «limit» in the social philosophical discourse	47
Kulpinov S.S. (<i>Irkutsk</i>)	
Democracy and totalitarianism in the teachings of Daniel Andreev about the ideal state.....	60

HISTORY

Tretyakov V.G. (<i>Irkutsk</i>)	
The first steerings of East Siberian Railway (The 80th anniversary of the Management of East Siberian Railway 1934-2014 years.).....	72
Gordienko T.N. (<i>Irkutsk</i>)	
Scientific and Practical Conference and Exhibition on the Trans-Siberian (history and modernity).....	99
Kaschaev A.A. (<i>Irkutsk</i>)	
The ideological component of the First World War.....	116
Gordeeva O.B. (<i>Irkutsk</i>)	
Old Believers of Transbaikalia - George Knight.....	142
Goroschenova O.A. (<i>Irkutsk</i>)	
First Siberian writer E.A. Avdeeva-Polevaya.....	152
Fedorova T.V. (<i>Irkutsk</i>)	
The process of reforming the system of military education institutions in Russia in the second half of the the 19th century.....	160

Belkova G.I. (*Irkutsk*)
Old Russian writers of «The Life»
Sergey Radonezsk..... 171

Guk A.V. (*Irkutsk*)
Y.A. Nozsicov and political parties
of the Baikal region: interaction
and contradictions..... 177

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Chichkalyuk V.A., Kozina I.V.,
Teterina N.A. (*Irkutsk*)
Modern notions of adaptation of students
of 1st course to study in college
(review and study results)..... 186

INFORMATION FOR AUTHORS 200

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРА

УДК 1:53

В.Е. Осипов

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ УРОК ФИЗИКИ XX СТОЛЕТИЯ

В статье раскрыто содержание методологических принципов физики и их роль в формировании стиля научного мышления.

This article deals with methodological principles of physics and its role in formation of scientific thinking.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *стиль научного мышления, научный принцип, математическая гипотеза, теория, детерминизм.*

KEYWORDS: *the style of scientific thinking, scientific principle, mathematical hypothesis, theory, determinism.*

Двадцатый век вошел в историю фундаментальными открытиями в науке и основанными на ней достижениями в технике, оказавшими глобальное влияние на судьбы всего человечества на планете Земля. Мыслящий разум смог глубже познать закономерности микромира и эволюционные процессы в бесконечной Вселенной, расшифровать генетический код наследственности организмов и вплотную приблизился к разгадке тайны происхождения жизни и самого человека, его биологическую и социально-историческую природу. Все это коренным

Осипов Василий Евдокимович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения

образом изменило существовавшее ранее представление о мире, привело к необходимости формирования новой картины мира и соответствующего ей стиля научного и политического мышления, принципиально иных отношений между странами, народами и государствами.

Но не менее значимо для самой науки было то, что в это время впервые наиболее остро возникла потребность в ее рефлексивности, осмыслении ее оснований, фундаментальных понятий, законов и принципов. Произошли существенные изменения в самой методологии науки и в гносеологической картине в целом; она стала поливариантной, более толерантной во взаимоотношениях различных, казалось бы несовместимых, философских направлений, течений и подходов к анализу фундаментальных проблем науки. Сама наука все более обращается к философии как своей естественной потребности и необходимому условию развития; в ней формулируются методологические принципы, представляющие собой особую подсистему в общей системе единства философского и конкретно-научного знания. К их числу можно отнести принципы простоты и принципиальной наблюдаемости, соответствия и дополнительности; новым содержанием наполняются принципы детерминизма и индетерминизма, определенности и неопределенности бытия, единства объекта и субъекта в познании. Значительную роль в формулировании и анализе этих принципов сыграли Н. Бор и В. Гейзенберг, а также многие представители фундаментального знания и философии науки.

Методологические принципы – это одна из форм воплощения органического единства науки и философии и поэтому они содержат в себе потенциальную неопределенность интерпретации и поливариантность толкований. В методологической литературе особенно острые дискуссии развернулись о содержании принципа детерминизма (и индетерминизма) в физике микромира и принципа дополнительности Н. Бора, в основании которого лежат представления о противоречивости и неопределенности бытия. Сейчас эти дискуссии несколько утратили свою остроту, так как творческое мышление всегда стремится к достижению нового, оставляя нерешенными проблемы для будущих поколений. Но на определенном этапе развития появляется острая потребность вернуться к анализу исходных понятий и принципов, так как без такого анализа существующее знание лишается своего фундамента и как бы зависит в пустоте. Именно поэтому

сейчас становится актуальным анализ методологических принципов науки середины XX столетия, выяснения их сути и непреходящего значения для теоретического мышления. В свою очередь, высокий уровень развития современного теоретического мышления позволяет лучше понять и оценить его предыдущие формы, его историю.

Методологический анализ фундаментальных понятий и принципов науки необходимо предполагает возвращение и обращение мысли к первоисточникам, к классическому наследию прошлого, ибо здесь они сформулированы в чистом и незасоренном виде. Различные толкования неизбежно происходят в последующем их изложении, не всегда адекватном и продуктивном. Поэтому, чтобы лучше понять смысл принципа дополнительности и его значение для современной методологии науки, нужно, прежде всего, обратиться к идеям самого Нильса Бора, его учеников и последователей, его непосредственных оппонентов.

Принцип дополнительности ввел Н. Бор в 1927 г. в качестве общеметодологической идеи для объяснения квантовомеханического способа описания. Это вызвало бурные философские дискуссии, которые по существу вылились в обсуждение принципиальных вопросов всей философии науки и философии в целом.

Влияние идеи дополнительности на последующее развитие всего физического познания противоречиво. Развитие и особенно осмысление квантовой механики с ее зарождения шло под влиянием боровской концепции, и в то же время среди тех, кто принципиально не признавал эту идею, были М. Планк, А. Эйнштейн, Л. де Бройль в отдельные периоды своей деятельности, – ученые, которые стояли у истоков современной физики, внесли существенный вклад в ее последующее развитие и в методологию науки.

Создатели квантовой механики – В. Гейзенберг, М. Борн, П. Йордан и другие выдающие физики XX столетия – восприняли дополнительность как абсолютно новый метод научного познания, высшее выражение современной философии науки, которая стоит над традиционными философскими системами, – идеализмом, материализмом и позитивизмом, хотя и включает в себя элементы всех трех систем мышления.

Несомненно, что к оценке философских взглядов каждого из выдающихся представителей фундаментальной науки нужно подхо-

дить строго индивидуально и, как показал опыт дискуссий двадцатого столетия, попытки подвести всех основоположников современной физики под какую-либо единую форму непродуктивны и некорректины. Если В. Гейзенберг, например, видит непосредственную связь современной физики с философией Платона, то М. Борн относится к этому античному мыслителю как к внешнему авторитету и кроме физики не признает никаких других авторитетов, в том числе Аристотеля, Томаса, Канта, Гегеля, Маркса.

Сам же Н. Бор, хотя и склонен был придавать дополнительности общий характер и распространял ее действие далеко за пределы физической науки, никогда не претендовал на какую-либо законченность своих суждений и тем более на создание новой философии. Он всегда стремился поддерживать вопрос в состоянии неопределенности и не раз подчеркивал, что дополнительный способ описания не является отрицанием объективного и «точка зрения дополнительности далека от какого-либо мистицизма, противоречащего духу науки; в действительности она представляет собой последовательное обобщение идеала причинности» [1, т. 1, 283]. Как свидетельствует В. Гейзенберг, «Бор относился к своей теории с гораздо большим скептицизмом, чем многие другие физики, например, Зоммерфельд». [2, 6]

Стремление подняться над традиционными философскими системами – характерная черта теоретически мыслящих естествоиспытателей. Этот процесс невозможно оценить однозначным образом; он многогранен в своих проявлениях и формах. Нередко бывает так, что ученый заново открывает для себя уже известные в философии и даже исчерпавшие себя истины, повторяя их на своем профессиональном языке, который кажется ему более оригинальным, новым и, как подметил А.И. Герцен, в этом случае прокладывается тропинка там, где есть уже широкая торная дорога. Но часто бывает и так, что эта узкая и извилистая тропинка, которая органически включает в себя элементы истины и заблуждения, выводит исследователя на широкую поляну неизведанного мира, ведет к познанию новых закономерностей и формированию новой естественнонаучной картины мира и нового стиля мышления. Этот путь не является ясным и безошибочным; он таит в себе множество туманных пятен и поэтому привлекает к себе внимание представителей различных, порой диаметрально противоположных, философских и научных направлений, взглядов, течений,

и главная достопримечательность таких «сумасшедших» (Н. Бор) идей состоит в том, что они, как искра в темную ночь, возбуждают творческий разум на новые свершения в науке и философии. Именно такую стимулирующую роль в науке в значительной мере сыграла идея дополнительности и вся творческая деятельность датского физика и мыслителя XX столетия Нильса Бора.

Каждый ученый или мыслитель, выдвигая какую-либо фундаментальную идею, стремится придать ей всеобщий характер и поэтому экстраполирует ее проявление на предельно широкую предметную сферу. Так и творцы квантовой механики, особенно представители копенгагенской школы, восприняли дополнительность как концепцию, имеющую эпохальное значение и новый метод мышления, который фундаментально отличается от сложившихся представлений, основанных на классической физике, и может аналогичным образом проявить себя в других областях естественных наук. Такой вывод имел принципиальное значение для науки и ее методологии уже тем, что провозглашается качественно новый этап в ее развитии, новые идеалы и нормы самого понятия научности знания. Но каждое фундаментальное открытие или идея в науке обычно порождает больше дополнительных вопросов, чем поясняет картину мира, особенно на первоначальном этапе ее становления. В данном случае до сих пор не решен главный вопрос о том, что такое идея и принцип дополнительности, каково их содержание и значение в формировании неклассического стиля научного мышления? Не менее значимым является также вопрос о том, какое влияние оказали традиционные философские системы на формирование нового стиля мышления, связанного с дополнительным способом описания микроявлений, и какое обратное влияние идея Н. Бора оказала на современную философию и методологию науки. Необходимо также более четко обозначить конкретно-научную основу и общефилософский смысл концепции дополнительности, чтобы избежать неопределенности в ее толковании и в ее философской интерпретации.

Поиски истоков методологии науки возвращают нас к античной философии и, в частности, всеобъемлющему в то время и систематизирующему учению Аристотеля, провозгласившему основные правила и пути достижения истины, которые должны включать в себя такие этапы, как исследование истории вопроса, поиск проблемы на

этой основе, выдвижение гипотезы и ее последующее обоснование. Эти мысли Стагирита не утратили своего значения до нашего времени и не только для начинающих исследователей при написании ими диссертационной работы; они являются своеобразным показателем культуры ученого любого уровня и ранга.

Зарождение собственно методологии нужно связывать с именами Ф. Бэкона и Р. Декарта и их работами «Новый Органон» и «Рассуждения о методе», в которых впервые обстоятельно была вскрыта фундаментальная роль и назначение методов научного исследования, предложены и обоснованы их конкретные формы. Дискуссии между сторонниками эмпиризма и рационализма как диалектическими противоположностями будут накладывать свой отпечаток на всю проблематику методологии науки в последующие эпохи научного познания и его философского осмысления.

Современная методология науки связана с завершением ее классического этапа и формированием нового стиля научного мышления, основанного на неклассической науке, фундамент которой составили, прежде всего, теория относительности и квантовая механика; они по-новому поставили вопросы не только о сущности мира, но и о самом процессе познания, его ценностях и идеалах, формах и границах, единстве объективного и субъективного детерминизма и индетерминизма.

В неклассической науке методологические принципы представляют собой не только форму мышления и способ достижения истины, но и сами становятся предметом познания, необходимой и существенной целью, атрибутом научного исследования. Основополагающий вклад в достижение этой цели внесли творцы современной науки – А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Бор, В.И. Вернадский, Д.И. Блохинцев, Ф.А. Фок, Б.М. Кедров. Каждый из них нередко находился под влиянием какой-либо философской системы, будь то позитивизм Э. Маха или экзистенциализм С. Кьеркегора, материалистическая диалектика (включая критически-полемическую работу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», считавшуюся долгое время эталоном полемики для ряда философов и естествоиспытателей) или неокантианство.

Однако дискуссии по вопросам философии науки были обусловлены не только и не столько различной философской ориента-

цией ее участников; поливариантный, многокачественный характер – это сущность и форма проявления методологии науки вообще.

При всем многообразии проблем методологии неклассической науки цементирующую роль играли дискуссии, связанные с принципом дополнительности, которая выражала собой сущность так называемой «копернагенской интерпретации» квантовой механики. Она включала в себя не только интерпретацию физической теории, но и общегносеологические выводы; причем и то, и другое базировались на ряде гипотез, обоснованность которых на данном этапе развития теоретического знания была проблематичной.

Принцип дополнительности Н. Бора был введен с целью разрешить парадоксальную ситуацию, связанную с новыми выводами квантовой теории, которые коренным образом отличались от традиционных представлений классической физики и соответствующего ей стиля мышления и мировоззрения. Выяснилось, что классические представления неприменимы в новой теории и в то же время эта теория вынуждена обращаться к классическим понятиям для описания своих постулатов и результатов опыта. Н. Бор неоднократно подчеркивал значение в качестве решающего принципа следующего основного положения: «Как бы далеко не выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий» [1, 406]. Необходимость такого описания сам Н. Бор и его ученики, например, В. Гейзенберг, видели в том, что в процессе эксперимента нужно рассказать другим о полученных результатах, «иначе мы не поймем друг друга» [2, 35].

Представляется, что такое объяснение отражает лишь внешнюю сторону явления, но не сущность процесса познания и динамики развития научных теорий. Физики прекрасно понимают друг друга на уровне высоких абстракций новых теорий, но спорят о содержании применяемых в них классических понятий и представлений, как например, о содержании понятия корпускулярно-волнового дуализма, являющегося физическим основанием принципа дополнительности.

Необходимость использования классических понятий в новой теории обусловлена не внешними факторами и ради потребности во взаимопонимании, а внутренней логикой развития научного знания, выраженной в принципах соответствия и преемственности научного

знания, а в более общем случае – в принципе материального единства мира. Они не только постулируют возможность применения одних и тех же понятий в различных областях знания, но и делают эту возможность существенной необходимостью, а также ограничивают пределы экстраполяции выводов одних теорий на другие. Такая экстраполяция допустима только тогда, когда есть некоторые совпадения предметов исследования теорий в предельном значении их характеристических параметров. В реальном научном исследовании данное условие выполняется не всегда, что ведет к возникновению в теории различных парадоксальных ситуаций. Именно такая ситуация, как нам представляется, возникла в теории микропроцессов, разрешить которую был призван принцип дополнительности.

Чтобы составить более четкое представление о концепции дополнительности, выделим в ней сам принцип, который базируется на уравнениях физики и их интерпретации, и общеметодологическую идею, включающую в себя общегносеологические и мировоззренческие выводы из физической теории и данных опыта. Сразу отметим, что в целом концепция дополнительности и различные формы ее выражения основаны на ряде допущений и гипотез, соответствие которых отражаемой ими реальности еще недостаточно обоснована, что позволяет сделать вывод: авторитет точного знания, в частности – физического, не является абсолютным и незыблемым. Чисто умозрительные математические конструкции в применении к реальным физическим проблемам могут иметь лишь приближенный характер. Как отмечал А. Эйнштейн: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, они не точны; они точны до тех пор, пока они не ссылаются на действительность» [3, 83].

Ограниченные возможности применения математики в научном познании отмечали и другие выдающиеся ученые. Так, В.И. Вернадский, подчеркивая позитивное значение математики в прогрессе науки XIX–XX столетий, считал вместе с тем, что она не может охватить всю реальность и «стремление к этому в ряде определенных отраслей знания приводит не к углублению, а к ограничению силы научных достижений» [4, 427].

Более категорично по этому вопросу выражается В. Гейзенберг. Он писал, что физические проблемы нельзя решить исходя только из чистой математики: «Математика – это форма, в которой мы выражаем

ем наше понимание природы, но не содержание. Когда в современной науке переоценивают формальный элемент, совершают ошибку и притом очень важную» [5, 262].

Но и сама математика не является абсолютно строгой и полностью обоснованной наукой, на что обращают внимание сами представители этой сферы познавательной деятельности человека. «Многие полагают, что математику можно свести к правилам формальной логики... Это лишь обманчивая иллюзия» – писал выдающийся математик и философ науки А. Пуанкаре [6, 286]. М. Клайн подчеркивает, что в современной математике доказательство, абсолютная строгость и тому подобные понятия – блуждающие огоньки, химеры, не имеющие пристанища в реальном мире. «Никакого общепринятого критерия строгости в современной математике не существует. Математическая строгость переживает сейчас не лучшие времена. То, что некогда считалось неотъемлемой особенностью математики – неоспоримый вывод из явно сформулированных аксиом – навсегда отошло в прошлое. Неопределенность и способность впадать в ошибку присущи логике в той мере, в какой они ограничивают возможности человеческого разума. Приходится лишь удивляться, сколько фундаментальных допущений мы обычно принимаем в математике, даже не сознавая этого» [7, 363].

Таким образом, в современной науке возникла парадоксальная ситуация, аналогичная применению классических понятий в новых теориях. Математика все более утрачивает свою логическую строгость и определенность, особенно в процессе применения ее методов к решению реальных физических проблем, и в то же время наиболее продуктивной и перспективной формой мышления современной науки является язык математики, который в сочетании с понятийным языком естествознания дает полное представление об исследуемых процессах. Многих естествоиспытателей, в том числе А. Эйнштейна, удивляло и восхищало удивительное согласие понятий чистой математики реальным процессам и то обстоятельство, каким образом человеческий разум без всякого опыта, путем только размышлений может понять свойства реальных вещей.

Все дело в том, что математика как наука в своей целостности и в процессе своего исторического развития не является только продуктом чистого разума; в ее основании лежат обобщение и осмысление

практического опыта человека. Опыт и его осмысление, чувства и разум составляли единый и взаимодополняющий друг друга процесс постижения истины не только в математике, но и в развитии науки в целом; это есть первая имплицитная форма проявления дополнительности, явное выражение которой в виде принципа будет сделано в XX веке.

Математика – это не только язык науки, но и метод, определенная форма мышления, позволяющая глубже понять и точно сформулировать закономерности природы. Метод математической гипотезы широко применяется в физике. Но при решении реальных физических проблем приоритетная роль принадлежит не формально-логическим, а специальным методам познания, в противном случае неизбежны такие выводы и суждения, обоснованность которых проблематична из-за их чисто умозрительного характера.

Метод математической гипотезы был применен, в частности, Луи де Б्रойлем в 1923 г. при выводе уравнения, на основе которого он сформулировал идею корпускулярно-волнового дуализма. Уравнение устанавливает связь длины волны кванта излучения с его импульсом и постоянной Планка. В. Гейзенберг в 1927 г. сделал следующий шаг в познании микромира, сформулировав соотношения неопределенностей, которые ограничивают точность одновременного измерения канонически сопряженных величин значением постоянной Планка. В разных условиях опыта микрочастица может вести себя как корпускула либо как волна, и чем точнее мы будем измерять ее координаты, тем неопределеннее будет значение ее импульса. И наоборот – одно исключает другое.

Для разрешения этой парадоксальной ситуации служит принцип дополнительности как весьма общее методологическое правило. Бор по этому поводу отмечал: «Чтобы характеризовать соотношения между явлениями, наблюдаемыми при разных экспериментальных условиях, был введен термин «дополнительность»; он подчеркивает тот факт, что взятые вместе такие явления исчерпывают всю поддающуюся определению информацию об атомных объектах» [1, 523]. В этой связи возникают по меньшей мере три взаимосвязанных и дискуссионных в методологической литературе вопроса: 1) Является ли гипотеза корпускулярно-волнового дуализма необходимым логическим следствием, вытекающим из формулы де Броиля? 2) Каким

образом идея дуализма волны-частицы воплощается в соотношениях неопределенностей В. Гейзенберга и в чем их суть? 3) В чем действительное методологическое значение принципа и концепции Н. Бора? Есть все основания полагать, что все эти гипотезы, отраженные в трех вопросах, нуждаются в дополнительном физическом и методологическом обосновании.

Формула де Бройля получается путем несложных вычислений, если приравнять значение энергии светового излучения, выраженной уравнениями Эйнштейна и Планка. В этом случае появляется возможность и соблазн представить в качестве корпускулы возникающее в результате этих преобразований произведение массы на скорость света как импульс. Но гипотеза корпускулы не вытекает логически ни из математических преобразований, ни из их физического содержания; и в том, и в другом случае о частице нет речи. Речь идет об энергии света, а не корпускулы.

Устанавливать равенство двух представлений энергии можно только тогда, когда речь идет об одном и том же объекте, т. е. об излучении; в противном случае мы допускаем элементарную физическую ошибку, хотя с точки зрения математики и математической гипотезы это возможно и допустимо. Речь идет об излучении даже тогда, когда производится вычисление энергии, связанной с дефектом массы, возникающей в результате превращений элементарных частиц, например, нейтрона в протон или при термоядерных реакциях. Более того, формула де Бройля имеет промежуточный характер; продолжение вычислений по ее дальнейшему преобразованию приводит к элементарному классическому выражению длины волны как скорости света, поделенный на частоту. Тогда представление об импульсе уходит из рассмотрения теории.

Корпускулярно-волновой дуализм – это гипотеза, которая нуждается в дальнейшем обосновании. Световую волну можно представить как сгусток (квант по М. Планку) энергии и экстраполировать на его анализ корпускулярные представления, но такая картина будет лишь приблизительно отражать реальный объект, не более чем аналогия, ввиду ограниченной применимости классических понятий в анализе квантовых явлений.

По вопросу обоснования и интерпретации соотношений неопределенностей В. Гейзенберга также нет единого мнения в специ-

альных и методологических дискуссиях. Это гипотеза, которая лежит в основании квантовой механики, но обоснование этой гипотезы находится вне данной теории; оно, возможно, будет осуществлено на следующем, более высоком уровне познания явлений микромира.

Обычно обсуждается смысл и интерпретация этих соотношений. Сам В. Гейзенберг считает, что неопределенности возникают из-за неточности всех наших восприятий явлений микромира; Н. Бор – из-за ограниченной применимости классических понятий в квантовой области. Онтологически мыслящие естествоиспытатели и философы науки полагают, что неопределенность присуща объективно самим микропроцессам, но в обоснование своих тезисов ни одна из сторон не может привести решающих и достаточных доказательств – ни экспериментальных, ни теоретических.

Можно привести ряд серьезных аргументов в доказательство тезиса о том, что современная физика, как и математика, базируется на весьма шатком основании.

Соотношение неопределенностей – это гипотеза, сформулированная на основе мысленного эксперимента с так называемым гама-микроскопом. При этом в качестве эталона принимается длина волны гамма-кванта как предельное значение точности измерения координаты и импульса электрона. Постулируется, что точность одновременного измерения координаты и импульса электрона не может быть больше значения постоянной Планка.

Данный вывод требует дополнительных теоретических и экспериментальных обоснований; это специфическая черта любого научного принципа, который вводится на первоначальном этапе развития теории и в последующем ее восхождении к своей конкретности и целокупности приобретает статус научного закона.

Прежде всего, необходимо выяснить, насколько правомерно экстраполировать идею (гипотезу) корпускулярно-волнового дуализма, сформулированную для познания света (как модель) на явления микромира, в частности для оценки состояния движения электрона. Возможно ли отождествление световых явлений с микрочастицами, имеющими массу покоя, то есть отождествление поля и вещества? Без такой аналогии гипотеза корпускулярно-волнового дуализма применительно к электрону становится проблематичной. Ее можно рассматривать лишь условно, как модель, теоретический и гипотетиче-

ский образ объекта, но не объект сам по себе, обладающий реально данными свойствами. Если корпускулы света еще как-то можно интерпретировать онтологически как некие сгустки энергии кванта, то волновые свойства электрона – это нечто иное, это не механические процессы, а волны вероятности, как это следует из данной М. Борном интерпретации волновой функции в уравнении Э. Шредингера. Именно таким образом электрон можно рассматривать как некое подобие кванту света, но эта аналогия еще недостаточна для того, чтобы делать окончательные выводы о реальных свойствах и сущности объекта. Современная теоретическая наука оперирует не реальными объектами и вещами, а их моделями, образами и в этом суть отличия натурфилософского и диалектического подходов к познанию, которое применительно к физике нашло свое отражение в принципе дополнительности.

Дополнительность – это не физический, а методологический принцип, регулирующий наше мышление, познание более сложных явлений, чем классические модели, где объект рассматривается как движение бесструктурного образования, материальной точки. Этот принцип существенно отличается от классического способа описания, в основе которого лежит натурфилософское мышление, своеобразное метафизике прошлого, или, по терминологии Гегеля – докантовская метафизика. Такая форма мышления не преодолена полностью и в современных философских системах, в том числе и в подходах изложения диалектики, где содержание ее сводится порой к сумме примеров о явлениях природы, общественной жизни и познания. Диалектика в этом случае сама рассматривается с точки зрения метафизического мышления и несет в себе черты натурфилософского способа описания, поскольку она рассматривается как непосредственная наука о вещах и непосредственная истина. Данную особенность мышления подметил еще Гегель.

Метафизика, по Гегелю, – это наука «о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается, что они выражают существенное в вещах» [8, 120]. Характеризуя сущность метафизического мышления, он отмечает: «Первым отношением мысли к объективности является наивный образ мышления, который, не создавая еще противоположности мышления в себе самому себе, содержит веру, что посредством размышления познается истина и что она обнаруживает перед со-

знанием то, что объекты суть поистине» [8, 133]. Именно влиянием натурфилософского и метафизического мышления можно объяснить тот факт, что мы наделяем объективностью абстрактные схемы и понятия, а из формул, полученных методом математической гипотезы, делаем непреложный вывод, что свет и частица суть корпускулярно-волновые сущности и эти сущности суть поистине.

Диалектика не репродуцирует непосредственно свойства вещей из теоретических умозаключений или математических формул и, на-против, не рассматривает теорию как непосредственное и абсолютно истинное отражение реального мира и эмпирических фактов. Диалектика – это не наука о вещах, мыслящих поистине, но определенная форма мышления, вербальная картина бытия и его познания.

Диалектика – это всеобщая форма теоретического мышления, основанная на принципе раздвоения единого на взаимоисключающие противоположности и познании его противоречивых сторон, их взаимной связи, столкновения и развития [9, 5]. В своей полноте и целостности, как всеобъемлющее учение о развитии, диалектика реализует себя в философии; в конкретно-научном познании и принципах диалектическое мышление неполно и односторонне, но только на этом уровне диалектика находит свое реальное воплощение и проявление в многообразных и поливариантных формах. Концепция дополнительности есть одна из форм проявления всеобщего диалектического мышления в конкретно-научном познании, в его методологическом представлении и осмыслении, выражает собой сложную природу микрообъектов и противоречивый характер их отражения в теории. В уточненной формулировке принцип дополнительности можно определить: постулаты теории, выражая собой проявление в данных условиях опыта противоположных свойств объекта, не противоречивы, а, взаимно дополняя друг друга, образуют целостный образ его как систему. Данное определение, как нам представляется, позволяет преодолеть ограниченность натурфилософского мышления в анализе соотношения опыта и теории, по-новому взглянуть на общие вопросы теории познания и, в частности, на диалектику относительной и абсолютной, объективной и субъективной истины.

Как отмечал Н. Бор, противоположности не противоречивы, а дополнительны. Таким образом, противоречивыми могут быть только наши суждения, формулирующие образ объекта, который в разных

условиях опыта проявляет противоположные свойства. Парадоксальность ситуации нивелируется, если возвыситься над метафизическими мышлением, полностью отождествляющим объект и его теоретический образ.

Концепция дополнительности имеет более широкое содержание, чем принцип, и поэтому она может быть сформулирована как общеметодологическая идея, выходящая за рамки физики микромира и гипотезы корпускулярно-волнового дуализма. Основные идеи концепции дополнительности – это целостность и системность исследования явлений, поливариантный характер теорий, их методологических оснований и нелинейный характер формулируемых ими закономерностей, а главное – органическое единство объекта и субъекта в процессе познания. Именно эти особенности и формы мышления составляют главный гносеологический урок физики XX столетия, сущность стиля мышления науки неклассической (индeterminистической) и постклассической эпохи ее развития.

Термин «дополнительный», «дополнительность» не являются порождением только методологии науки; он широко применяется в философии и в других дисциплинах. В современном русском языке, например, «дополнительный» означает «добавочный», являющийся дополнением к чему-нибудь. Дополнить – значит прибавить к чему-либо, сделать его более полным, восполнить в нем недостающее. Аналогично: «дополнять друг друга» – обладая различными особенностями, чертами, вместе представлять некоторое единство, целое.

Но этимология термина не отражает собой всю глубину и многообразие смысла научного понятия и принципа. Чтобы возвыситься до уровня категории или принципа науки, термины и понятия рассматриваются не изолированно, а вводятся в теоретическую систему как существенный элемент, определенным образом соотнесенный с ее другими категориями и принципами. Но в этимологии слова «дополнительность» отражены некоторые существенные черты соответствующего принципа; это – целостность, единство и различие взаимодополняющих сторон исследуемых явлений, цельность и неделимость которых, по Н. Бору, требует типично дополнительного способа описания.

Как общеметодологическая идея дополнительность – это такое отношение между явлениями, формами мышления, совокупность ко-

торых, выражая различные стороны, свойства объекта, представляет собой некоторое единство, целое.

Отношения дополнительности широко представлено в диалектической философии, хотя и не рассматривалось здесь отдельно. Необходимость и случайность, тождество и различие, индукция и дедукция, анализ и синтез, чувственное и логическое рассматриваются в философии в том смысле, что каждая из этих категорий только в единстве со своей противоположностью отражает цельность и полноту соответствующих связей и их познания. Взятые же в отдельности и далее абсолютизированные, как это было нередко в истории науки и философии, они неполны, односторонни.

Дополнительные стороны являются таковыми только тогда, когда они едины, тождественны в своей основе. В классической физике корпускулярные и волновые свойства объектов не дополняют друг друга, а в лучшем случае находятся в отношении сосуществования. Дополнительными стороны будут только тогда, когда они взаимодействуют между собой, взаимно проникают друг в друга как единый и целостный процесс. Такое отношение между корпускулярными и волновыми свойствами объекта устанавливает новая теория – квантовая механика, которая коренным образом изменяет содержание понятий волны и частицы, формулирует картину мира и стиль научного мышления, основанные на представлениях о единстве определенности и неопределенности микропроцессов.

Появление новых методологических принципов не является локальным актом, присущим только данной узкой области познания, а отражает собой характерные черты общей закономерности развития науки, связанной с изменением картины мира и стилей научного мышления. Наиболее радикальные из этих изменений знаменуют собой научные революции. Как показывает история естествознания и история философии науки, в периоды крутой ломки старых и установления новых понятий и принципов научного мышления неизмеримо возрастает интерес к проблемам методологии, более плодотворным и конструктивным становится процесс взаимного обогащения философии и науки. Поэтому идею дополнительности, как и другие принципы современного научного знания, нужно рассматривать не изолированно, а в их взаимной связи, как необходимый результат развития научного знания и как выражение стиля мышления современной эпохи.

Диалектизация науки, как главный методологический и гносеологический урок физики XX столетия, – это имманентный процесс ее интеграции с философским знанием. Этот процесс порожден прежде всего внутренними потребностями, логикой развития самого конкретно-научного знания, высоким уровнем его теоретизации и математизации, активным влиянием на практическую деятельность человека, его мировоззрение и сознание. Процесс в значительной мере стимулирован глубокими и плодотворными исследованиями проблем методологии науки, союзом диалектической философии и естествознания.

Диалектизация научного мышления проявляет себя в том, что фундаментальные философские идеи и методологические принципы возникают в самом конкретно-научном знании как необходимый результат его развития, органический элемент его структуры и методологический регулятив построения теории. В методологических принципах наиболее полно реализуется фундаментальная идея союза философии и естествознания, которая в современной науке становится все более плодотворной и принимает разнообразные формы. Многообразие и качественная неисчерпаемость мира предполагает качественные различия и поливариантность форм его теоретического познания и отношений между теориями.

Из принципа материального единства мира логически не вытекает идея одной науки, основанной на жестко детерминистических представлениях. Единство научного знания не в его единообразии, а во взаимодействии и непротиворечивости его поливариантных форм, в которых отражено многообразие и неисчерпаемость мира.

Методологические принципы – порождение современной эпохи; своей интегрирующей ролью и целостным представлением объекта познания они формируют и выражают диалектический стиль мышления. Конкретно-научная теория получает в методологических принципах свое философское обоснование, подобно тому, как философия находит в них свою конкретно-научную опору и непосредственное проявление.

Формы диалектизации науки многообразны: теоретизация и математизация, преемственность. В развитии научного знания – и ускорение его темпов, единство процессов дифференциации и интеграции и т. д. Но, пожалуй, самая существенная форма диалектизации со-

временной науки, коренным образом отличающая ее от классических представлений и принципов, заключается в признании органического синтеза объекта и субъекта в познании сложных систем, проявляющих свойства цельности и неделимости.

Представление о цельности и неделимости микрообъектов, их органическое единство с условиями опыта накладывают определенные ограничения на сам процесс познания, формы выражения их в теории в качестве единого и нерасчлененного образа. Такой образ должен отражать собой не только противоположные свойства объекта, но и противоречивый характер его познания, его субъективную форму выражения сущности и закономерности мира. Н. Бор отмечал, что нам нужно помнить завет древних – в драме бытия мы являемся одновременно и актерами, и зрителями. Положение об органическом единстве объекта и субъекта в познании, выраженное им в принципе дополнительности, он считал одним из главных уроков физики XX столетия. Наличие субъективного элемента в теории свидетельствует не только и не столько об ее ограниченности, что соответствовало бы классическому идеалу научности, но есть необходимая сторона и атрибут всякого научного мышления. Это значит, что мы должны переосмыслить не только идеалы и нормы научного знания; обоснование самой диалектической философии может быть плодотворным, как нам представляется, только на основе включения в нее представления об органическом единстве объективного и субъективного в качестве фундаментального и нерасчлененного процесса.

Итак, содержание гносеологического урока физики XX столетия многограново; он включает в себя фундаментальные мировоззренческие, гносеологические и методологические идеи, проблемы формирования новой естественнонаучной картины мира и соответствующего ей стиля научного мышления. Задача заключается не только в том, чтобы выявить составляющие этого урока, но и рассмотреть их в системном единстве как целое.

Главный и всеобщий вывод, как нам представляется, состоит в том, что физика и наука в целом вскрыла принципиальную невозможность конкретно-научного знания абстрагироваться от всеобщих метафизических суждений и выводов, которые включаются в сам организм теории, выражают ее сущность и содержание. Сформировался новый тип «физической реальности» – «онтогносеологическая ре-

альность» – модель мира, в которой субъект и объект познания представлены как единое и нерасчлененное целое и в этом единстве полнее выражают собой основное содержание и сущность рассматриваемых процессов. Субъективность в этом случае не является проявлением субъективизма, но представляет собой более полное и адекватное выражение стиля современного научного мышления, сущности самого процесса познания. В этой связи необходимы более глубокие исследования самой теории познания и диалектики. Чисто натурфилософский (объективистский) подход к обоснованию диалектики все более обнаруживает свою ограниченность и черты онтологической наивности и может быть преодолен, на наш взгляд, субъективно-материалистическим подходом [9; 10], основанном на принципе органического единства объекта и субъекта в теоретическом мышлении. Более того, такой подход полнее учитывает и сохраняет исторические традиции в диалектическом мышлении.

Стали достоянием истории науки знаменитое предостережение И. Ньютона «Физика, берегись метафизики!» и его принцип научного познания «Гипотез я не измышляю!». Физика зародилась в лоне механики и до сих пор сохраняет на себе огромное влияние этой фундаментальной теории. Но в последующие века эта наука расцвела во всем многообразии и величии, особенно в XX веке; стали иные, более глубокие и всесторонние отношения ее с новой философией. Аналогичным образом развилась, раскрыла поистине неисчерпаемые горизонты и возможности, свои связи с наукой сама Метафизика. Поэтому в новых условиях мы можем и должны провозгласить тезис: «Физика, прими Метафизику и диалектику как всеобщую форму теоретического мышления!»

Абсолютная точность научного знания, основанная на идее жесткой детерминации явлений и строгого противопоставления объекта субъекту, как проявление классического стиля научного мышления, подвергается диалектическому отрицанию представлением о вероятностной и поливариантной детерминации, включающей в себя принцип неопределенности и нелинейности в качестве фундаментальных идей современной науки. Представления о жесткой детерминации явлений не отрицаются полностью, но значительно ограничивается круг их возможных проявлений. Фундаментальное значение в науке приобретают приближенные методы исследования,

которые более адекватно отражают процессы неопределенности состояния, связи состояний и становления. Для описания тенденции развития (поэтому во многом неопределенной и нестрогой) может быть эффективным введенное нами представление о «законе – тенденции». По существу все законы диалектики и иные социально-экономические законы принадлежат к данному классу взаимосвязи явлений.

В научном познании и философском мышлении всегда существовала парадоксальная ситуация, которая будет постоянно возбуждать творчески мыслящих ученых. Положения науки незыблемы в том смысле, что они базируются на прочном основании экспериментальных фактов и всего предшествующего знания. Поэтому любые попытки снять с пьедестала уже устоявшиеся и принятые в научном сообществе теории можно расценивать, на первый взгляд, как некоторую навязчивую идею, которые всегда возникают в среде непрофессиональных в данной области знаний людей. Памятники с пьедестала снимают только вандалы.

Но, с другой стороны, всегда возникает вопрос, насколько прочный фундамент самого пьедестала теории и науки в целом? Ответ на него является уже не столь очевидным, как это может показаться с первого взгляда. Ни математика, ни метод математической гипотезы и, тем более, общефилософские утверждения о возможной применимости классических понятий в квантовой области не дают нам достаточных оснований с достоверностью утверждать об абсолютной истинности теорий, основанных на этих методах. Точность научного знания не является абсолютной гарантией его истинности. И в то же время, точность и логическая строгость суждений является необходимой стороной, атрибутом научности теории.

П.С. Лаплас сформулировал идеальный образ классической науки и соответствующего ей жестко детерминистического стиля научного мышления, основанного на представлении об однозначной определенности явлений и допущений принципиальной возможности в их абсолютно точном описании. Картина мира современной науки – это Мир неопределенности, нелинейности и поливариантной детерминации явлений, это Мир Процесса. Формированию данных представлений в науке мы в значительной мере обязаны физике XX столетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бор Н.* Избранные научные труды. – Т. 1. – М., 1970; Т. 2. – М., 1971.
2. *Бор Н.* Жизнь и творчество. – Собр. статей. – М., 1967.
3. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов. Т. 2. – М., 1966.
4. *Вернадский В.И.* О науке. – Т. 1. – Дубна, 1977.
5. *Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. – М., 1987.
6. *Пуанкаре А.* О науке. – М., 1983.
7. *Клейн М.* Математика. Утрата определенности. – М., 1984.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. – Т. 1 «Наука логики». – М., 1975.
9. *Осипов В.Е.* Диалектика, ее сущность, принципы и основное содержание // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов на/Д, 2005. – № 4.
10. *Осипов В.Е.* Диалектика: натурфилософский и субъективно-материалистический подходы к ее обоснованию // Культура. Наука. Образование. – ИрГУПС. – 2014. – № 1.

УДК 17.024.1

А.В. Егоров

КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРЫ СОВЕСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Автор рассматривает понятия культуры совести в системе философии культуры, выявляет онтологический, гносеологический, этический и эстетический аспекты культуры и культуры совести.

The author examines the concept of «Culture of Conscience» in the philosophy of culture, reveals ontological, gnosiological ethical and aesthetic aspects of culture and the culture of conscience.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Культура, культура совести, философия культуры, социоэкосистема.

KEYWORDS: Culture, Philosophi of culture, culture of conscience, socioecological sistem.

Необходимость философского познания и осмыслиения культуры сегодня связано с динамичностью социальной жизни, оно диктуется реальными потребностями общества в решении насущных и нравственных задач, способных регулировать жизнедеятельность людей. В развитии общества возникают такие периоды, когда ранее сложившиеся устои, традиции с определенной системой понятий, универсалий культуры (представления о природе, обществе, семье, человеке, совести, свободе и т. д.) теряют свою значимость и перестают полноценно функционировать в обществе. Такие ситуации обычно связаны с потерей людьми определенных видов деятельности и с появлением

Егоров Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения

новых, ещё неосвоенных. Потребность в социально-философском осмыслиении культуры совести состоит в том, чтобы решать поставленные жизнью проблемы. Философия даёт возможность найти новые мировоззренческие ориентиры, критически и конструктивно осмыслить сложившуюся обстановку и сформировать новую социальную парадигму.

Философия культуры как область философского знания включает наиболее общие понятия культуры, даёт научное представление о совести и культуре совести, изучает наиболее общие функции культуры, её ценности и закономерности развития. В круг интересов философии культуры входят методы научно-культурной теории. Культура становится самостоятельной областью социологическо-философских исследований. В этом есть большая социальная потребность в связи с усилением значимости культуры, её нравственной ценности, ростом её социального влияния.

Вопросы нравственности стали актуально востребованными особенно в период глобального влияния массовой культуры. Философия культуры – это система социально-философских знаний о становлении гражданского общества и человека, о ценностно-мировоззренческих аспектах культуры и творческо-культурной сущности человека. Это наиболее обобщенная теория культуры с относительно самостоятельным гуманистическим содержанием.

Важная задача философии культуры – понять мир как объект культурного пространства, выявить закономерности субъект-объектных отношений определить взаимосвязь социальных условий и культуры совести личности, осмыслить роль человека как субъекта культуры и проанализировать его творческую деятельность в этой сфере.

В центре философии культуры стоят социально-нравственные проблемы бытия и небытия человека, проблемы осмыслиения человеком социально-глобальных процессов и роли человека в технологических преобразованиях. Важное место в философии культуры занимает проблема взаимоотношения внешнего рыночного, технократического мира и мира духовно-внутреннего, связанного с самосознанием человека, реальной жизнедеятельностью. Становление и развитие философии культуры разрабатывалось такими учеными, как Н.Я. Данилевский, Л.Н. Гумилев, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев,

Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, П.С. Гуревич, А.И. Кравченко, В.С. Степин, А.А. Гусейнов и многими другими.

С платформы социально-философского подхода жизнь понимается как процесс культурно-производственных отношений, связанный с производством материальных и духовных благ для удовлетворения повседневных потребностей человека. Культурно-экономическая структура общества, согласно К. Марксу, представляет собой реальный базис, на котором воздвигается в качестве идеологической надстройки духовная жизнь общества с её морально-нравственными принципами и ценностями. В марксистском учении обосновывается примат материального производства благ, определяющий историческое место сознания и бытия в их единстве [1, с. 6].

В современной концепции философии культуры важное место отводится организационно-регулирующей роли социальных институтов, способных поддерживать всю функциональную систему общественных ценностей. Социологическая служба выявляет мотивы людей, корректирует их программу поведения, необходимую для стабильного развития и воспроизведения общества.

Первым отчетливо выраженным актом осознания культуры в рационально-философском мышлении была философская школа ранних греческих софистов, которые противопоставили мир человеческих творений миру отношений человека к природе. Этим была намечена не только граница между гуманитарным и естественнонаучным знанием, но и определена специфика культуры как особой сферы реальности. Философи антiquity были нацелены главным образом на толкование природы как единственной и всеохватывающей реальности. Однако античность знала уже понятия, близкие к нашей культуре: таковы греческая «пайдея» и римская «гуманитас», общий смысл которых – воспитание и образование достойного гражданина. Субъективный аспект культурного творчества рассматривался греками как дополнение, как подражание (мимесиса) природным образцам.

В Новое время культура как сложившаяся система знаний рассматривается в связи с развитием философии культуры как особой области познания и освоения мира. В качестве проблемных областей философии культуры можно выделить: выявление статуса культуры в общей системе философских знаний, специфику философского ос-

мысления культуры, культурно-нравственную проблематику, социально-философские методы познания объекта культуры, структуру культурного знания, закономерности его развития, выявление онтологической основы культуры и анализа ценностных аспектов культуры.

Исходя из гносеологического подхода, культура есть система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизведения и изменения социальной жизни во всех её основных проявлениях [2, с. 524]. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены в различных формах: в виде знаний, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накопленный социальный опыт человечества.

Эти программы деятельности, поведения и общения находятся в постоянном развитии. Они обеспечивают воспроизведение многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, с присущей ему предметной средой (второй природы), системой социальных связей и типов личностей, т. е. всего того, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе её исторического развития.

В связи с понятием «философия культуры» закономерно рассматривать социально-философский, нравственно-ценостный аспекты культуры совести. Культура совести как некий функционирующий в обществе ценностный атрибут определяет суть смыслов, настроений, отношений ответственности личности, который необходим для нормальной жизнедеятельности людей.

Категориально-понятийную структуру культуры можно представить как сложную социальную систему программ, знаков, кодов, содержащих и несущих информационную специфику деятельности, поведения и общения людей в обществе. Культура как развивающаяся система программ межличностных и межобщественных отношений отражает социальный опыт деятельности, поведения и общения людей.

В онтологическом смысле культура предстаёт в виде материальной, духовной и кодо-знаковой форм. Ключевым звеном социально-философской системы является человек как творение и творец

культуры. Он становится личностью только благодаря усвоению социально-культурного опыта. Процесс овладения опытом осуществляется путем социализации, обучения и воспитания. Своеобразие этого процесса заключается в том, что происходит сложное совмещение, соединение биологических программ, характеризующих его индивидуальную наследственность, и надбиологических программ, связанных с социальным опытом людей. В процессе деятельности, основываясь на уже созданные и познанные программы, человек способен создавать новые нормы, образцы, идеи, которые вызваны соответствующими потребностями общества. Любые изменения в культуре возникают только благодаря творческой активности личности. Индивидуальный опыт людей, если в нём нуждается общество, превращается в социальный, который закрепляется в конкретных феноменах культуры. Так, нравственной ценностью человека и его личностно-образующим фактором является совесть. Совесть – это социальный феномен, продукт эволюционно-сознательного, коллективно-идентифицированного становления человека, его активной причастности к обществу.

Философский аспект культуры позволяет наметить относительно предельные основания отношений человека к миру, выработать продуманную систему духовных ценностей, определяющих социальную и личностную программу человеческой жизнедеятельности с её смысловым содержанием и направленностью. Философия культуры не просто выступает как констатация должного, она даёт цельную теоретическую программу действий в реализации «должного», представляет мировоззренческую систему, органически связанную с нравственно-ценостной направленностью и личностными возможностями человека в этом мире. Философия культуры включает критико-рефлексивный анализ человеческих отношений, рассматривает человека как высшую ценность, его отношение к миру и реализацию должного в контексте бытия, универсума в целом.

Философия культуры как одна из областей философии отражает роль культуры в жизни человека, раскрывает интегративную способность культуры во всех формах деятельности человека, выступает в качестве самосознания эпохи. Проблема культуры совести есть важная социально-нравственная составляющая философии культуры.

Социально-философский аспект культуры совести есть вид духовно-теоретической деятельности личности, непосредственно сопряжённый с социальной практикой конкретной эпохи, ориентированный на решение актуальных задач общества. В современных условиях эти задачи связаны, прежде всего, с выработкой сознания культуры совести, предполагающей ответственность людей перед лицом национальных, глобальных процессов, от которых зависит выживание человечества. Проблема культуры совести как составная философии культуры предполагает развитие нового мышления, определяет приоритетные цели и направления в социально-нравственном оздоровлении общества. Данная проблема решается только в комплексе социальных задач, т. е. она связана с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей. Значимость культуры совести объективно актуализируется.

Преимущественное обращение к культуре нравственности, моральному сознанию и его реальному проявлению вызвано необходимостью, связанной с воспитанием нового поколения, переходом общества на рыночно-частные отношения. Социальные изменения в нашем обществе вызваны интеллектуально-коммуникативной, технологической революцией, использованием научно-технических достижений, влиянием массовой, потребительской культуры, становлением информационного общества. Опираясь на опыт различных форм познавательного, ценностного и практического освоения мира, осмысливая и перерабатывая в своих понятиях мировоззренческие идеи, синтезируя многообразные системы знаний, философия культуры ставит постоянную задачу воспитания человеческой совести. Дефицит совести особенно остро ощущается сегодня с развертыванием глобально-информационно-технологических преобразований.

Итак, предметом философии культуры является культура, а основным её вопросом становится отношение человека к культуре и, в частности, к культуре совести.

Культура совести как социально-философское понятие, как своего рода мировоззренческий принцип выявляет роль совести в общественных отношениях, её ценность и функции. Совесть как элемент духовной культуры раскрывает уровень морального сознания личности и общества.

Общество создает культуру как особый деятельностный способ освоения человеком мира. Отсюда человекотворческая деятельность связана со сложной функциональной инфраструктурой общества. Культура выступает как универсальный способ познания мира, самого человека, его творческой сущности. Культура как «вторая природа» представлена как система, как совокупность созданных и накопленных материальных и духовных ценностей, социального опыта, информации, она как особый род реальности является результатом человеческой деятельности и его труда.

Составляющим духовно-творческим элементом культуры совести являются знания, ставшие нормами и принципами поведения людей. Нравственные знания становятся необходимой основой существования общества и нормой общественных отношений. Культура как способ отражения общественных отношений и как система выражает различные формы общественного сознания, интересы и потребности людей.

Основанием культуры как личностного явления является деятельное отношение человека к миру, целью которого является создание материальных и духовных ценностей как специфических форм проявления добра. Культура совести – это выработанный и признанный людьми уклад, порядок (обычаи, традиции, принципы, закон), соблюдение которого есть долг и ответственность каждого человека перед обществом и перед самим собой. Осознание долга и оценочной ответственности порождает совесть. Совесть, как органически составляющая социально-нравственной культуры человека, определяет степень упорядоченности межличностных отношений. Такой социально-нравственный феномен может проявляться только в обществе. Естественно, что все общественные отношения охвачены различными формами организаций.

Система общественных отношений образует целостный общественный организм – общество-социум. Системообразующий фактор культуры включает производственные отношения, на базе которых складываются экономические, социальные, политические, национальные, духовно-нравственные, бытовые и другие сферы бытия. По определению К. Маркса, общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу [3, с. 214]. В результате трудовой, производствен-

ной, социальной, духовной, совокупной общественной деятельности объективно складывается и формируется общество с соответствующей культурой. Общество, по К. Марксу, выявляется «как продукт взаимодействия людей» [4, с. 402], оно всё соткано из человеческих отношений.

Общество как совокупность общественных отношений связано с производством материальных и духовных благ, с их исторически определенными формами обмена, распределения и потребления, образуя тем самым единый социально-экономический рынок. Общество, с соответствующей упорядоченной системой общественных отношений, создает культуру.

Культура как способ организации и развития видов человеческой деятельности находит свое выражение в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и знаний. Она полагает свободу выбора, позволяет человеку пользоваться конкретно-историческими артефактами, выступает как социальная необходимость в различных формах организации трудовой деятельности, средствах воспитания и образования.

Культура как социальная необходимость связана с различными формами образования, обучения и воспитания. Одна из важных функций культуры – образовательно-воспитательная, человекотворческая. Формирование культуры совести – процесс сложный. В ходе её становления возникают противоречия между объективно существующими порядками общества и действиями субъекта, между социальной необходимостью и свободой личности. Несоответствия и конфликты происходят и по причине неосознанной, личностной свободы.

Культура совести – не врожденное качество человека, это осознанное чувство ответственности, которое возникает и проявляется в процессе социального развития, социализации личности, её нравственной практики. Определённый общественно-экономический, исторически-конкретный строй является объективным, естественно-историческим основанием ответственности личности. Экономический строй, конкретные социально-политические условия определяют рамки свободы и необходимости культуры совести, выражающейся в осознанно-оценочной ответственности личности.

Перед каждым обществом всегда стояла важная социально-нравственная задача поддержания и воспитания культуры личности.

Сегодня есть все условия, которые позволяют людям соблюдать основные правила общежития и трудиться по долгу и совести. Общество как универсальная форма социальной культуры с её материальными и духовными ценностями становится актуальным предметом философского анализа и исследования. Исследуя природу культуры совести, мы прежде всего рассматриваем социально-нравственный компонент отношений как способ регуляции человеческих действий. В культуре совести мы находим материальные и идеальные, объективные и субъективные, социальные и индивидуальные, личностные и коллективные аспекты нравственной культуры функционирования общества.

Культура совести – это социально-нравственный аспект культуры общества, которое в свою очередь является структурным элементом планетарной макрокультуры. Общество – это структурное человеческое образование, объединенное в определенные слои и группы (семью, коллектив, партию, класс, нацию) и связанное более или менее осознанными узами, а именно: традициями, родством, экономическими интересами, идейными устремлениями, а в целом культурой.

Рождение общества есть рождение этнической культуры. Воздействие человека на землю имеет и обратный процесс, то есть земля под одухотворенным трудом человека как бы становится субъектом для человека, воспитывая в нем такие качества, как трудолюбие, уважение к земле, терпение и гуманность. Такое важное качество человека, как гуманность, формируется не само по себе, а через опосредованные, культурно-социальные, субъект-субъектные отношения. Культура объективно и субъективно складывается в рамках общества в процессе трудовой деятельности людей как результат исторического процесса освоения человеком окружающего мира: мира природы и мира общества, мира человека и его общения.

Общество как исторически организованный социальный организм ни на минуту не может не создавать материальные и духовные ценности, а создавая их, не может не общаться на разных уровнях и в разных формах. Общество – это живое воплощение культуры, её нравственный, духовный носитель и потенциальный источник материального и духовного воспроизведения. Общество как осознанный социальный организм не может обойтись без главной своей функции – деятельности. Деятельность является жизненной, творческой

функцией общества. Именно в деятельности рождается человек как носитель и представитель общества. Деятельность – это жизненный процесс, в ходе которого человек созидаёт, проявляя свою социальную сущность, воплощенную в материально-духовных вещах, преобразуя природу и одновременно развивая себя как активного культурного субъекта.

Именно труду обязан человек как своим первоначальным становлением, так и развитием всех человеческих качеств. В деятельности человек осваивает предмет-объект, делает его мерой своей культуры. Человеческая деятельность обладает особой спецификой, суть которой заключается в том, что человек взаимодействует не только с природой, включая её в состав своей материальной и духовной культуры, но и с обществом, преобразуя себя как личность.

В производственной деятельности, даже если она прямо и соизнательно направлена на получение вещественно-материального и информационного результата, люди воспроизводят самих себя иными, нежели теми, кем они вошли в этот процесс. В процессе трудовой деятельности, по словам К. Маркса, люди создают «новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» [5, с. 484]. Деятельность как целенаправленный процесс связана с общением, накоплением и обменом производственного опыта, с получением материальных и духовных ценностей. По своей сущности деятельность есть именно социально-преемственная активность субъекта, адресующая себя другим людям и поколениям, опредмеченная, а также запечатлённая в символико-знаково-кодо-звуковой системе.

Культурная деятельность начинается с производства орудий труда, а затем с производства орудий с помощью орудий. Деятельность людей протекает на базе созданных ранее объективных предпосылок и определенных культурно-общественных отношений. Культурная деятельность – это способ существования общества, способ перехода из формы идеально-потенциальной способности и потребности человека в форму предметного и вещественного воплощения.

Культурная деятельность – это целостная система, включающая умственную деятельность, которая предполагает действия человека, оперирующего ещё не с реальными предметами и не путём реальных движений, а используя идеальные динамические модели, созда-

ваемые в процессе мышления. Далее, мыслительно-волевая деятельность связана с реально-предметной, и через неё она реализуется. В зависимости от характера отношений человека к окружающему миру выделяют преимущественно-практическую и духовно-теоретическую формы деятельности.

В процессе трудовой и интеллектуальной деятельности формируются нравственные качества человека, насыщаясь опытом и знаниями реального века, возникает и внутренняя культура индивида. Труд становится решающей силой формирования самого человека и возникновения у него таких свойств, как самосознание и совесть. Общество можно представить как осознанную субсистему природы Вселенной, а культурную деятельность – как способ его существования.

Культура есть способ существования общества, который сопровождается процессом создания новых ценностей, включая освоение уже созданного наследия, социального опыта, информационного богатства. Она поддерживается многообразием форм деятельности, направленной на преобразование действительности, на воспитание и образование человека, на выявление и развитие его сущностных сил. Культура в широком понимании есть совокупность материальных, духовных ценностей и качеств самого человека, созданных и создаваемых обществом, человеком в результате его творческо-трудовой деятельности.

Процесс производства есть основа и источник развития духовной культуры: науки, искусства и литературы, философии и морали, права и просвещения. Культура есть уровень развития общества и мера социального развития личности, она как социально-историческое явление характеризуется набором материальных и духовных ценностей. Процесс производства материальных благ является базисной основой общества. Будучи зависимой от потребностей и запросов общества, духовная культура не изменяется автоматически, она имеет свою относительную самостоятельность.

Социальные программы человеческой деятельности, поведения и общения, представленные разнообразием культурных феноменов и форм, образуют целостную историческую картину культуры. В своей совокупности она содержит богатый социальный опыт, систему образов и представлений, знаний об устройстве мира и месте человека в этом мире. Культурные архетипы, способы мировосприя-

тия служат основой для воспроизведения социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, с присущей ему предметной средой, системой связей и типов личностей. Человек как социальное явление живет в трех плоскостях временного культурного пространства, он использует наработанный социальный опыт прошлого, живет настоящим и создает предпосылки для будущего. В этом просматривается преемственность в развитии культуры, ее определенная закономерность.

Культура – это созданная и в то же время динамичная социоэкосистема, состоящая из двух взаимосвязанных компонентов: природы и общества. Социоэкосистема возникает в результате тысячелетней эволюции и развития общества. Это высшая более или менее равновесная система социальной природы – социосфера (разумной, живой сферы природы). Социоэкосистема находит свое отражение в культурологической, кодово-символико-знаковой макросистеме, состоящей из структурных субсистем.

Кодово-символико-знаковая система находит свое обобщение в понятиях философии, в частности, философии культуры как специфической области философии. Философия культуры даёт наиболее общее понятийное осмысление культуры, её возникновение, связи с другими явлениями объективного мира, рассматривает морально-нормативные принципы с лежащими в их основе понятиями: нравственности, совести, культуры совести, свободы, воли и т. д.

Культура совести как составная этическая сторона философии культуры предполагает определенную наиболее общую систему норм, правил, отношений человека к обществу, технике и природе. Культура совести как морально-этический компонент философии культуры содержит мировоззренческий, ценностный и гуманитарный аспекты. Она как субсистема приобретает относительную самостоятельность и проявляется с учётом конкретных социально-исторических условий.

Социоэкосистема есть культурное образование, она функционирует и как сложная организация субсистем по изучению и освоению человеком природы, общества, социальных отношений, а также по исследованию поведения самого человека. Культура существует как сложная совокупность программ управления, ведущая нас к всеобщей информационной системе.

Всеобщая информационно-знаковая система находит отражение в социальной философии, которая представлена категориальной структурой, обеспечивающей систематизацию человеческой информации и знаний о мире в целом. Эти универсальные категории, включённые в круг мировоззренческих проблем человека, его рефлексии и созерцания, составляют уровень развития культуры человека и общества. Это уровень понятий, отражающий ту реальную действительность, в которой живёт непосредственно человек. Это категории и понятия, отражающие отношения субъекта (человека) к объективному миру (объекту), словом, это субъект-объектные взаимодействия и взаимосвязи человека с природой. К ним относятся такие категории, как пространство и время, природа и мир, сознание и материя, количество и качество, движение, информация и управление.

Второй составляющей частью социоэкосистемы являются понятия, характеризующие самого человека как субъекта деятельности, его отношение к обществу, к ценностям жизни и к самому себе. Данная социоантропологическая система обобщена такими универсальными категориями, как: человек, личность, субъект, общество, самосознание, добро, зло, красота, долг, свобода, ответственность, справедливость, совесть, культура совести и другие. Эти понятия характеризуют субъект-субъектные отношения, культуру взаимоотношений, уровень гуманности, культуру умения творить добро. Две системы категорий, отражающие жизнедеятельность человека: первая система категорий отражает мир, в котором живет активный человек, вторая – выражает активное отношение человека к человеку, обществу, служащему источником его становления и развития.

Эти категории отражают в наиболее обобщенной форме исторически сложившийся опыт человека, особенности и структуру социальных отношений, связей, характеризуют субъекта деятельности как социально-духовную ценность. В этой системе можно выделить особо актуальные понятия, связанные с отношениями человека (субъекта) к самому себе как объекту познания. Эти понятия совести, долга, ответственности, уважения, связанные с субъект-субъектными отношениями, направлены на самовоспитание и самосовершенствование личности. Данные понятия характеризуют внутренний и духовный мир человека, его социально-достойную меру поведения, деятельности и общения. Они связаны с самосо-

знанием, самоответственностью, самоуважением, сопереживанием и другими понятиями.

В целом культура представляет целостную социоэкосистему универсалий, которая пополняется новыми понятиями и уточняется. Как и любая система, культура имеет такие подсистемы, как философия культуры, социология культуры, философия чувств, культура совести с определенными функциональными связями. Любую культуру можно рассматривать только с позиции её активного носителя – человека. Культура включает понятия, отражающие объективный мир, но только через призму человеческого субъекта деятельности и межличностных отношений.

Культура совести, как своеобразный социокультурный феномен самосознания человека, формируется только в сфере социальных отношений. Культура совести – это исторически складывающийся и протекающий процесс усвоения социального опыта человеком и превращения этого опыта в личностное качество и личное руководство. Это процесс интериоризации социального опыта и идентификации личности. Общество принимает все то, что необходимо для его стабильного развития и воспроизводства. Оно вырабатывает такие механизмы-регуляторы, которые способны его очищать, поддерживать и восстанавливать.

Отсюда: культура совести есть результат жизнедеятельности общества, включающий взаимоотношения человека с человеком, человека с природой, человека с техникой, человека с Богом и человека со своим собственным «Я». Вся эта социальная система отношений выстраивается по поводу мышления и творения добра как материального и духовного источника жизни. Добро выявляется как основное содержание культуры и нравственной культуры в частности. Поэтому культура совести выходит за рамки качества личности человека, она становится принципом, основой общественных отношений, нравственной и эстетической ценностью по своей гуманной направленности.

Понятие культуры совести представляет собой уровень социально-нравственного развития личности, соблюдающей общечеловеческие принципы бытия. Совесть человека содержит определённый уровень интеллектуально-морально-волевого и социально-культурного развития. Культура совести предполагает свободу и права человека, придает гуманистическую ориентированность экономике, по-

литике, раскрывает родовую сущность труда и тем самым выявляет свое философское содержание.

Становление общества есть становление культуры как всеобъемлющий процесс, включающий совокупность общественных отношений. Важной составляющей любой культуры является развитие морально-нравственной сферы. Без её структурных элементов, без наличия языка, народной мудрости, здравого смысла, обычаяев, обрядов, традиций и принципов не может состояться ни одна культура мира, ни одна народность, ни одна нация. Нравственная культура включает в себя возделывание, воспитание совести человека, его самосознания. Культура совести – это нравственно-ценное качество общества, которое создаётся людьми в процессе их трудовой и общественной деятельности, она присуща каждому обществу, но проявляется по-разному и на различных уровнях.

Как социально-философское, морально-нравственное, ценностное понятие, культура совести характеризует уровень самосознания личности и общества с его самооценкой жизнедеятельности. Совесть как нравственное самосознание человека никогда не мыслима без добрых намерений, без должных поступков. Добро как общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности, оказывает регулятивное воздействие на поведение людей и тем самым выступает в виде социального требования, долженствования. Добро соответствует своему назначению – оно направлено на благо, счастье других людей, утверждая самоценность каждого индивида. Добро как общечеловеческая ценность осознается, понимается и реализуется в поступках, это требование человечности, которое не может быть разменено на какие бы то ни было индивидуальные или групповые выгоды. Словом, основанием культуры совести является добро, которое в рамках морального освоения мира играет такую же роль, какую в рамках научного познания играет истина, а в рамках художественного – красота.

Культура совести, опираясь на деятельные, творческие позитивные силы личности, связана с адекватным отражением действительности познающим субъектом, то есть с истиной. Категория истины характеризует результаты практическо-познавательной деятельности, а ее объективное содержание помогает регулировать межличностные отношения. Отражаясь в сознании, истина закрепляет уверенность

человека в его поведении и поступках, раскрывает существенные стороны морально-нравственных отношений человека с учетом конкретных условий их развития.

Социально-нравственные отношения, строящиеся на добрых и истинных основах, прекрасны. Понятие «прекрасное» – категория эстетики, в которой находят отражение явления действительности. Если человек бескорыстно творит добро, то это прекрасно. Прекрасное – продукт общественно-исторической практики. Оно возникает и развивается в процессе труда, когда человек в соответствии с мерой познания объективных законов наиболее полно и свободно в данных исторических условиях реализует свои творческие дарования и способности, когда он господствует над предметным чувственным миром, наслаждаясь трудом, как любимой игрой. Прекрасное есть синтез истинного и доброго, гуманного и нравственного, реального и совершенного, материального и духовного. Словом, культура совести есть понятие, в основе которого находятся базисные категории: добро, истина, красота, и только в союзе «трех граций» культура совести может помочь спасти человеческий мир.

Культура совести по своей сущности гуманская, человечна, её онтологическо-бытийный аспект помогает раскрыть творческие способности личности, реализовать её свободу. Не может быть жизни человека без внутренней культуры, смысла и идеала. Совесть – это внутреннее око и прозрение, она не может существовать без деятельности. Смысл жизни заключается в том, чтобы жить по законам знаний, по закону совести, по закону деятельности и общения. Это идеальное требование, к которому стремится общество, есть и наиболее общая идея для всего человечества, для каждого народа с учетом исторически национальных особенностей.

Итак, рождаясь и развиваясь, общество творит культуру посредством социальной деятельности. Культура возникает как способ жизни и существования, как средство познания и овладения действительностью. Деятельность человека как форма отношений его к природе и обществу поднимает человека до уровня самосознания, до уровня культурного субъекта, способного создавать материальные и духовные ценности. Самосознание общества и человека способно понимать мир природы и мир свободы. Самосознание становится фактором проявления культуры совести и её формирования.

Итак, категориально-понятийная система культуры неразрывными узами связана с философией культуры. Философско-мировоззренческая система культуры – это особая форма познания мира, содержащая наиболее общие существенные характеристики человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех её основных проявлениях. Философия культуры стремится рациональными средствами создать предельно обобщенную картину мира и место человека в нём. Необходимость философского познания мира коренится в динамике социальной жизни и диктуется реальными потребностями в поиске новых и необходимых мировоззренческих ориентиров, регулирующих человеческую деятельность. Таким регулятором деятельности, общения и поведения является культура совести, культура осознанной, приемлемой, нравственной жизнедеятельности. Философское познание выступает особым самосознанием культуры, которое активно воздействует на её развитие.

Мировоззренческие универсалии и их связь со смыслами исторически определенного общества, с их поведенческим содержанием и деятельностью образуют категориально-смысловую, ценностную модель жизнедеятельности общества. В этой сущностно-ценостной системе присутствуют социальные, надбиологические программы. Ключевой и составляющей программой этой системы является программа постоянного поддержания и формирования нравственной культуры. Это наиболее востребованный фактор регулирования общества, основывающийся прежде всего на знании и самосознании человека.

Культура как сложная и развивающаяся система опирается на наиболее фундаментальные категории, универсалии, связанные с субъектом деятельности, его бытиём, общением и творчеством. Основное содержание этих понятий для человека представлено в философии культуры. Философия культуры – это наиболее общая и кардинальная программа конкретно-исторического типа общества. Её важной составляющей является культура нравственного бытия, общения и деятельности личности.

Философия культуры обладает аналитико-критической функцией, способной определить пути выхода из создавшейся кризисной ситуации. Она служит и научным методом выявления нарушений в функционировании и реализации социокультурной системы, способствует повышению уровня нравственной культуры, её норма-

тивно-регулятивной функции. Так, политический, финансово-экономический кризис, связанный с коренным переустройством и изменением структуры ценностей, привёл к снижению эффективности механизмов нравственной регуляции, а также лишил общество идеино-идеологической концепции.

Общество лишилось многого, в том числе консолидирующей идеологии, материальных источников, но самое драматичное – у него отобрали идею-образ, по подобию которого строилось жизнью многих людей. Девальвация устоявшихся традиционных норм морали, ценностных ориентиров и императивов, образовательных и воспитательных установок привела к разрушению интегративных мотивов, резкому расслоению общества. Это социальное явление коснулось и школьного сознания учащихся. Появились дети бизнесменов, которые подчас руководствуются правом «сильнейшего» [6, с. 4]. В обществе неотвратимо утверждается принцип «каждый за себя». Его социокультурное содержание может превратиться в хаотичную массу индивидов и индивидуалистов.

Поэтому выход из социокультурного кризиса возможен только комплексным путём, но обязательно при наличии двух условий: за счет, прежде всего, людей-тружеников, заинтересованных в сохранении (или возрождении) культуры нравственности, совести как важного интегрирующего фактора и прозрачных общественных отношений; во-вторых, в формировании новой интегративной идеологии (или существенного обновления традиционной), которая чётко формирует цель и задачи, обеспечивает ориентиры и побуждает к социальной активности. Такой идеологией должна быть идеология общечеловеческих ценностей, включающая культуру совести, проявляющуюся во всех сферах общества и во всех человеческих отношениях. Только на таких основах возможно строительство правового государства с гражданским обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. : Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е. изд. – Т. 46. – Ч. 1. – 702 с.

4. Маркс К. Письмо Павлу Васильевичу Аненкову // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд. – Т. 27. – С. 402.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – 484 с.
6. Абдулаев М. Школа как она есть и как она будет // Парламентская газета, 2010. 5-е марта. – С. 4.

УДК 162.6

Е.Н. Струк

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ «ПРЕДЕЛА» В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья преследует цель расширить методологическую базу социально-философских исследований пределов развития общества. В ней рассмотрены различные подходы к пониманию предела в истории философской науки. С точки зрения философского терминотворчества дано определение категории предела. Определены родовые категории предела: развитие, изменение.

The purpose of the article is to expand methodological base of social-philosophical researches of limits of development of a society. In it various approaches to understanding of a limit in the history of a philosophical science are considered. Definition of a category of a limit is made. Patrimonial categories of a limit are defined: development, change.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предел, развитие, изменение.

KEYWORDS: *limits, development, change.*

Глобальный системный кризис, с которым столкнулось человечество в новом тысячелетии, заставил задуматься об особенностях социальных изменений в современном мире. Все более очевидным становится тот факт, что историческое движение достигло некоего предела, на границе которого развернулись бурные драматические события. Пристальному вниманию исследователей предстала специфическая область реальности: кризисные состояния, пограничные зоны взаимодействия различных систем, предельная неустойчивость и относительность бытия. Сегодня человечество все больше теряет

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения

ориентацию в мире, отрывается от онтологических начал своего существования. Поэтому проблематика социальных изменений общественной жизни остро стоит перед сегодняшними исследователями. Требуются концепции, позволяющие ориентироваться в постоянно меняющемся обществе, в условиях становления новых правил взаимодействия отдельных элементов и подсистем внутри видоизменяющейся социальной системы. В связи с этим появились совершенно новые философские проблемы, работа над решением которых заставляет по-иному взглянуть на классические проблемы человека и общества.

Ситуация настоятельно требует научной, а точнее – философской рефлексии, этой действительности и ее достаточно широких преломлений. Понятие «предел» выступает научной и мировоззренческой универсалией, которая прежде явно не осознавалась в таком качестве, хотя неявно функционировала во всём социальном опыте человека и общества, в их деятельности, взаимодействии и поведении. Предел понимается нами как общее свойство универсума, которое является объективным атрибутом всех сфер природы, социума и человека.

Необходимость постановки проблемы предела/пределов связана с тем, что на протяжении последних полутора веков из всех фундаментальных и прикладных отраслей знания приходили «сигналы», свидетельствующие, что к числу важных, хотя и нетрадиционных для философского дискурса универсальных закономерностей, относится закономерность, выражаяющая действие предела – универсального эволюционного механизма изменения, действующего особым образом в рамках каждой конкретной области действительности. На сегодняшний день принципиально невозможно осуществить на теоретическом уровне анализ появляющихся новых проблем, если нет ясности и четкости определения научных понятий. Известно, что категории являются важнейшими элементами консолидации теоретического дискурса. С точки зрения философии, категории являются формой закрепления полученных знаний. Они выступают в роли инструмента дальнейшего изучения мира. Неопределенность и незавершенность становления новой общественной системы обусловливают невозможность объяснения ее развития привычным методологическим аппаратом. Современное знание обнаруживает принципиальную не-

завершенность познания общих закономерностей происходящих социальных изменений, а существующие подходы (диалектический, структурный, системный и т. д.) уже исчерпывают себя, и здесь требуется синтез различных подходов, основанный на холической методологии.

Довольно сложной задачей оказывается задача формулировки категории предела. Что такое предел? Поиски конструктивного ответа на данный вопрос – цель настоящей работы.

Возможно несколько путей поиска ответов на обозначенный выше вопрос.

Первый и наиболее заманчивый – рассмотреть все возможные случаи предела в каждой из фундаментальных наук о природе, обществе и познании. Однако этот путь, наряду с несомненными достоинствами (анализ реальных пределов), содержит в себе и явные недостатки. Частные подходы, принципиально незавершенные и неполные по своей сути, не дают ответа на вопрос о сущности предела и поэтому не являются всеобщими определениями даже во всей своей совокупности.

Второй путь: можно сделать обобщение частных случаев, исходя из анализов конкретно-научных типов пределов. Но и такой подход будет недостаточно полным и сущностным. Он будет содержать в себе ограниченности неполной индукции. Это будет один из возможных вариантов ответа на вопрос, в зависимости от того, какой из типов предела примет исследователь за основной и базисный для обобщающих выводов.

Третий и наиболее перспективный вариант – исходить из общей теории развития, частным случаем которого является предел. Однако в этом случае мы не сможем покинуть поле дискуссий, так как понимание развития, а вместе с ним и предела было исторически различным, остается таковым и сейчас и будет неоднозначным в будущем. Это значит, что дать всеобъемлющее определение категории развития и предела, абсолютно истинное толкование их в принципе невозможно, как, впрочем, и любой другой философской категории. Но можно отразить суть вопроса, исходя из общего уровня развития научного и философского знаний. Это должно быть синтетическое суждение, основанное на единстве индуктивного и дедуктивного методов анализа, обобщении исторического опыта и интуитивном озарении мысли.

Категория «предел» по своему содержанию исключительно многообразна и многослойна, непосредственно это раскрывается при попытке обнаружить ее определенное содержание как фиксированного слова в языке философии, так как употребление ее оказывается настолько широким и разноплановым, что представляется затруднительным очертить четкую сферу ее применения. О пределе пишут как о крайней черте чего-либо, как о норме или запрете, как о законе, пределы прилагаются к пространственной и временной характеристике материального мира, к математическим и физическим объектам, к человеческому бытию вообще, к естественно-природным процессам и т. д. Неоднозначность, но и универсальность данной категории можно обнаружить в языковых интерпретациях, традициях и т. д. Размышляя о категории *предел*, неизбежным становится ситуация тавтологии (описанная М. Хайдеггером), так как сам язык пронизан пределами, предельными являются и человеческая природа, и разум, и чувства.

Неоднозначны и трактовки определения предела в зависимости от типа носителя, продуцента опыта, от выбранного круга общественной проблематики, от внешнего или внутреннего плана рассмотрения. Предел и все, что с ним связано, находит воплощение в различных теоретических построениях, зависящих от особых «культурно-исторических априори», важнейшим из которых является язык. Люди живут не только в материальном и социальном мире, а «в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе [5, с. 261]. Проблема определения категорий и понятий выражена в известной гипотезе «Сепира-Уорфа» о лингвистической относительности: «Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию... Определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из природы, невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к категориям того или иного конкретного языка» [7, с. 175–177]. Таким образом, «мышление всегда движется в колее, проложенной языком. Языком заданы как возможности мышления, так и его границы. Но о том же самом говорит и опыт интерпретации, которая в свою очередь имеет языковой характер. Когда, например, мы не понимаем некоторый текст и отдельное слово озадачивает нас своей многозначностью, предла-

гая разные возможности своего истолкования, мы, бесспорно, имеем дело с препятствием на пути языкового осуществления понимания» [1, с. 13]. Именно при попытке определения сущности предела бросается в глаза его противоречивость и парадоксальность. Первый парадокс возникает уже в попытке семантического определения предела, так как определить предел – значит ограничить его, положить ему предел/границу, указав на родовую и видовую принадлежность. Таким образом, рефлексия по поводу сущности предела попадает в собственный герменевтический круг. Однако круг этот имеет онтологический характер – от него невозможно, да и не нужно освобождаться. По мнению Гадамера, мы не можем преодолеть исторической обусловленности нашего понимания. Он говорит о «ситуационной укорененности» понимающего субъекта, причем видит в этой укорененности положительное начало для исторического понимания.

В современном научном тезаурусе употребление слова «предел» – явление обыденное. Категорией предела оперируют практически все, от обыденного языка до сложных математических и философских теорий. В самом общем значении его смысл понятен всем, однако в специальном философском понимании нигде не проясняется. Парадоксально приобретя право быть и восприниматься научным сообществом в качестве специального термина, «предел» не имеет четкой definicции. Чаще всего «предел» используется, во-первых, в своем буквальном значении как граница, рубеж, допустимая норма, и, во-вторых, как составная часть словосочетаний, в которых он уточняет временные или пространственные рамки («предел эпохи», «предел терпения», «за пределом»).

Значительная часть терминологической неоднозначности вокруг категории «предел» в философии объясняется тем, что социальный конструкт, описываемый данным термином, постоянно изменяется и развивается. Разнотечения в definicциях, по мнению автора, являются естественным следствием многослойности, многосторонности, необычайной многогранности пределов как природного, так и социального явления. При этом сущность предела неуловима, размыта и поэтому постоянно проскальзывает через любую сетку definicий. Он оказывается прозрачным для рефлексии, так как сам задает возможности смыслу, рефлексии и definicии. Определение предметной сущности предела оказывается практически невозможным, так

как он является скорее условностью, чистым «опосредствованием» (Гегель). Поэтому лишь рефлексия опосредствует сущность предела средствами понятийного аппарата. Сущность предела возможна только в замкнутом размышлении о нем самом.

Занявшись философским терминотворчеством, необходимо отметить, что введение, или вернее возвращение, в философскую науку категории «предел» осуществляется при помощи приема, известного как прием семантической конверсии, т. е. перевода слов общеупотребительного языка в разряд научных терминов.

В «Словаре русского языка» даются следующие значения слова «предел»:

- Край, конечная часть чего-либо. Переносное: конец, окончание, завершение чего-либо.
- мн.ч. пределы. Естественная граница или условная черта, являющаяся границей какой-либо территории; рубеж. Местность, пространство, заключенные в какие-либо границы. Край, страна. Промежуток времени, ограниченный какими-либо сроками (обычно в сочетании *в пределах*).
- Мера, граница чего-либо; рамки. Высшая степень чего-либо.
- Математическое. Постоянная величина, к которой приближается переменная величина, зависящая от другой переменной величины, при определенном изменении последней [3, с. 470].

Категория «предел» является абстракцией и, как всякая абстракция, не может быть определена точно и однозначно. В то же время предел – категория универсальная, применяемая в различных сферах жизни и деятельности. В качестве научного термина слово «предел» употребляется в нескольких отраслях науки: математике, физике, лингвистике.

В латинском языке слово *terminus* (предел) имеет следующие значения: пограничный знак, межа, рубеж; конец, окончание. К нему восходят понятия предела в современных европейских языках: итал. *termine* – 1) предел; 2) грань; 3) граница; 4) срок; 5) условие, обстановка; 6) цель; 7) слово, термин; 8) член (предложения, суждения и т. п.); исп. *termino* – 1) предел; 2) граница; 3) конец, конечный пункт; 4) срок; 5) район, округ, участок; 6) цель; 7) понятие; 8) термин, выражение; 9) член (многочлена и т. п.); франц. *terme* – 1) предел; 2) конец; 3) срок; 4) слово, выражение; 5) член (многочлена и т. п.); 6) отношения.

В русском языке предел обозначается словом *конец*, т. е. «предел, граница чего-либо, последний момент (о времени); смерть, расстояние между двумя отдаленными точками и т. д.». При этом слова «начало» и «конец», в русском языке, образованы от одного корня «кон», который сохранился в русском языке в своём прежнем значении «предел, черта, граница» в народных и детских играх.

Первоначально в русском языке слово *предел* состояло из старославянской приставки пре (значение предельной степени действия, превосходящего какую-либо меру, или высшей степени качества) и корня дел/дело.

В «Словаре русского языка» слово «дело» имеет следующие общеупотребимые значения:

- Работа, занятие, деятельность.
- Круг ведения; то, что непосредственно относится к кому-н., входит в чьи-н. задачи.
- Надобность, нужда.
- Нечто важное, нужное.
- Сфера знаний, деятельности, работы.
- Событие, обстоятельство, факт; положение вещей и др. [3, с. 129].

Таким образом, в русском языке *предел* – это начало и конец какого-либо дела, события; преодоление сложившегося положения вещей; самый важный момент и т. д. С течением времени произошло опрощение слова *предел*. Когда аффиксы теряют свой смысл в составе слова, происходит их слияние с корнем, и слово, бывшее ранее производным, осознаётся как простое, ни от чего не образованное. При этом чтобы устранить многозначность в понимании слова *предел* в русском языке, было заимствовано из английского языка слово финиш (заключительная часть спортивных соревнований), из итальянского – *финал* (конец какого-либо события, дела, явления), из греческого – *эпилог* (заключительная часть литературного произведения).

При работе с категорией «предел» необходимо учитывать:

– отсутствие достаточно развитой теории, которую можно было бы использовать целиком, включая категорию «предел», как одно из обоснованных в ней понятий;

– необходимость, тем не менее, опоры на некоторые уже существующие теории. Это означает оперирование имеющимися в них ка-

тегориями «предел», «пределность» и т. д. и использование, прежде всего, чисто логических средств в тех случаях, когда эти категории нуждаются в уточнении применительно к социально-философскому дискурсу.

Таким образом, работа над категорией «предел» включает в себя две взаимосвязанные задачи:

- прояснение статуса категории в рамках социально-философских наук;
- применение и модификация данной категории в ходе ее теоретического осмысления.

Для полноты исследования, раскрытия сущности категории предел, ликвидации разрыва между его использованием в конкретной науке и философии, необходимо его связать с более общими философскими категориями. Исследование предела должно быть направлено на понимание его как свойства, присущего атрибутам материи, и, в первую очередь, развитию, понимаемому как всякое изменение. Сколько бы мир не менялся, пределы все равно будут вплетены в ткань мира. Поэтому следует рассмотреть эту категорию применительно к развитию (изменению) вообще, а также к пространственно-временным событиям в природе и обществе. Категория «развитие» выражает глубинную сущность объективного мира (природы). Однако она выражает не просто изменение вообще, т. е. движение (в онтологическом или гносеологическом аспектах), и не просто факт обновления, возникновения новых формообразований, т. е. становление, а применительно к материи вообще – «способ её осуществления как деятельной субстанции, творящей свои конкретные формы по объективным законам» [2, с. 498]. Развитие – именно та категория, на основании которой только и возможно построить целостную модель объективного мира, так как «развитие – это реализация потенциальных возможностей как последовательная связь состояний системы в процессе ее эволюции» [4, с. 20]. Развитие как философская категория предполагает процесс любого рода изменений разнообразных форм материи. Для него характерен ряд наиболее существенных позиций. Это потенциальность, поступательность, поливариантность.

Развитие является наиболее общей искомой родовой категорией для категории «предел» и выступает для нее в своем более конкретном выражении – изменении. Изменение означает смену структур и

функций систем различного уровня развития, структурной организации и степени сложности органического строения. Изменения – это различия между тем, что представляла система в прошлом, и тем, что стало с ней через определенный период времени. При этом именно изменчивость позволяет появляться различным вариантам «полю возможностей», из которого потом возникает многообразие форм материи. Вместе с тем изменчивость служит также и причиной разрушения данных форм.

Всякое изменение постоянно связано и не может существовать без своей противоположности – относительной устойчивости или сохранности равновесия материи. При этом пределы изменений всегда ограничиваются противостоящей устойчивостью. Понятие «устойчивость» общефилософское, используется в различных областях знаний, отражает отношение человека с природой и присуще всем природным образованиям и социальным формированием. При этом предел, как форма изменения, обладает имманентными качественными характеристиками. Он означает процесс смены качественной определенности любой данной системы, взятой как целое в единстве своих субстанциальных оснований и функциональной деятельности. В этом случае категория предела синтезирует в своем содержании единство изменения структуры и функций в процессе их целостного общего развития. И, наконец, предел как категория включает не любой процесс изменений, а лишь переходный (от устойчивости к неустойчивости) по отношению к любой конкретной форме материи.

Как известно, изменения могут происходить как постепенное накопление количественных изменений (эволюция) и как быстрые качественные изменения (революция). В то же время они могут рассматриваться как восходящие изменения (прогресс) и нисходящие (ретресс). При этом каждый уровень изменений имеет и свои пределы. Так, эволюционные количественные изменения подчиняются простым правилам, которые отметил Пер Бак в своей теории «самоорганизующихся явлений». Суть данных наблюдений состоит в том, что количественные изменения всегда имеют определенный предел, при этом данный предел имеет определенную степень на временной и размерной шкале, причем всегда одну и ту же степень. «К сожалению, управлять этим процессом мы не можем. В наших силах лишь

проведение мониторинга событий и принятие правильных мер, когда что-то происходит» [8, с. 62].

Изменения лежат в основе функционирования всех механизмов нашего мира. При этом стабильность, нестабильность, изменения и предел проявляются в контексте необходимости, то есть законов, управляющих движением материи и развитием ее организационных форм. Однако многие из причин, порождающих данные явления, до сих пор неясны. Можно выявить ряд причин, по которым предел не заметен для глаз исследователя, а тем более не вооруженным научным аппаратом человека. Дело в том, что чем ближе предел, тем он абстрактнее. Человек может находиться в пределе и не видеть его. Найти предел жизни так же нелегко, как и предел человеческой выносливости. Переход конечности в бесконечность так же непостижим, как и переход бесконечности в конечность. При этом предел разделяет мир, но в то же время и объединяет его, служа основой связи различных сторон и их разнообразных отношений.

Для того чтобы составить логически корректно определение предела, недостаточно найти ближайший род. Надо еще найти близкие виды и выявить их видовые отличия. Эту проблему можно решить, проанализировав употребление слова «предел» в философской литературе. Так, Гомер, Геродот определяли предел как начало, происхождение; Анаксимандр – как начало, как то, что лежит в основании (всех вещей), живая, творческая материя; Платон – как начало, что не имеет происхождения и неуничтожимо; Аристотель – как ограничение материи; стоики, Цицерон – как высшую степень (блага); Тацит и Квинтилиан – как конец, цель и т. д.

Различные толкования предела породили и различное понимание его смысла. Отправными началами всех диалектических построений являются тождество и различие, между которыми и происходит вся драма бытия. В тождестве бытие обналичивает себя, принимает свой собственныйный формат, становится определенным. Таким образом, основанием тождества можно считать топологический смысл предела, который заключается в совпадающей расположенностии бытия, бытия в самом себе. При наличии качественного измерения к топологическому смыслу предела примешивается нормативный смысл. Возникновение различия связано с тем, что предел указывает на нечто, не имеющееся в самом бытии. То, где нет бытия, на инобытие.

Нормативный смысл предела означает те рамки, в пределах которых следует оставаться. Установление такого предела есть попытка избавления от всего лишнего, чуждого, иного, отрицание, выраженное в форме конца, последнего предела, за которым ничего нет, что известно или доступно (лат. *finis*). В то же время своим отрицанием предел обеспечивает соблюдение пропорции, меры, нарушение которой приводит к дестабилизации и разрушению. Нормированность пределов означает порядок, а табуированность пределов обеспечивают сохранение целостности и единства любой системы.

Несмотря на явные смыслы в определении предела, есть и некоторые скрытые смыслы понятия.

Телеологический смысл выражается в наличие предела как некой цели, достижение которой приносит ожидаемый результат. Предел в этом смысле направляет процесс изменений к необходимому завершению и служит своеобразной перспективой (например, могущество Бога как духовный предел). Эсхатологические (предельные) теории мыслителей XX века передают предел истории как ее завершение. Конец мыслится в самых разнообразных формах, как неизбежный, необходимый результат развития человечества.

В экзистенциальных представлениях предел есть вечно зовущий, но недостижимый конец бытия. Предел здесь выступает как горизонт, вечно манящий, открывающий бесконечное движение на встречу скрытым возможностям (парадокс Мебиуса).

Феноменологически предел проявляется в явлении переходного периода, понимаемого как единство изменения объектов и процессов в границах формы под действием объективных законов естественного развития.

Провокационный смысл предела есть противоречие между установлением предела и его преодолением.

Трансгрессивный смысл предела выражает его динамику как преодоление возникающих преград. В процессе трансгрессии предел преодолевает сам себя. Здесь смысл понятия предела заключается в актуализации его в процессе развития чего-либо, перехода от одного качества или содержания к другому, а также преобразование и расширение ранее достигнутого. В самом пределе скрывается препона, пре-града, пре-пятствие, пре-рывающее естественное течение, нарушающая должное положение дел. Следовательно, необходимо

это препятствие преодолеть. Смысл трансгрессии есть в этом преодолении, переходе. У Канта «трансцентус» есть момент перехода из сферы имманентного сознания в сферу объективного мира. Шеллинг описывал переход от идеального Я к миру вещей как переход предела, отделяющего субъективность от объективности, как своеобразный отрыв от места, от своей закрепленности в мире.

Энергийная сущность предела выражается в понимании его как зоны постоянного напряжения, проявления крайностей и чрезмерностей, экстремальных ситуаций, выводящих из привычного режима существования. Предел – это всегда кульминация, за которой либо победа, либо провал, крах. Все проявления жизни, как на личном уровне, так и на общественном, предельны в своей основе, что порождает нестабильность, неуверенность в благополучии завтрашнего дня и нежелание смириться с такой участью. В связи с этим неоднозначными являются выводы о том, каков потенциал данной категории, какова ее социальная роль. Только ли деструктивная – как показателя кризиса, безысходности и конечности человеческого существования? Или же пределы являются основанием консолидации человечества перед лицом глобальных проблем, грозящих ему уничтожением? Тогда вполне рациональным можно считать предположение о назначении пределов быть механизмом осознания всеобщей сопричастности и социальной ответственности человечества за свою судьбу, ибо пределы не случайны. Они возникают не по недомыслию или нераспорядительности власти, не из-за личной недальновидности и глупости, хотя все это имеет место и вплетено в ткань любого предела, а являются формой существования и функционирования природного и социального бытия.

Предел становится первостепенным фактором неудовлетворенности всего достигнутого, открывает доселе неведомые горизонты, указывает на возможность достижения ранее недоступного. Пределом можно считать максимальное напряжение социальной среды при различных видах изменений или трансформаций. Предел может возникать неопределенно большое число раз и при циклических изменениях (от максимума к минимуму), без разрушения существующей системы.

Таким образом, мы вправе утверждать, что предел – это предельно широкая и универсальная для научного дискурса категория,

объем которой составляет становление, функционирование и развитие полного качества системы в целом или его отдельных единиц, а содержание – процесс перехода границы меры качественной определенности как эмерджентности любой данной системы, конкретного уровня видов ее структурной организации и качества, взятого в полном объеме ее содержания [6, с. 49]. Разумеется, правила пределов можно дополнять, при этом добавление новых правил расширяет интерпретацию терминов, и каждая новая интерпретация не является окончательной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991. – С. 7–15.
2. Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. – М. : Наука, 1983. – С. 31–60.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 21-е изд., перераб. и доп. 70000 слов. – М. : Рус. яз., 1989. – 921 с.
4. Осипов В.Е. Категория развития в системе диалектики // Культура. Наука. Образование. – 2008. – № 4. – С. 5–28.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Изд-во Прогресс, 1993. – 656 с.
6. Струк Е.Н. Социальные пределы: структура, смысл, парадоксы : монография / Е.Н. Струк. – М. : Изд-во Спутник+, 2012. – 150 с.
7. Уорф Б.Л. Наука и языковедение // Новое в лингвистике. Вып. 1. [Электронный ресурс]. – М., 1960. – Режим доступа: <http://philology.ru/>.
8. Янсен Ф. Эпоха инноваций. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 308 с.

УДК 321.6/.7

С.С. Кульпинов

ДЕМОКРАТИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ В УЧЕНИИ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В данной статье ставится вопрос о причастности учения Даниила Андреева об идеальном государстве к демократизму или тоталитаризму. Рассматривается ряд теоретических аспектов демократии, тоталитаризма и либерализма. Проводится сравнительный анализ данных позиций с взглядами Даниила Андреева, изложенными им в трактате «Розы мира». Делается вывод о том, что взгляды Даниила Андреева на идеальное общественное устройство максимально причастны свободе и полностью лишены тоталитаризма.

In this article the question of the involvement of the teachings of Daniil Andreev about the ideal state for democracy or totalitarianism. Is considered a number of theoretical aspects of democracy, totalitarianism and liberalism. Comparative analysis of these positions with the views of Daniil Andreev, described them in his treatise «the Rose of the world». The conclusion is made that the view of Daniil Andreev in the ideal social system maximally involved in the freedom and completely deprived of totalitarianism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократия, тоталитаризм, либерализм, идеальное общество, Роза мира.

KEYWORDS: democracy, totalitarianism, liberalism, the ideal society, the rose of the world.

Если поверхностно взглянуть на учение Андреева о государстве через призму современной политологии, то в его запале, в его яркой проповеди всеобщей любви и отказа от насилия можно увидеть не-

Кульпинов Сергей Сергеевич, теолог, шеф-редактор ООО «ОРИГИНАЛ-фото»

которую тенденцию к веяниям, совершенно обратным тому, что провозглашает «Роза мира». В частности, Егор Гайдар отмечает в своей работе «Гибель империи», что для любой тоталитарной идеологии характерна некоторая мессианская идея: «Мессианская идеология – важная отличительная черта тоталитарных режимов. Авторитарный – объясняет свою необходимость прозаическими аргументами: несовершенством демократических властей, значимостью динамичного экономического развития, необходимостью противостоять экстремизму. Тоталитарный – апеллирует к религиозным или псевдорелигиозным символам: тысячелетний рейх, всемирный коммунизм, мировой халифат» [2, с. 70].

Возникает вопрос, говоря о несовершенности и чудовищности тоталитаризма: не собирается ли Андреев создать другое тоталитарное общество – общество всеобщей любви [4, с. 249], на самом деле нарушающее человеческую свободу, проводящее в жизнь принципы отказа от насилия, от государства как источника насилия, от религиозных распрай, в угоду себе, а не обществу, «заставляя людей любить»?

С другой стороны, следует вспомнить слова Карла Поппера. Английский мыслитель считает, что невозможно остановить процесс политических преобразований. Если уж наметилась тенденция к государственности, о которой говорит и сам Андреев, и тенденция ко всемирной гуманизации, которую автор «Розы мира» считает бесмысленной без нравственного контроля, то стоит следовать скорее им, нежели пытаться препятствовать этим веяниям. Андреев пропагандирует возврат к природе, он прямо говорит о «превращении планеты в сад» [1, с. 605]. Для него новая общественная формация, всечеловеческое братство станет едино с природой, едино в себе и проникнуто религией.

Поппер стоит против подобного подхода. По его мнению, если исторический процесс начался, человечество отошло от природы, люди стали независимы от религии и магии, то вернуться назад – значит попытаться обратить историю вспять, значит пойти против воли народа, пойти по пути принуждения. Только инквизиторскими мерами можно заставить общество отказаться от государственного прогресса и вернуться к господству религии, пусть даже религии новой, всечеловеческой: «Остановка политических изменений не дает средства лечения болезни. Она не может принести счастья. Мы никогда не

сможем вернуться к мнимой невинности и красоте закрытого общества. Нашу мечту о небе нельзя воплотить на земле. Случилось так, что мы однажды стали полагаться на разум и использовать способность к критике, и как только мы почувствовали голос личной ответственности, а вместе с ней и ответственности за содействие прогрессу знания, мы уже не можем вернуться к государству, основанному на бессознательном подчинении племенной магии. Для вкушивших от древа познания рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности приедем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму. Начав с подавления разума и истины, нам придется закончить жестоким и насильственным разрушением всего человеческого. Нет пути назад к гармоническому государству природы. Если мы повернем назад, то нам придется пройти весь путь – мы будем вынуждены вернуться в животное состояние» [6, с. 247–248].

Как следует нам понимать данное высказывание? Назвать Андреева реакционером и человеком, стремящимся в прошлое, а тем более тираном, было бы абсурдно, так как вся его книга направлена против тирании, а его взгляды не обращены к прошлому, но устремлены в будущее [4, с. 251]. Но как же быть с растворением государства в интеррелигиозном братстве? Не будет ли это возвратом к закрытому обществу, под которым Поппер разумеет «магическое, племенное или коллективистское общество» [6, с. 218]? Не будет ли провозглашенный Андреевым возврат к природе в действительности возвратом в животное состояние?

Основной задачей Розы Мира как учения Андреев видит «воспитание человека облагороженного образа» [1, с. 13]. Однако что под этим следует подразумевать? С одной стороны, здесь сразу обговаривается, что это будут люди, готовые выполнить свой долг не из страха, а из любви, не по принуждению, а по добной воле. Однако здесь мы можем опять же привести слова Поппера: «Однако я уверен: тот, кто учит, что править должен не разум, а любовь, открывает дорогу тому, кто убежден, что править должна ненависть» [7, с. 273]. Какова природа любви в учении Даниила Андреева? Не является ли эта любовь некоторым нравственным принуждением? Ответить на этот вопрос однозначно чрезвычайно сложно, ибо автор «Розы мира» мало говорит о природе своей любви, естественно, обозначая ее светлую направленность.

Хосе Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» писал: «Либерализм, и сегодня стоит об этом помнить, – предел великодушия: это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный клич, когда-либо прозвучавший на земле» [5, с. 327]. Если отталкиваться от этих слов, то Роза Мира как инстанция есть именно этот самый предел великодушия.

Андреев видит грядущую систему мирового устройства как предельно либеральное общество. В конечном итоге его идеальное общество будет лишено лишь двух свобод – свободы сексуальной и свободы насилия человека над другими людьми [1, с. 644]. Достаточно ли этого? Вопрос опять же сложный. Поппер считает, что, в принципе, любые стремления к созданию рая на земле могут превратить планету только в ад, ибо отказываются от разума. Попытка уповать на чувство и руководствоваться иррациональными установками может привести только к худшему. Вот что он пишет: «Эстетизм и радикализм должны привести нас к отказу от разума и замене его безрассудной надеждой на политические чудеса. Источником этой иррациональной установки является отравление мечтами о прекрасном мире. Именно такую установку я называю романтизмом. Можно искать небесный град в прошлом или в будущем, можно звать «назад к природе» или «вперед к миру любви и красоты», но это всегда – призыв к нашим эмоциям, а не к разуму. Даже лучшие намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад – в ад, который человек – и только он – может создать своим собратьям» [6, с. 211]. Здесь опять же вспоминаются слова Андреева о том, что человечество слишком огрубело, чтобы поверить в возможность осуществления великих преобразований ненасильственным путем [1, с. 15]. Однако реальность и действенность этого пути проходит красной нитью через весь трактат «Роза мира».

Андреев представляет, однако, свое общество настолько свободным, что в его лоне, при условии всеобщей приверженности единой светлой всечеловеческой религии, сможет даже затеплиться огонек новой темной религии.

С другой стороны, сексуальная несвобода, которая будет сопутствовать грядущему, по мнению Андреева, всечеловеческому братству, настолько поколеблет умы людей, что в конечном итоге приведет к падению этого режима и воцарению Антихриста. Здесь мы не

станем подробно вдаваться в эсхатологию Даниила Андреева, однако скажем, что сексуальный импульс будет одной из основных причин крушения всечеловеческого братства [1, с. 645].

Насколько свободной будет данная общественная формация, именуемая всечеловеческим Братством, мы примерно можем судить и по тем местам, где Андреев говорит о сохранении ряда старых идеологий. Старые политические партии после прихода к власти Розы Мира смогут функционировать, как и раньше, единственным препятствием для них сможет стать только их агрессивно-национальный, агрессивно-классовый или агрессивно-религиозный характер. Такие своего рода «экстремистские» структуры будут на первых порах ограничены в политических правах – им будет запрещено право устно и письменно пропагандировать свои взгляды; впоследствии, когда культурный уровень общества поднимется благодаря преобразованиям, осуществляемым Розой Мира, даже подобные агрессивные партии и идеологии будут освобождены от какого-либо контроля. По мнению Андреева, высокий уровень нравственности людей того времени сам по себе уже будет служить гарантией невозможности прихода националистов или сепаратистов к власти [1, с. 608].

Особое место следует также уделить существованию монархий. Андреев, в случае прихода к всемирному господству Розы Мира, не планирует их устранение. Наоборот, сохранение конституционных монархий с монархом как духовным главой нации, по мнению автора «Розы мира», будет служить актом некоторой национальной идентичности в лоне всеобщего интернационального Братства: «Могут найтись, например, даже такие страны, где приверженность к традиционному монархическому устройству окажется устойчивой и прочной. Разве так трудно представить, что консерватизм этого рода обнаружится в Англии или Японии? Разумеется, в подобных случаях монархический принцип должен быть сохранен. Когда же само современное понятие государства начнет отмирать, превращаясь в понятие хозяйственно-планирующего механизма по преимуществу, носитель короны останется духовным главой или живым олицетворением славного прошлого своего народа и его традиций» [1, с. 607].

Естественно, что, как уже говорилось, приход к власти Розы Мира будет возможен исключительно демократическим путем. Даже превращение Всемирной федерации государств в Братство, в единый

межнациональный монолит будет осуществляться демократическим путем – через плебисцит [1, с. 611]. Далее – избрание, посредством всемирного референдума, верховного наставника [1, с. 647], своего рода, духовного главы человечества [3, с. 234] при объединении всех народов Розой Мира.

Демократический принцип в этом отношении в Розе Мира совпадает с воззрениями Поппера. Демократия для Андреева есть демократия, не идеал, не совершенный способ управления, но лишь демократия, ибо Антихрист, по мнению исследуемого нами мистика, также придет к власти демократическим путем, хотя и фальсифицирует результаты выборов, но при этом половина человечества признает его своим правителем, без какого-либо принуждения, совершенно добровольно [1, с. 648]. В первом томе работы Карла Поппера «Открытое общество и его враги» сказано: «Таким образом, тот, кто разделяет сформулированный нами принцип демократии, не обязан рассматривать результат демократического голосования как авторитарное выражение справедливости. Соглашаясь с решением большинства ради того, чтобы демократические институты могли работать, он будет чувствовать себя вправе оспаривать это решение демократическими средствами и прилагать силы для его пересмотра. И если он доживет до того дня, когда демократические институты по решению большинства будут разрушены, он лишь с грустью сделает вывод о том, что не существует безупречного способа избежать тирании. Однако от этого его решение бороться с диктатурой не станет слабее, а его теория не будет противоречивой» [6, с. 166]. Разрушение демократии демократическим путем не смущает, таким образом, Поппера и не приводит его к разочарованию в демократических институтах. Точно так же Андреев, говоря о неприятии насилия и исключительно честных, демократических выборах на пути к установлению всемирного доминирования Розы Мира, не смущается тем, что со временем человечество, уставшее от добра, уставшее от света, от пацифизма, добровольно изберет путь насилия, путь диктатуры анти-бога, анти-Логоса, как именует его сам автор «Розы мира» [1, с. 648]. Более того, сторонники Розы Мира даже не смогут в физическом смысле ничего противопоставить новой тирании и пойдут на верную мученическую смерть, «не обнажая оружия» [1, с. 649].

Остается парадокс всеобщей свободы. Ведь Андреев лишает будущих граждан Розы Мира, членов всечеловеческого братства абсолютной сексуальной свободы и свободы насилия. Является ли он от этого менее демократом? Или же эти ограничения свойственны всем? Важно здесь отметить еще, что Даниил Андреев повествует об обществе, состоящем практически полностью из людей «облагороженного образа», то есть людей, морально несравненно выше стоящих, нежели современное человечество. Будет ли им вообще нужна такая свобода? С одной стороны, люди сами восстанут из-за ее отсутствия, но все же они будут терпеть какое-то время и, вероятно, достаточно продолжительное, ибо «Золотой век», эпоха гегемонии Розы Мира, по мнению Андреева, растянется на восемь верховных понтификов, как пишет мистик: «Если Роза Мира придет к этическому контролю над всемирной государственной властью, то между этим моментом и сменою эонов (*вторым пришествием* – прим. С.К.) должно протечь, если я не ошибаюсь, около 26 верховных понтификов. Но из этого числа на эпоху господства Розы Мира придется, кажется, семь или восемь, не больше девяти. Остальные будут протекать в период царствования антихриста и в следующий затем период последних исторических катаклизмов» [1, с. 640–641].

То есть, не более девяти верховных наставников сменится прежде, чем падет Роза Мира как всемирная руководящая инстанция. На наш взгляд, в данном отношении в уста Андреева и его теории можно было бы вложить фразу: *Faci quod potui, faciant meliora potentes.* В теории его учение даст людям все мыслимые свободы, даже экстремисты не будут лишены права голоса, однако человечество, по мнению автора «Розы Мира», со временем само изберет противоположный путь, гонимое в духовные бездны сексуальным вожделением. Предоставить свободу в этом отношении, как и свободу всеобщего насилия, для Андреева было бы абсурдным, ибо он все-таки, основываясь на этике, именно этическая инстанция должна была встать над государствами еще в начале становления нового мирового порядка. Характер светлой религиозности, который носит его учение, полностью противоположен такого рода свободе.

С другой стороны, всеобъемлющая любовь, с которой Андреев берется за дело, которой он наделяет своего «человека облагороженного образа», все же вызывает определенные подозрения, определен-

ные ассоциации с тоталитарной принудительной любовью, заставляющей любить и быть любимыми. В частности, говоря о человеке облагороженного образа, Андреев ставит одной из его задач, наряду с совершенствованием самого себя, «не насильственное, а исполненное любовью совершенствование других». В этом исполненном любовью совершенствовании человек, руководимый логикой Карла Поппера, усмотрит явный намек на тоталитарную составляющую такой доктрины, решающей за человека, пусть с любовью, но все же, совершенствоваться ему или нет. В частности, Поппер писал в своей работе «Открытое общество и его враги»: «Вне сомнения, небеса спустились бы на землю, если бы мы все могли любить друг друга. Но, как я уже сказал (в главе 9), попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции. К тому же она, я уверен, основывается на полном непонимании нашего морального долга. Наш моральный долг состоит в том, чтобы помогать нуждающимся в нашей помощи, однако моральный долг не может заключаться в том, чтобы делать других счастливыми, ведь это от нас не зависит, и к тому же это слишком часто представляет собой не что иное, как вмешательство в частную жизнь тех, к кому мы имеем дружескую склонность» [7, с. 273–274].

То есть, по мнению Поппера, каждый человек должен сам решать, что ему делать. Кроме него, никто на это не способен. Здесь не до конца понятно, насколько Андреев толерантен к воле каждого человека, однако, если не вырывать отдельные фразы из контекста трактата «Роза мира» и рассматривать его, как единое, последовательное произведение, то совершенно точно проглядывается идея о высшей форме демократичности, которую пропагандирует исследуемый нами мистик.

В отношении всеобщего равенства, к которому стремится Роза Мира, мы можем сказать, что оно близко к коммунистическому идеалу. Это признает и сам Андреев, говоря в «Розе мира»: «В деятельности Розы Мира будет и нечто, совпадающее даже с коммунистической мечтой. Любой из граждан, независимо от нации, местожительства, рода занятий, должен быть обеспечен так, чтобы полностью были удовлетворены основные его потребности: в пище, в одежде, в жилище, в подходящей к его характеру и навыкам работе, в отдыхе, в

досуге, в лечении, в элементарных житейских удобствах, в повышении образования, в приобщении искусствам и наукам, в религиозных действиях». [1, с. 608].

Всеобщее равенство в правах на основные блага, в удовлетворении естественных и духовных потребностей явно сближает учение Даниила Андреева с коммунизмом. Вообще, определенное родство этих двух доктрин признает автор «Розы мира», хотя бы отводя Ленину в его посмертии роль одного из строителей локального рая Розы Мира как общественной структуры. Ленин, по мнению Андреева, пройдя ряд посмертных мучений, откажется от сотрудничества с демоническими силами, за что будет низвержен ими в бездну страданий, однако там его подхватят светлые силы и возведут в нижние слои рая, после чего он примет активное участие в создании новой небесной цитадели, проецирующей в мирах вечного блаженства Розу Мира. Вот как об этом пишет сам исследуемый нами мистик: «Но, после мучений на Дне и в других слоях, достигнув через много лет Друккарга (*иракстр, соответствующий России* – прим. С.К.), первый вождь отказался принять свой ракт (эфирный мозг – прим. С.К.). Умудренный страшным опытом преисподних, он понял, чем это грозит для него и для всего человечества. Тогда разъярившийся Жругр втянул его и сбросил на Дно опять. Но он уже был бессилен противостоять силам Синклита в дальнейшем влиянии на посмертие первого вождя, ибо шельт усопшего стал им открыт и доступен после совершенного им героического выбора. Сброшенный на Дно был почти сразу поднят стремительно вверх, в Олирну (*первый из миров восходящего ряда* – прим. С.К.), чтобы после ряда лет в мирах Просветления включиться в творение блаженной Аrimои – грядущего всечеловеческого затомиса» [1, с. 561].

Здесь еще раз подчеркивается весьма положительное отношение, которое имел Андреев к «Первому вождю». Ленина он считает в определенном смысле предтечей тех светлых ценностей, которые установит на земле Роза Мира, однако исказившем при жизни свои ценности в угоду жесткой доктрине, исповедовавшей агрессивную классовую борьбу.

О равенстве и благе говорит Андреев и в других местах своего трактата. Роза Мира должна будет уничтожить всякое насилие, всякую эксплуатацию и притушить в людях саму наклонность к насилию

и притеснению других людей [1, с. 639]. Мало того, все бедствия, которые раньше не давали человечеству спокойно развиваться, прочно отомрут в настоящей действительности, уйдут в историю. Люди забудут о желании выжить физически и будут стремиться жить достойно, развивая свой внутренний мир, стремясь к прекрасному. Вот как пишет об этом сам Даниил Андреев: «О деспотизме государств, о войнах, революциях, голоде, бедности, эпидемиях эти поколения будут узнавать только из книг и памятников искусства. Не отвлекаемые социальной борьбой, силы будут уходить на духовное и физическое совершенствование, на утоление жажды познания и жажды творчества, на личную жизнь, несравненно обогатившуюся, усложнившуюся и расширившуюся» [1, с. 639–640].

В таком отношении учение о равенстве, провозглашенное Андреевым, также видится утопичным и совершенно невозможным через призму взглядов Карла Поппера. Последний ссылается на Платона и Аристотеля, уверенных в невозможности тотального равенства, ибо люди не равны по своей природе. Если бы люди были равны по физическим и духовным критериям, то равное распределение благ и обязанностей было бы для них всеобщим равенством, однако люди по природе различны и даже при условии полного равенства для одного равная норма будет избыtkом, для другого – недостатком. Однако, Поппер оговаривается, что в области политических прав, никогда не основывавшихся на природных особенностях людей, равенство вполне возможно. Вот что он пишет: «Позже, в «Законах», Платон резюмирует свой ответ эгалитаристам в следующем утверждении: «Для неравных равное стало бы неравным», Аристотель же развел это понимание так: «Справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных». Это утверждение фиксирует обычное обвинение, предъявляемое эгалитаризму, – обвинение, состоящее в том, что равенство было бы превосходным, если бы только люди были равны, однако оно, очевидно, невозможно, так как они не равны, а потому и не могут быть уравнены. Это реалистическое, на первый взгляд, обвинение в действительности совершенно нереалистично, так как политические привилегии никогда не основываются на природных качественных различиях. Возможно, поэтому Платон

не слишком верил в это возражение, работая над «Государством», так как использует его лишь однажды, когда, глумясь над демократией, он говорит, что она «уравнивает равных и неравных». В остальных случаях он предпочитает не спорить с эгалитаризмом, а просто о нем забыть» [6, с. 134].

В этом отношении Поппер бы наверняка поспорил с Андреевым, будь они знакомы, так как равенством политических прав далеко не заканчивается концепция всеобщего равенства у автора «Розы мира». С другой стороны, исследуемый нами мистик, точно так же, как Платон и Аристотель, которых критикует автор работы «Открытое общество и его враги», провозглашает неравенство людей по сути, которое нельзя замаскировать никаким уравниванием в правах и никакой толерантностью. Мнение Андреева в том, что со временем границы интеллигенции совпадут с границами человечества [1, с. 640]. Однако, даже сделав всех людей облагороженными и образованными, Роза Мира не сможет преодолеть разницы в способностях. Пусть даже число талантов и гениев несравненно увеличится за счет устраниния всех внешних препятствий к развитию людьми своих способностей, направленность ума у разных людей будет разной. Конфликт технической интеллигенции, производящей материальные блага, и гуманистической интеллигенции, которой будет отводиться ключевое место в культе Розы Мира, станет одним из тех событий, благодаря которым, по мнению Андреева, произойдет воцарение Антихриста [1, с. 640].

По мнению исследуемого нами мистика, Роза Мира как организация должна прийти к власти демократическим путем. Общество будущего, конструируемое Андреевым, станет максимально свободным. Демократизм будет пронизывать все существо нового общества. Если не вырывать из контекста «Розы мира» фраз, то данный трактат представляется нам как полностью антитоталитарное произведение. Роза Мира как организация не создает равенства для равных или же неравенства для равных, ибо люди по своей сути не равны, не создает она и равенство для неравных, так как это было бы чудовищно в силу того, что люди слишком различаются между собой и избыток для одного станет недостатком для другого. Роза Мира провозглашает неравенство для неравных – неравенство в реализации своих неравных способностей. В этом отношении нельзя говорить о сущностном противоречии взглядов Поппера и Даниила Андреева, однако в част-

ностях данные мыслители расходятся очень серьезно. Идея равенства роднит автора «Розы мира» с воззрениями Владимира Ленина, более того, именно вождя мирового пролетариата после смерти Андреев видит одним из строителей метафизического эквивалента Розы Мира как организации. Таким образом, нам следует сказать, что концепция «Розы мира», придерживаясь демократизма своих методов достижения власти и руководствуясь интересами свободной воли каждого человека, в полном смысле слова лежит за пределами всякого тоталитаризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. – М. : Эксмо, 2008. – 672 с.
2. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М. : (РОССПЭН), 2007. – 448 с.
3. *Кульпинов С.С.* Бремя теологов: перспективы теологии в супериндустриальном обществе // Вестник Казанского технологического ун-та. Т. XV. № 1. – Казань : КНИТУ, 2012. – 330 с. – С. 231–238.
4. *Кульпинов С.С., Зарецкая Н.Я.* Даниил Андреев: между мистикой и символизмом // Вестник Казанского технологического ун-та. Т. XIV. № 10. – Казань : КНИТУ, 2011. – С. 247–255.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры / сост. В.Е. Багно, вступ. статья Г.М. Фридлендера, comment. О.В. Журавлева и А.Ю. Миролюбовой. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
6. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. I: Чары Платона / пер. с англ. ; под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс, 1992. – 448 с.
7. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. II: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. ; под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс 1992. – 528 с.

ИСТОРИЯ

УДК 656.2(092)

В.Г. Третьяков

ПЕРВЫЕ РУЛЕВЫЕ ВСЖД (к 80-летию образования управления Восточно-Сибирской железной дороги 1934–2014 гг.)

В статье излагается краткая история жизни и деятельности первого начальника Восточно-Сибирской железной дороги Бориса Григорьевича Голышева.

The article presents a brief history of the life and activity of the first chief of the East-Siberian railway Boris Grigoryevich Golysheva.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: начальник дороги, ГПУ, ГубЧК, железная дорога, реконструкция, кривоносово-стахановское движение, репрессии, вредительство, реабилитация.

KEYWORDS: head of the road, the GPU GubChK, railway reconstruction, Krivonosov-Stakhanovite movement, repression, sabotage, rehabilitation.

3 марта 1934 г. народный комиссар путей сообщения А.А. Андреев издал приказ за № 42-Ц «О разукрупнении Томской и Забайкальской железных дорог и образовании Восточно-Сибирской железной дороги». Этот приказ существенно изменил положение Иркутска как крупнейшего железнодорожного транспортного узла. Теперь Иркутское отделение Забайкальской железной дороги становилось самостоятельной административно-хозяйственной единицей. Соответственно, дирекция Иркутского эксплуатационного

Третьяков Валерий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения

района Забайкальской дороги превращалась в самостоятельный дорожный центр.

Тогда Восточно-Сибирская дорога была выделена в следующих границах: от ст. Чернореченская до ст. Мысовая включительно. ВСЖД состояла из трех эксплуатационных районов: Красноярского и Нижнеудинского, ранее входивших в Томскую железную дорогу, и Иркутского, ранее входившего в Забайкальскую дорогу. Согласно приказу, дорога приступила к самостоятельной работе 10 апреля 1934 г.

Первым начальником нашей дороги был назначен Б.Г. Голышев. Эту должность он занимал с 3 марта 1934 г. по 28 февраля 1936 г., т. е. около двух лет (см. приложение 1). Начальником ВСЖД он стал в 37 лет, это был самый востребованный возраст для назначения на руководящие должности. Тем более, что к этому времени он уже поработал на разных руководящих должностях и проявил хорошие организаторские способности. К тому же он уже имел определенный опыт работы на железных дорогах.

В характеристике, подписанной на Б.Г. Голышева в августе 1932 г. начальником Южных железных дорог Лившицем, указывалось, что он имеет достаточный опыт управления и работы с людьми, с порученной работой в местных условиях справляется, умеет подбирать работников, давать практические четкие задания и проверять их исполнение. В коллективе пользуетсяенным авторитетом, в работе энергичен, инициативен, имеет хорошие организаторские способности, умело проводит выполнение оперативных заданий, принципиален, свои убеждения умеет отстаивать. Учитывая объем работы на Южных дорогах, рекомендуется оставить его в занимаемой должности. Борис Григорьевич был к этому времени семейным человеком: у него была жена и два сына.

Борис Григорьевич Голышев родился в июне 1897 г. в Херсоне в семье мелкого служащего. По национальности еврей. В 1915 г. окончил 7-летнее коммерческое училище. Затем поступил учиться на юридический факультет Петроградского университета, где и проучился три года. После февральской революции прервал обучение, вернулся в Херсон для участия в революционной работе. Участвовал в организации комитетов батраков.

В 1917–1918 гг. был назначен заместителем председателя уездного исполкома батрацких и рабочих депутатов в г. Цурюпино Дне-

провского уезда. В конце 1917 г. был одним из организаторов подготовки захвата власти местными революционерами, а в начале 1918 г. стал членом президиума Днепровского исполкома.

В 1918 г. Борис Григорьевич вступает в ряды РКП(б) и одновременно становится членом профсоюза. После оккупации Украины работал в подполье, затем нелегально перебрался в Курск, оттуда был направлен в Херсон как член Военно-революционного повстанческого комитета Херсонщины. Потом в 1918 г. во время смены власти гетмана петлюровцами находился в Херсоне в рабочей дружине. В конце 1919 г. был членом Военно-революционного комитета, захватившего в Херсонщине власть после изгнания петлюровцев.

В начале 1919 г., после занятия Херсона греческими, французскими и английскими войсками, ушел в подполье и оставался членом ревкома Херсонщины. После освобождения Херсона от интервентов весной 1919 г. стал членом Херсонского губернского исполкома. Осенью 1919 г. вступил в Красную Армию, в которой прослужил до 1920 г. По болезни был демобилизован, а после занятия Херсона Красной Армией вновь был избран членом исполкома Совета в Херсоне и направлен редактором в местную газету.

Летом 1920 г. Б.Г. Голышев едет на лечение на Кавказ. Но в это время там шла острыя классовая борьба. Поэтому вместо лечения он был мобилизован в особый отдел Красной Армии, где и проработал до 1927 г. За время работы в органах ГПУ был членом ГубЧК, председателем совета ГубЧК, начальником особого отдела ГПУ в городах Николаеве, Житомире, Благовещенске, Харькове, Чите и др.

Затем в 1927–1931 гг. работал в правлении союзного объединения «Союзкокс» в Харькове. В эти годы Борис Григорьевич часто бывает за границей для приобретения необходимого оборудования для строящихся заводов. За 1929–1930 гг. он побывал в Германии, Франции, Бельгии, Голландии, где занимался приобретением коксовых печей.

В учетной партийной карточке отмечается, что Б.Г. Голышев имел выговор от Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Украины, который затем был снят. Борис Григорьевич, как и все члены партии, в 1929–1934 гг. проходил партийную чистку. Прошел он ее тогда успешно. И это понятно: ведь он был участником революционного движения, а также за участие в боевых действиях и заслуги в борьбе с

бандитизмом и контрреволюцией в 1923 г. Революционным военным советом (РВС) Украины был награжден орденом Красного Знамени.

В 1931 г. по мобилизации ЦК КП(б) Украины Б.Г. Голышев являлся членом коллегии Народного комиссариата коммунального хозяйства в Харькове. Затем ЦК КП(б)У направил его на работу на железнодорожный транспорт. В феврале 1932 г. он назначается заместителем директора Южной железной дороги.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся на железных дорогах страны в то время, следует заметить, что в 1930-е гг. проходила реконструкция железнодорожного транспорта, намечались тенденции внедрения хозяйственного расчета. Страна училась планировать работу всех отраслей экономики, и транспорта в том числе.

Здесь было много проблем. Так, развитие железнодорожного транспорта требовало новых кадров, а для них необходимо было жилье. Другая проблема – укрепление трудовой дисциплины и порядка на железной дороге; для ее решения требовалось, помимо всего прочего, повышение общеобразовательного и культурного уровня самих железнодорожников. Руководство страны провозгласило курс на ликвидацию технико-экономического отставания советских железных дорог от уровня западных стран. Для этого требовалось строительство десятков и сотен новых крупных машиностроительных, металлургических и других предприятий. А это, в свою очередь, предусматривало широкомасштабные транспортные перемещения самых разных грузов. Таким образом, перед страной стоял комплекс проблем, где вопросы транспортного обеспечения реконструкции народного хозяйства оставались узловыми.

Между тем в работе железных дорог в то время наблюдались серьезные недостатки, отмечаемые во всех решениях партийных и административных органов, в том числе косность и бюрократизм транспортного аппарата, его неумение работать по-новому. Отмечалось, что на дороге медленно внедрялся подлинный хозрасчет, допускалось значительное количество срывов спаренной езды, многочисленными были факты нарушения трудовой дисциплины. Магистрали Восточной Сибири оставались в столь же плачевном положении, в каком находилась и железнодорожная отрасль страны в целом.

Готовя широкую программу ликвидации отставания железнодорожного транспорта в июле 1933 г., СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли

несколько совместных постановлений: «О работе железнодорожного транспорта», «О перестройке органов управления железнодорожного транспорта», «О перестройке системы заработной платы и нормирования труда на железнодорожном транспорте». ЦК ВКП(б) принял собственное постановление по этой отрасли: «О политотделах на железнодорожном транспорте». На основе этого решения в июле 1933 г. приказом наркома по военным и морским делам и наркома путей сообщения были образованы политотделы дороги, а в эксплуатационных районах были созданы политсекторы.

Эти органы должны были возглавить борьбу железнодорожников за преодоление отставания транспорта, обеспечить путем идеологического воздействия на массы укрепление производственной дисциплины, поднять всю партийно-политическую работу на высший уровень. Политотделы должны были через партийные и общественные организации, дорожные газеты, стенгазеты заниматься укреплением трудовой дисциплины, мобилизацией рабочих и служащих на улучшение деятельности железных дорог. В депо, мастерских и на станциях сохранились обычные партийные организации, подчиненные политотделу или политсектору.

Следует отметить и некоторые проблемы иного порядка, обусловленные наметившимися изменениями в сфере общего руководства железнодорожной отраслью страны. Они во многом определяли ход реконструкции и реформирования отрасли, ибо вопросы развития народного хозяйства страны решались в условиях формирования тоталитарного режима. В 1935 г. НКПС вместо А.А. Андреева возглавил Л.М. Каганович. Он являлся ближайшим соратником И.В. Сталина, был секретарем ЦК ВКП(б). Лазарь Моисеевич был настолько предан Сталину, что остался верным ему даже тогда, когда был репрессирован его младший брат Ю.М. Каганович, и застрелился в ожидании ареста старший брат М.М. Каганович, занимавший должности заместителя наркома тяжелой промышленности и начальника Главного управления авиационной промышленности. В это время Л.М. Каганович пользовался практически неограниченными правами.

Интересно то, что сам Л.М. Каганович не имел даже среднего технического образования и, конечно же, не знал железнодорожного дела. Но он, безусловно, обладал организаторскими навыками,

огромной работоспособностью, хорошей памятью, красноречием, напористостью, при этом был весьма заносчив и тщеславен.

Заняв пост наркома путей сообщения, он развернул бурную деятельность на железнодорожном транспорте, создав здесь атмосферу страха, всеобщей подозрительности. Применяя метод кнута и пряника, жесткие репрессии и поощрения, он стремился любой ценой добиться положительных результатов в работе железных дорог. И ему многое удавалось, разумеется, о цене он не думал. С его подачи на транспорте была объявлена беспощадная борьба против так называемой теории предела. Специалистов и ученых, делавших научно обоснованные эксплуатационные расчеты при определении возможностей железнодорожных устройств, назвали предельщиками, их не только снимали с работы, но и репрессировали как врагов народа.

В такой ситуации и пришлось работать на железнодорожном транспорте первому начальнику Восточно-Сибирской железной дороги. В момент его появления в Сибири эта ситуация лишь складывалась, но тем не менее, она уже обозначила себя явно во многих аспектах.

В феврале 1932 г. Б.Г. Голышев являлся еще заместителем начальника Южной железной дороги. В то время перестановка кадров в какой-либо отрасли проходила по согласованию с партийными и советскими органами. Так, появление Бориса Григорьевича на Южной железной дороге было вызвано тем, что бывшего заместителя начальника этой дороги Бондаренко ЦК КП(б) Украины отозвал в свое распоряжение. А вместо него и был рекомендован Борис Григорьевич. В соответствии с предложением народного комиссара путей сообщения А.А. Андреева на Южной железной дороге вводились должности трех заместителей, одним из которых, третьим, и стал Б.Г. Голышев.

3 августа 1933 г. начальник главного управления пути Боровик дал телеграмму на имя начальника Южной железной дороги Я.А. Лившица и его заместителя Б.Г. Голышева о необходимости командирования Бориса Григорьевича в Москву для переговоров. Телеграмма и ее копия были отправлены и в Харьков в ЦК КП(б) Украины Литвину. Все они доложили о выезде Б.Г. Голышева в Москву. Затем телеграммой Боровик проинформировал Литвина и Лившица о новом назначении Бориса Григорьевича – его назначили заместителем начальника Юго-Восточной железной дороги.

В телеграмме высказывалась просьба не препятствовать Б.Г. Голышеву в скорейшем выезде на новое место назначения. Подчеркивалось, что Борис Григорьевич мобилизован ЦК ВКП(б) для работы на транспорте, а поэтому НКПС и распоряжается его назначением. 21 августа 1933 г. вышел приказ ЦД/332общ. о назначении Бориса Григорьевича заместителем начальника Юго-Восточной железной дороги и об освобождении его от обязанностей заместителя начальника Южной железной дороги.

Став в марте 1934 г. первым начальником Восточно-Сибирской железной дороги, Борис Григорьевич сразу же был избран членом краевого комитета ВКП(б). Кроме того, как начальник дороги он входил в состав Совета при комиссариате путей сообщения (см. приложение 2).

В 1935 г. был утвержден новый устав железных дорог СССР. На его основе коренным образом перестраивался весь перевозочный процесс. В 1936 г. в целях совершенствования всей эксплуатационной работы на железнодорожном транспорте были введены новые правила технической эксплуатации (ПТЭ). В том же году на железных дорогах была организована работа станций по единому технологическому процессу, построенному на основе передовых методов.

Б.Г. Голышев принял руководство Восточно-Сибирской железной дорогой в тот момент, когда она нуждалась в большом ремонте, было очень много «узких» мест в ее пропускной способности. Требовались срочные работы по капитальному и среднему ремонту пути, по укреплению пути металлическими противоугонами. На ряде участков необходимо было заменить рельсы с легких на тяжелые и увеличить количество шпал до 1 600 шт. на версту вместо уложенных ранее 1 400 шт.

Прежде всего, такие работы были проведены на участке Черно-реченская – Тайшет. По инициативе руководства дороги, прежде всего самого Бориса Григорьевича, были построены вторые мосты через реки Енисей, Кан, Бирюса. На ВСЖД в 1936 г. впервые при ремонте на путевых работах использовались мощные машины – балластеры, путевые струги и компрессоры для пневматической подбивки пути. Это, безусловно, ускоряло проведение ремонтных работ.

Важным делом Б.Г. Голышева стала организация реконструкции почти всех депо на Восточно-Сибирской дороге. Тогда было постро-

ено и сдано в постоянную эксплуатацию основное депо ст. Тайшет, сдана в эксплуатацию электростанция в Нижнеудинске, в процессе строительства находились электростанции в Тайшете, Горхоне. Был построен бандажный цех в депо на ст. Улан-Удэ, а большинство депо на ВСЖД были оборудованы агрегатами теплой промывки. В 1935–1936 гг. в депо ст. Иннокентьевская было налажено хромирование трущихся частей деталей, что позволило увеличить срок их эксплуатации.

В эти годы укрепляется и совершенствуется ремонтная база вагонного парка. В Богоуголье и Иланской строились новые вагонные депо. В Красноярске, Ужуре, Улан-Удэ работали вагоноремонтные пункты. На ст. Черемхово был сооружен и сдан в эксплуатацию вагоносборочный цех. На ст. Иннокентьевская были введены в эксплуатацию колесные мастерские производительностью более 10 000 колесных пар капитального ремонта. В эти годы вводится автосцепка. Пришлось переоборудовать огромное количество вагонов.

Это было время обновления локомотивного парка. Советская промышленность начала выпускать мощные паровозы. Безусловно, поступление новых локомотивов требовало времени для их освоения, но зато позволило значительно поднять скорость движения составов, увеличить вес поезда и, следовательно, повысить пропускную способность пассажирских и грузовых поездов.

Эксплуатация тяжелых паровозов и перевозка большегрузных поездов потребовали новых типов сцепки всего подвижного состава. По всей сети железных дорог начинают внедряться автотормоза, создаются автоконтрольные пункты, проверяющие их работу и осуществляющие ремонт тормозов на станциях без отцепки вагонов. Появление в это время на дороге дефектоскопа позволило значительно точнее определять трещины на шейках оси вагонов и вовремя отправлять их на ремонт.

В эти годы на ст. Мысовая, Иркутск, Слюдянка, Черемхово и некоторых других широко внедрялись механическая и электрическая централизация стрелок. А один из самых сложных участков дороги Слюдянка – Байкал был оборудован автоблокировкой, что позволило повысить уровень безопасности движения и сократить количество стрелочников.

Таким образом, первые два года существования ВСЖД в территориальных границах, определенных в 1934 г. (а это годы руководства

дорогой Б.Г. Голышева) для дороги стали временем технической реконструкции. Все это позволило в 1936 г. ускоренно выполнить годовой план перевозок. Суточная погрузка вагонов на дороге выросла с 850 вагонов по плану до 1 011 вагонов. Вообще 1936 г. можно рассматривать как переломный год для дороги. По сравнению с 1934 г. объем перевозок почти удвоился: если в 1934 г. погрузка и прием груженых вагонов составляли 1 770 вагонов, то в 1936 г. – уже 2 228 вагонов.

Правда, когда подводились итоги 1936 г., ВСЖД имела уже другие территориальные границы. Тогда, в 1936 г., было принято окончательное решение о разукрупнении существующих железных дорог, что рассматривалось важным фактором улучшения управления дорогами. В связи с разукрупнением в Сибири были расширены права начальников дороги, укреплено единоначалие. Эксплуатационные районы были реорганизованы и их деятельность ограничивалась главным образом функциями организации движения поездов. В феврале 1936 г. из состава Восточно-Сибирской в самостоятельную структуру была выделена Красноярская железная дорога в границах Мариинск Кемеровской области – Тайшет Иркутской области, а в Иркутске осталось управление Восточно-Сибирской железной дороги. Изменились границы ВСЖД – теперь она начиналась от Петровского завода до Тайшета. В нее входили западная часть Улан-Удэнского эксплуатационного отделения Забайкальской железной дороги и Иркутское и Нижнеудинское отделения Восточно-Сибирской железной дороги.

Этим же приказом Борис Григорьевич был освобожден от обязанностей начальника ВСЖД. Новым, вторым начальником Восточно-Сибирской железной дороги назначался А.П. Крохмаль, который до этого работал начальником политотдела Забайкальской железной дороги. Начальником политотдела Восточно-Сибирской дороги назначался А.А. Весна, ранее работавший начальником политотдела Читинского эксплуатационного района. Этот приказ был издан наркомом путей сообщения Л.М. Кагановичем.

За два года работы начальником дороги Б.Г. Голышев проделал значительную работу по организации работы новой самостоятельной ВСЖД. Именно во время управления дорогой Борисом Григорьевичем на ВСЖД получило развитие стахановское движение. Восточно-сибирские железнодорожники приняли эту форму работы уже в 1935 г. Руководство страны в целом рассматривало движение стаха-

новцев как новый, более высокий тип социалистического соревнования. Формирование самого движения на железных дорогах имеет свою историю. Исходным моментом стало Постановление ВЦСПС, ЦК профсоюзов железнодорожников и НКПС «О Всесоюзном конкурсе локомотивных бригад», принятое в августе 1931 г. Это было соревнование за улучшение использования локомотивов и повышение уровня организации всего перевозочного процесса.

Такая форма соревнования способствовала увеличению движения поездов, сокращению сроков доставки грузов промышленности, новостройкам и сельскому хозяйству. В 1933–1934 гг. был проведен Всесоюзный конкурс работников станций. В это соревнование партийные и профсоюзные органы старались включить как можно больше железнодорожников. Но с поступлением в промышленность и на транспорт новой техники потребовались новые формы привлечения людей к работе, и в 1935 г. по инициативе партийных органов разворачивается стахановское социалистическое соревнование.

Инициатором этого движения стал донецкий шахтер А. Стаханов, который установил рекордную выработку угля за смену. На транспорте первым стахановцем стал машинист локомотивного депо Славянск Донецкой железной дороги Петр Кривонос. 1 июля 1935 г. он провел тяжеловесный поезд с углем из Славянска в Лозовую с технической скоростью, превысившей норму на 9 км/ч. Руководство поддержало этот почин и стало призывать всех к улучшению основных показателей.

14 июля 1935 г. П. Кривонос выступил со статьей «Железнодорожник Донбасса», в которой призывал всех машинистов как можно лучше использовать паровозы. Вскоре новое соревнование стали называть стахановско-кривоносовским. Это движение быстро распространилось по всему железнодорожному транспорту, активно внедрялось и на ВСЖД.

Важной формой повышения эффективности труда в те годы стала и организация движения ударничества. Ударников буквально «выращивали» во всех производственных коллективах дороги. Практически между трудовыми коллективами шло своеобразное соревнование: кто больше воспитает ударников.

Райпрофсоюзы подготовку передовиков производства, ударников труда считали главной своей задачей. В рамках этого движения орга-

низовывалось соревнование за звание лучшего по профессии. Проводились смотры-парады паровозов и паровозных бригад. Поскольку локомотивы и вагоны были в большинстве старые, то, по замыслу организаторов производства, требовалось, во-первых, добиваться бережного отношения к паровозам и вагонам и, во-вторых, искать наиболее эффективные методы и приемы проведения всех видов ремонта подвижного состава.

Актуальной задачей для железных дорог в то время было сокращение сроков ремонта паровозов в два раза. За каждым локомотивом закрепляли шефские коллективы. В многотиражках и в стенгазетах отражалась жизнь трудовых коллективов. Шло соревнование за работу паровозов без межпоездного ремонта. Лучшие паровозные бригады переводились с грузовых поездов на пассажирские.

Придавалось большое значение поощрениям, как материальным, так и моральным. Победителей-ударников награждали коровами, самоварами. Наверное, справедливым будет сказать, что движение ударников в определенной степени помогало коллективу ВСЖД выполнять, хотя и с большой напряженностью, планы перевозок, повышать производительность труда.

Это же в целом следует отнести и к оценке движения стахановцев-кривоносцев, подхваченного восточно-сибирскими железнодорожниками по инициативе администрации и партийных органов. Во время работы начальника Восточно-Сибирской дороги Б.Г. Голышева это движение началось с машинистов, а затем распространилось и на другие службы. По инициативе руководства дороги для организации широкого стахановско-кривоносовского движения на дороге с 20 сентября по 3 октября 1935 г. были проведены узловые и участковые слеты стахановцев-кривоносцев. А 15 октября был проведен дорожный слет передовиков ВСЖД.

В декабре 1935 г. был проведен Пленум Дорпрофсожа и дорожное совещание жен стахановцев-кривоносцев. На всех этих встречах и слетах коллективы инженерно-технических работников и рабочих по сути вынужденно принимали обязательства по перевыполнению производственных заданий. По инициативе руководства дороги и политотдела жены кривоносцев также активно поддерживали такие начинания, из них формировались специальные бригады на железнодорожных станциях по проверке стрелочного хозяйства,

поддержанию порядка и чистоты на вокзалах и в подсобных помещениях.

Конечно, стахановцам-кривоносовцам всячески помогали, старались даже создать благоприятные условия труда. Действительно, многие из них старались работать на совесть. Машинисты водили тяжеловесные поезда, организовывались паровозные кривоносовские колонны. Дело доходило до того, что организовывались кривоносовские сутки, пятидневки, декады. Были и другие положительные моменты в этом движении. Так, одновременно организовывалась и учеба кадров железнодорожников всех уровней как с отрывом, так и без отрыва от производства. Решались такие острые проблемы, как обеспечение обучающихся учебниками и подбор кадров преподавателей. На дороге стали организовываться школы социалистического труда. Тысячи работников ВСЖД были охвачены учебой по программе техминимума.

Что же касается пропагандируемых в прессе и на митингах успехов, то на железнодорожном транспорте они действительно были. Но одновременно случались и аварии, крушения, встречались другие нарушения в работе. О подобных фактах общественности предпочитали не говорить, газеты писали только о достижениях, а если и писали о недостатках, то лишь в связи с происками врагов народа, которых, по заверениям властей, было немало и их требовалось обезвреживать.

Жертвой произвола сталинского режима стал и первый начальник ВСЖД Б.Г. Голышев. Приказом Наркома путей сообщения Л.М. Кагановича № 19 /ц от 28 февраля 1936 г. Борис Григорьевич был освобожден от обязанностей начальника ВСЖД, но оставлен в распоряжении НКПС. В 1936–1937 гг. он некоторое время был заместителем начальника Донецкой железной дороги. В личном деле отмечено время вступления в должность – 5 июня 1936 г. (приказ № ЦГЛ/56), и время ухода с работы – 7 марта 1937 г. (приказ № ЦГЛ/30). Больше никаких документов в личном деле Бориса Григорьевича, хранящемся в архиве МПС в Москве, нет.

В архиве УФСБ в Иркутске хранится следственное дело Б.Г. Голышева № 5846, помещенное в двух томах. Он обвинялся по нескольким статьям уголовного кодекса. Материалы начинаются со справки, что Б.Г. Голышев показаниями участников контрреволюционной организации Семенова, Барановского, Власова и других достаточно

изобличается именно как руководитель контрреволюционной троцкистской организации на ВСЖД, который по заданию контрреволюционного троцкистского центра на дороге создал организацию и проводил контрреволюционную работу путем крушения поездов.

Под руководством Б.Г. Голышева, отмечено в той же справке, на ВСЖД была организована террористическая группа для покушения на Л.М. Кагановича. На основании этого для производства следствия и привлечения Б.Г. Голышева к уголовной ответственности необходим был его арест. Арест этот, конечно, был согласован с НКПС. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявления обвинения указывается, что Б.Г. Голышев был арестован 28 мая 1937 г. в Харькове, где он работал в конторе железнодорожной части № 9.

В тот же день из Иркутска в Харьков была направлена телеграмма из УНКВД с указанием немедленно арестовать и спецвагоном доставить в Иркутск бывшего начальника ВСЖД Б.Г. Голышева. 8 июня 1937 г. из Харькова в Иркутск в УНКВД по Восточно-Сибирскому краю была направлена телеграмма, которой сообщалось, что Б.Г. Голышев арестован, препровождается спецвагоном, а материалы обыска направлены фельдсвязью; прибытие арестованного просили подтвердить, личное дело арестанта было направлено с конвойным.

Первый протокол допроса датирован 23 июня 1937 г. Первый вопрос следователя: в поданном заявлении (самого заявления в деле нет) вы изъявили готовность дать правдивые показания о вашей контрреволюционной троцкистской работе. Ответ: Да, свое заявление полностью подтверждаю. Не желая больше быть предателем, я решил откровенно рассказать о своей троцкистской деятельности, направленной против ВКП(б) и советской власти.

Заметим, что первые вопросы и ответы у большинства арестованных на ВСЖД почти одинаковые. Поскольку Б.Г. Голышев был первым среди репрессированных начальников нашей дороги, более детально остановимся на его признаниях.

Уже в начале следствия Борис Григорьевич признался, что он был привлечен начальником Южных дорог Лившицем для контрреволюционной работы и приступил к формированию диверсионно-вредительской организации на ВСЖД. Возглавляя эту организацию, он был связан с существующей в Восточно-Сибирском крае организацией троцкистов и правых. В практической вредительской работе ру-

ководствовался не только установками Лившица, но и краевой организацией троцкистов. Вопрос следователя: при каких обстоятельствах вы были привлечены Лившицем для контрреволюционной работы? Б.Г. Голышев отвечает: Лившица знаю давно, еще по совместной работе в органах ЧК на Украине, а затем на Южной железной дороге, где работал его заместителем. Причем, по признанию Бориса Григорьевича, он давно знал, что Лившиц в прошлом видный троцкист. И далее Б.Г. Голышев поведал следствию, что они говорили с Лившицем об очевидных трудностях в экономике страны, об ошибках партийного руководства. Затем Б.Г. Голышев признается лично в вербовках новых людей и называет много фамилий тех, с кем работал.

Сегодня трудно сказать, как создавались эти протоколы допросов. В рукописном варианте есть нечеткие подписи, а в машинописном тексте допроса подписи подследственного нет. А вопросов у следователя было много, и на все дан исчерпывающий ответ. Б.Г. Голышев признался, что задания от Лившица он получал через Паперного, который и передавал ему указания на проведение диверсионно-разрушительной работы.

Общая же программа их организации, по признанию подследственного Б.Г. Голышева, была такова: для прихода к власти троцкистов необходимо вести работу по срыву продвижения порожняка на запад для Кузбасса и груженых составов на восток, что должно дезорганизовать снабжение Сибири углем, разрушить паровозное хозяйство, сорвать ремонт паровозов пути. Всему этому будут способствовать крушения и аварии поездов. Б.Г. Голышев заявляет, что, по словам Паперного, вся эта работа ведется под руководством Разумова, Коршунова, Пахомова и других руководителей крайкома ВКП(б), при этом он снова называет десятки фамилий.

Приведем пример вменяемой Б.Г. Голышеву террористической деятельности, изложенный самим арестованным и зафиксированный в материалах следствия. По словам Б.Г. Голышева, еще в ноябре – декабре 1935 г. его вызвал в крайком ВКП(б) Разумов и сообщил, что скоро из Москвы на восток выедет Каганович и что организация решила его убрать. Борису Григорьевичу было поручено совершить этот акт. После возвращения из Москвы Разумов снова вызвал его в крайком и подтвердил, что Каганович выезжает, и потребовал совершения террористического акта над ним. Б.Г. Голышев ответил, что

террористическая группа готова к действию. Далее он назвал несколько фамилий людей, входивших в состав террористической группы, в том числе Дрейзенштока, который якобы был введен в группу на кануне (Дрейзеншток Михаил Маркович работал начальником ОРСа Красноярской железной дороги, член ВКП(б). Арестован 14 октября 1936 г., приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июля 1937 г. по статьям 58-1а, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР, осужден к расстрелу. Приговор исполнен 27 июля 1937 г. в Иркутске. Реабилитирован определением военной коллегии Верховного суда СССР от 22 ноября 1962 г.). Вначале его участие было неопределенно, но ему было сказано, что возможно придется стрелять в Кагановича, и он согласился.

Заметим, что почти всем арестованным задавали вопрос, что же помешало совершить теракт. Отвечали все по-разному. Б.Г. Голышев ответил, что в срыве виноват Дзедзиевский, которого расстроил теплый прием и отношение к нему Кагановича и поэтому он не решился в него стрелять. По словам других, в Доме Красной Армии было слишком много народа, и Бараповский не сумел выстрелить в наркома. Указывалась и другая причина: поезд в Иркутск прибыл с большим опозданием и диверсионная группа ушла, чтобы не вызывать подозрения.

Более подробно представлено дело о покушении на Кагановича в показаниях С.Е. Семенова, бывшего начальника отдела кадров ВСЖД. Он признается, что террористическая группа готовила покушение на наркома. С его слов, за шесть дней до приезда Кагановича его вызвал в кабинет Печенинок, где уже были собраны все руководители дороги. Б.Г. Голышев сказал, что имеется директива Лившица на совершение покушения. Здесь же обсудили несколько вариантов проведения этого акта. Во-первых, когда нарком соберет совещание руководителей, его предполагалось убить при входе в здание. Во-вторых, при выходе Кагановича из здания после совещания, для чего готовились Дзедзиевский, Олещук и сам Семенов. По первому варианту стрелять в Кагановича должен был Семенов, Олещук должен был стоять в фойе, а Дзедзиевский в самом помещении. Б.Г. Голышев, по словам Семенова, предложил совершить убийство Кагановича в его кабинете, когда он будет слушать доклад руководства дороги, а стрелять должен был Печенинок. В-третьих, организация крушения по-

езда, которым нарком должен был следовать на восток. Для этого был выбран Кругобайкальский участок, поскольку здесь путевое хозяйство наиболее запущено, что позволяло скрыть злой умысел. Здесь организация крушения была возложена на Барановского. Но когда стало известно, что Каганович будет выступать в Доме Красной Армии, все члены терргруппы отправились туда с целью занять удобные для стрельбы с места. Все были вооружены, но, объясняет Семенов, покушение не удалось. Во-первых, потому что сотрудники НКВД попросили всех зайти в зал, во-вторых, потому что было слишком много охраны.

Далее Семенов показал, что на другой день Голышев собрал всю группу и обрушился с обвинениями за проявленную трусость и срыв покушения. Тогда и решили перейти к варианту крушения. А вскоре после отъезда Кагановича на восток Голышев, по показаниям Семенова, собрал всю группу и поставил задачу совершения акта, когда нарком будет возвращаться в Москву, причем руководство он взял на себя. Голышев, Петросян и Дзедзиевский должны были сопровождать Кагановича до границы нашей дороги, и Дзедзиевский должен был стрелять на одной из станций при выходе наркома из вагона. Но и теперь, как заявил Семенов, покушение сорвалось, так как Каганович из вагона не выходил.

Заметим наперед, что надуманность всех этих показаний очевидна, так как известно по документам, что Каганович свободно ходил по всем станциям и разговаривал с людьми.

На допросах много говорили об обстоятельствах вербовки людей. И Б.Г. Голышев, как явствует из протокола допроса, подробно отвечал о каждом члене группы. Так, он подтвердил, что Ерохина он завербовал осенью 1935 г., что они сошлись с ним на недовольстве политотделом, который, якобы, мешал работать и умалял роль руководящих кадров. Ерохин, как показал Б.Г. Голышев, был недоволен руководством НКПС, и что он открыто высказывал недовольство курсом ВКП(б) в сфере транспорта, считая, что принимаемые решения нереальны и невыполнимы.

В протоколах допросов рассматривается и другой аспект деятельности группы Б.Г. Голышева – шпионаж. Как представлено в материалах дела, Б.Г. Голышев по заданиям руководства правотроцкистской организации наладил сбор и передачу шпионских материа-

лов для японских разведорганов. Он руководил диверсионно-вредительской работой по разрушению транспорта (разрушение вагонного, паровозного, путевого хозяйства, организации крушений поездов на дороге) в целях ослабления монополии государства и обеспечения поражения СССР в войне с Японией. По данным следствия, Б.Г. Голышев лично завербовал в организацию ряд руководителей и политработников дороги, составивших основное ядро организации.

Сейчас просто смешным кажется обвинение в работе Голышева на Японию. Дело в том, что было больше возможности обвинять его в работе на разведки западных стран, поскольку на ранее занимаемых должностях он неоднократно посещал западно-европейские страны, в том числе и Германию. Вероятно, так было заведено в ОГПУ, что за Уралом должны быть только японские шпионы.

По делу Голышева были арестованы сотни человек. Среди них К.С. Летко, ремонтный рабочий 2-го отделения 1-го околодка 8-й дистанции пути, П.А. Шешаков, дежурный по станции Байкал, Ф.Т. Трофимов, ремонтный рабочий 8-й дистанции пути, К.К. Кузнецов, бригадир 8-й дистанции пути, Т.П. Соколов, бригадир 5-го околодка 8-й дистанции пути, Т.К. Стос, дорожный мастер 2-й дистанции пути, В.Т. Блашко, дорожный мастер 2-й дистанции пути, И.М. Чеснок, партторг службы движения ст. Танхой, Л.И. Зимин, бригадир 2-го околодка 5-й дистанции пути, Н.Ф. Михайлов, начальник отделения эксплуатации ст. Зима, А.И. Нестеров, путевой обходчик 5-го околодка. В выводе после этого списка отмечено, что все перечисленные лица являются участниками контрреволюционной троцкистско-шпионской диверсионно-террористической организации на ВСЖД. Здесь же указывалось на необходимость привлечения ряда новых лиц, уличенных как участников этой организации и еще не арестованных.

Во втором томе дела на 375 страницах изложены признания десятков людей, изображающие Б.Г. Голышева в антисоветской контрреволюционной деятельности. И снова та же закономерность: первый вопрос следователя А.М. Печенику, заместителю начальника ВСЖД, бывшему члену ВКП(б), исключенному из партии в феврале 1937 г. в связи с арестом: намерены ли вы говорить правду о своей контрреволюционной деятельности? Ответ: Я признаю, что на протяжении ряда лет вел активную борьбу против ВКП(б) и советской власти и являлся одним из руководителей контрреволюционной организации на ВСЖД.

Ему также задавали много вопросов: как завербовал его Голышев, что говорил Голышев о разрушительной работе, которую он вел на дороге, говорил ли Голышев, кто руководит всей контрреволюционной деятельностью, как осуществлял Голышев связь с Лившицем, какие задачи по разрушительной работе на ВСЖД ставил перед вами Голышев, назовите известных вам участников контрреволюционной организации на ВСЖД и т. п. И Печенюк дает ответы на все вопросы, перечисляет много фамилий, в том числе руководителей дороги. На вопрос, кто остался руководителем после отъезда Голышева, Печенюк ответил, что остался он.

Итогом следственной работы стало закрытое судебное заседание 1 августа 1937 г., на котором Б.Г. Голышев был приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал, а на основании постановления ЦИК СССР от 1 сентября 1934 г. подлежал немедленному исполнению. Б.Г. Голышев был расстрелян в Иркутске 1 августа 1937 г. (см. приложение 3).

В деле по обвинению Б.Г. Голышева имеется справка от 25 ноября 1957 г., то есть составленная много позже, уже в других общественно-политических условиях. В ней отмечено, что приказом наркома Кагановича от 28 февраля 1936 г. Б.Г. Голышев был снят с должности начальника ВСЖД, а приказом от 5 июня 1936 г. он был назначен заместителем начальника Донецкой железной дороги и приказом от 5 марта был снят с этой должности. Мотивы снятия с работы во всех случаях не названы. В справке замечено, что в листе по учету кадров сказано, что Б.Г. Голышев в оппозициях не участвовал. Здесь же имеется справка и о том, что в архивах ЦК, КПК никаких материалов на Б.Г. Голышева нет. Кроме этого, что очень важно, в отдельной справке, подготовленной 25 ноября 1957 г., отмечено, что в следственных показаниях бывшего заместителя наркома Я.А. Лившица Б.Г. Голышев не упоминается.

В ходе реабилитации необоснованно репрессированных людей в период массовой сталинской мясорубки были опрошены несколько человек, ранее работавших с Голышевым на ВСЖД. Как следует из их воспоминаний, они вообще ничего даже не слышали о вредительстве на ВСЖД в те годы.

Решением военной коллегии от 30 ноября 1957 г. было указано, что на основании дополнительного расследования была установлена несостоительность предъявленных Б.Г. Голышеву обвинений. Было рекомендовано Верховному суду приговор выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1937 г. в отношении Б.Г. Голышева отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления. Верховный суд СССР от 14 декабря 1957 г. вынес решение о реабилитации Б.Г. Голышева (приложение 4).

В декабре 1959 г. супруга Бориса Григорьевича обратилась в архив МПС с просьбой выслать фотографию мужа для переснятия. Фотография с личного дела Бориса Григорьевича была выслана ей по адресу проживания в город Львов. В личном деле Б.Г. Голышева хранится благодарность Н.Л. Голышевой работникам архива за предоставленную фотографию Бориса Григорьевича.

Б.Г. Голышев как первый начальник управления дороги в Иркутске сыграл видную созидательную роль в деле развития Восточно-Сибирской железной дороги. Начинать что-то новое всегда очень трудно. Анализ работы, проделанной Борисом Григорьевичем за два года на этой должности, показывает, что он полностью справился со всеми возложенными на него надеждами. Руководимое им новое управление дороги успешноправлялось со всеми перевозочными процессами. Но его добросовестное служение своему государству не только не получило достойной оценки, а совсем наоборот, он был необоснованно репрессирован и расстрелян. Но дело, в которое он вложил свой талант, свою энергию, продолжает жить и сегодня. Наша Восточно-Сибирская железная дорога продолжает вносить свой достойный вклад в развитие экономики региона и всей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ЦА МПС. – Ф. 1884. – Оп. 364. – Д. 459.
2. Архив РУФСБ по Иркутской области. – Д. 5846. – В 2-х т.

Приложение 1

1/2 вр 89

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

АНМ-1; АЩА

3 марта 1934 г.

№ 42/Ц

(ЦУД)

О разукрупнении Томской и Забайкальской жел.-дор. и образовании Восточно-Сибирской жел. дороги.

Для улучшения работы дорог ДВК приказываю:

1. Разукрупнить Томскую и Забайкальскую железные дороги на три самостоятельные дороги: Томскую—с управлением в гор. Новосибирске, Восточно-Сибирскую—с управлением в гор. Иркутске и Забайкальскую—с управлением в гор. Чите.

2. В-Сибирскую железную дорогу организовать в составе районов: Красноярского, Нижне-Удинского (Томской ж. д.) и Иркутского (Забайкальской ж. д.) в границах от ст. Чернореченская (исключительно) до ст. Мысовая (включительно).

3. Установить восточную границу Томской дороги по ст. Чернореченская (включительно) и западную границу Забайкальской по ст. Мысовая (исключительно); остальные границы Томской и Забайкальской сохранить без изменения.

4. Назначить нач-ком В-Сибирской ж. д. т. Голышева, освободив его от обязанностей НЭ Юго Восточных, которому немедленно выехать в Иркутск для организации управления дороги, закончив ее не позднее 1 апреля 1934 г.

5. Всепретить нач-ку Томской ж. д. т. Яковлеву и нач-ку Забайкальской ж. д. т. Осипову производить какую либо передвижку кадров и оборудования из районов, передаваемых в состав В-Сибирской дороги.

6. Возложить на нач-ка Томской ж. д. т. Яковleva и нач-ка Забайкальской ж. д. т. Осипова всю ответственность за бесперебойную работу районов, входящих во вновь организуемую В-Сибирскую дорогу до окончательного ее оформления.

Народный комиссар путей сообщения Андреев.

Приложение 2

Выписка из Постановления
СНК ССР опубликованного в
газете "Правда" от 16 января
1936 г.

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ СОСТАВА СОВЕТА ПРИ НАРОДНОМ
КОМИССАРЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Утвердить следующий состав Совета при Народном
комиссаре путей сообщения:

ГОЛУБЕВ Борис Григорьевич - Начальник Восточно-Си-
бирской железной дороги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР
В. МОЛОТОВ.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
И. МИРОЧНИКОВ.

Москва, Кремль.

16 января 1936 г.*

Выписка верна:

Инструктор Центральной группы кадров
при Наркомпути: /Захаров/.

Приложение 3

о №

5225

на с. 102

засі

167

АРХИВ РУ ФСБ РФ
НА ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ.

ПРИГОВОР

енем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда ССР

в составе:

Председательствующего Диввоенюриста т. И.Т.

Членов: Диввоенюриста т. ГОРЯЧЕВА А.Д. и Бригвоенюриста т. КИТИНА И.Г.

При секретаре военном юристе 3 ранга т. ШАПОШНИКОВЕ Н.И.

В закрытом судебном заседании, в городе Иркутске

" августа 1937 года

, рассмотрела дело

бвинению: ГОДИШЕВА Бориса Григорьевича, 1897 г. рождения, служащего СООСР в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-3, 58-9 и УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Годишиев, занимавший руководящие должности в митро-
полической перегородке -
кии и шиномакер - дивизионной
размеры тружеников и пра-
вых, действовавшей на псевдона-

дирогах Восточной Сибири и
руководством и по заданиям
Внешних разведывательных
органов и ставшими членами
партии единомышленниками
беземного Совета и оказание
им помощи вложив в наше
приятие СССР, а также подгото-
вивший ряд террористических
актов против руководителей
ВКП(б) и Сибирского государства
— ~~пред~~ брата народа Ленини-
дии сибиряк с азартом склонил
террористов парашютчиков
членов и осужденных руково-
вадебно всей шпионско-див-
ерсионной дел и террористич-
еских действий на всю
Южно-Сибирской пепелище дар-
ить кого бы не вел оснований счи-
тать дороги судьбы ряд судей
справедливых ~~групп~~ и членов
групп.

Кроме того, главные судьбы
террористической группы во
свое время пересекла, а где-нибудь
осталась до сего

АРХИВ РУ ФСБ РФ
ПО ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ.

168

Бородинского, начальника и
вилгельма и по приличии заданий
право-троцкистского учреждения
в январе между 1936 года под-
готовили совершение террори-
ческого акта против члена
И. А. Караганова.

Таким образом установлено
злоумышленство Голышева в совер-
шении или преступлении, преду-
смотренных ст. ст. 58-1а, 58-8
8-9 и 58-11 УК РСФСР

На основании установленного
злоумышленника ст. ст. 319 и 320
УК РСФСР Всегдарайский Сессия
Заседание Комитета Верховного Суда
ССР

Приговора:

Ольшина Бориса Чигориновича к
немеру уголовного наказания - рас-
стрелу, с конфискацией всего лично ему
предназначенного имущество.

Приговор оконченный, подписан
им и поднесен и на основании
судебного УК ССР из 1го декабря
этого поднесен начальнику исполн
ению.

Председатель Сугоркин
Дубровинский

Приложение 4

АРХИВ РУ ФСБ РО
ПО ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ.

Число 50

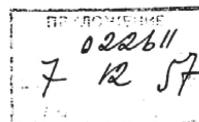
Особый контроль

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

30го ноября 1957г.

/И. МАКСИМОВ/

СЕКРЕТНО
экз.

В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХOVНОГО СУДА СССР

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
/ в порядке ст.378 УПК РСФСР/

1 августа 1937 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР осужден по ст.ст.58-1а, 58-8, 58-9 и 58-II УК РСФСР к ВМН- расстрелу, с конфискацией имущества,-

ГОЛЫШЕВ Борис Григорьевич, 1897 г. рождения, уроженец г.Херсона, еврей, б.член ВКП/б/ с 1918 года, бывш. начальник Восточно-Сибирской железной дороги. Арестован 3 июня 1937 г.

Судом ГОЛЫШЕВ признан виновным в том, что являлся руководителем антисоветской организации троцкистов и павших, действовавшей на железных дорогах Восточной Сибири, и занимался диверсионно-вредительской деятельностью и шпионажем в пользу японской разведки; кроме того, создал террористическую группу и готовил террористический акт против т.КАГАНОВИЧА.

Обвинение ГОЛЫШЕВА было основано на его показаниях с признанием вины, данных на предварительном следствии, и подтвержденных им в суде, и на показаниях арестованных по другим делам ПЕЧЕНИКА, МАЕВСКОГО, ДЗЕДЗИЕВСКОГО, СЕМЕНОВА, ВЛАСОВА, БАРАНОВСКОГО, ГУНДЗИЛОВИЧА и других.

Проведенный по делу дополнительным расследованием установлено, что ГОЛЫШЕВ был осужден необоснованно.

По материалам дела, ГОЛЫШЕВ был привлечен для антисоветской деятельности на ж.д.транспорте ЛИВИЩЕМ - б.зам. НКПС, антисоветскую организацию на Восточно-Сибирской ж.д.создал по его заданию и по его же указанию установил связи с руководителями антисоветской организации в Восточной Сибири РАЗУМОВЫМ, КОРШУНОВЫМ, ПАХОМОВЫМ, ПАНДЕРНЫМ, под непосредственным руководством которых и проводил антисоветскую работу.

АРХИВ РУ ФСБ РФ
ПО ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ.

2.

Однако установлено, что РАЗУМОВ, КОРШУНОВ и ПАХОМОВ антисоветской деятельностью не занимались и вследствие этого в 1956г. они реабилитированы; дело ПАНЕРНОГО как необоснованно осужденного направлено в Военную коллегию Верховного Суда СССР с предложением о прекращении за отсутствием состава преступления. Что касается ЛИВШИЦА, то на следствии по своему делу показаний об антисоветской деятельности ГОЛЫШЕВА не дал/том I, л.д.184, 244, 245, 308/.

Не занимались антисоветской деятельностью и также реабилитированы в разное время БАРАНОВСКИЙ, КРУГЛИКОВ, ВАЛУК, ДЕВЯКОВИЧ, якобы завербованные ГОЛЫШЕВЫМ в антисоветскую организацию; МАЕВСКИЙ, ГУНДЗИЛОВИЧ, ЧЕСНОК, ПАНКРАТОВИЧ, МЛАДЗЯНОВСКИЙ, ОЛЕЩУК, изобличавшие ГОЛЫШЕВА в совместной преступной деятельности; ЗОРИН и БИЛИК, с кем ГОЛЫШЕВ якобы был связан по антисоветской деятельности в прошлом./т. I, л.д.174, 176, 177, 182, 183, 187-189, 194, 208, 209, 236-238, 288-291+ 307/.

Свидетели ЛОМАКИН Т.К. и САЛМАНОВИЧ А.С., знающие ГОЛЫШЕВА по совместной работе, на допросе в 1957 году характеризовали его как добросовестного работника и показали, что об антисоветской деятельности осужденного им не известно ничего/т. I, л.д. 253-256/.

Из членов ВКП/б/ ГОЛЫШЕВ исключен в связи с данным делом, паспорт у него был изъят при аресте. Сведений о принадлежности его к антипартийным группировкам в архивах нет/том I, л.д. 19, 259, 260, 306/.

По данным архивного личного дела ГОЛЫШЕВА, в 1920-1927 г.г. он работал на ответственных должностях в органах ВЧК-ОГПУ и за заслуги в борьбе с контрреволюцией в 1923 г. РВС Украины награжден орденом Красного Знамени/т. I, л.д.305/.

Проверкой вместе с тем установлено, что б.сотрудники УНКВД Восточно-Сибирской области ЛУПЕКИН, КОЧЕРГИНСКИЙ, ЦЕХАНОВИЧ, принимавшие участие в следствии по делу ГОЛЫШЕВА, занимались в 1937-38 г.г. фельсификаций уголовных дел, за что впоследствии осуждены/т. I, л.д.261, 262/.

При таких обстоятельствах не внушают доверия и показания ГОЛЫШЕВА о якобы проводившейся им диверсионно-вредительской и шпионской деятельности, объективными же доказательствами эти показания не подтверждены. В деле имеются постановления о приобщении различного рода актов обследований, однако самих актов в деле нет и проверкой они не обнаружены/т. I, л.д.258, 309/

О связях ГОЛЫШЕВА с японскими разведорганами сведений в органах госбезопасности не имеется/т. I, л.д.272/

АРХИВ РУ ФСБ РФ
ПО ИРКУТСКОЙ
ОБЛАСТИ.

3.

На основании изложенного и учитывая, что дополнительным расследованием установлена несостоительность обвинений, предъявленных ГОЛЫШЕВУ, руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР,-

П О Л А Г А Л Б Ы

Приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 августа 1937 года в отношении ГОЛЫШЕВА Бориса Григорьевича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления.

ВОЕННЫЙ ПРОКУОР ОТДЕЛА ГВП
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

"26" ноября 1957г. *ВЧМ* /УСТИМЕНКО/

"СОГЛАСЕН"

ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУОРА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

"29" XI *Павлов* 1957г. /ПАВЛОВ/

№ 9р-2284-37

УДК 061:656.2

Т.Н. Гордиенко

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ И ВЫСТАВКИ НА ТРАНССИБЕ (история и современность)

В данной статье раскрываются особенности становления транспортной науки, в том числе на Транссибе. Уделяется большое внимание становлению различных форм научно-практических конференций на ВСЖД, в Иркутском государственном университете путей сообщения.

This article describes the peculiarities of transport science, including the Trans-Siberian. Pay more attention to the emergence of various forms of scientific conferences on the East-Siberian Railway, in the Irkutsk State University of Railway Transport.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наука, транспортная наука и технология в России и в Сибири, обмен опытом, научные конференции.

KEYWORDS: science, transportation science and technology in Russia and Siberia, the exchange of experience, scientific conferences.

Сегодня наука развивается стремительными темпами, новые научные разработки поражают своей неожиданностью, глубиной исследования, грандиозными шагами вперед в той или иной области науки. Стали очень популярными и востребованными такие научные мероприятия на разных уровнях, как симпозиумы, форумы, конференции, всевозможные инновационные выставки, научно-технические советы, съезды и пр., где можно узнать о новых исследованиях у своих

Гордиенко Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, директор музея ВСЖД

и зарубежных коллег, познакомиться с инновационными проектами, масштабными научными разработками и отдельными открытиями. На железнодорожном транспорте, в частности, Сибирского региона, наиболее эффективными признаны научно-практические конференции, нередко сопровождающиеся выставками разных направлений и сфер деятельности, которые проводятся с целью обобщения опыта разработчиков – учёных железнодорожного транспорта и специалистов-практиков. Такие мероприятия планируются заранее и утверждаются на самом высоком уровне.

Цель проведения научно-практических конференций – обмен опытом и ознакомление участников с передовыми технологиями и научными исследованиями в области железнодорожного транспорта, определение перспектив дальнейшего его развития на основе консолидации усилий практиков и ученых в области экономического, управленического, технологического и психологического направлений.

Задачами научно-практических конференций и выставок являются:

- Обмен опытом и реализация успешных проектов в области развития железнодорожного транспорта России.
- Активизация научной и творческой деятельности на железных дорогах Сибири, привлечение молодёжи к разработке и внедрению инновационных проектов.
- Озвучивание проблем, препятствующих интеграции теоретических и методологических аспектов в практику инновационной деятельности российских железных дорог.
- Поиск возможных путей развития и сотрудничества отечественных и зарубежных железных дорог по всем направлениям деятельности.
- Развитие научно-исследовательской деятельности в области истории железнодорожного транспорта России в целях сохранения исторического наследия российских железных дорог.

История подобного рода мероприятий имеет глубокие исторические корни. Начало формированию транспортной науки положил граф Н.П. Румянцев (1754–1826), возглавлявший ведомство путей сообщения с 1801 по 1809 гг. Созданная по его инициативе в Департаменте водяных коммуникаций «ученая часть» явилась первой в стране транспортной научной организацией. Более систематиче-

ское и целенаправленное становление в России отечественной науки и техники началось с образования Русского технического общества, Устав которого был утвержден 22.04.1866 г. императором Александром II. Через 8 лет, 22.04.1874 г. за заслуги перед Отечеством в содействии развитию техники и промышленности «...Государь Император Всемилостивейше соизволил даровать Русскому Техническому Обществу наименование «Императорское» и принял над ним шефство» [18]. Императорское русское техническое общество (ИРТО) просуществовало до 1917 г., славная история его деятельности заслуживает отдельного описания.

На развитие транспортной науки оказал колоссальное влияние Петербургский института Корпуса инженеров путей сообщения. С момента его основания в нём установилось хорошее правило, ставшее в дальнейшем традицией, – поощрять профессоров и преподавателей в стремлении работать на штатных должностях в организациях ведомства путей сообщения.

Сочетание учебной работы с инженерной деятельностью профессорами А.А. Бетанкуром, П.П. Мельниковым, С.Д. Карейшей, Я.Н. Гордеенко, Д. И. Журавским и другими учеными способствовало достижению высоких научных результатов и практических достижений на транспорте. В 1881 году в ИРТО был учрежден Железнодорожный отдел. Инженеры, члены технического общества участвовали в заседаниях Советов ИРТО и на съездах, где решались важнейшие проблемы. Именно на здесь была обсуждена проблема прокладки Великого железнодорожного пути через Сибирь. Члены ИРТО активно участвовали в подготовке и организации технических и промышленных выставок, устраивавшихся Императорским русским техническим обществом в 1880, 1882, 1885, 1889, 1892, 1896 гг. [17].

Отделения общества возникли во многих городах страны. Научные публикации по проблемам железнодорожного транспорта публиковались в «Записках Императорского русского технического общества» и еженедельном журнале «Железнодорожное дело», образованном в 1882 г. В них же публиковались материалы из «Отчётов Собрания Экспертов». Так, например, большой интерес у читателей вызвали материалы о новых изобретениях и приспособлениях по сопротивлению рельсового пути, подготовленных к юбилейной железнодорожной выставке в 1911 г. [8].

Наиболее значительные научные и технические открытия и достижения представлялись русскими учеными и специалистами транспорта на всемирных выставках, начало которым положили Лондон и Париж. Так, в 1889 г. на Всемирном международном конгрессе по строительству и техническому искусству, как писал С.Д. Карейша в статье о величайшем русском инженере Н.А. Белелюбском (1845–1922), русские инженеры доказали, что в инженерном искусстве России стоит на уровне мировых достижений [9].

Международные промышленные выставки XIX – нач. XX вв., в которых участвовали русские ученые и инженеры [16]

<i>Год проведения</i>	<i>Город</i>	<i>Кол-во экспонатов</i>	<i>Общее число посетителей (чел.)</i>
1851	Лондон	14 000	6 040 000
1855	Париж	24 000	5 163 000
1862	Лондон	28 700	6 212 000
1867	Париж	52 000	11 000 000
1873	Вена	42 000	7 255 000
1876	Филадельфия	30 000	9 858 000
1878	Париж	52 800	16 032 000
1889	Париж	61 800	32 351 000
1893	Чикаго	—	2 530 000
1900	Париж	83 000	50 861 000
1904	Сан-Луис	—	19 695 000
1915	Сан-Франциско	30 000	18 750 000

Особенно стоит вспомнить ещё одну Всемирную международную выставку 1900 года, состоявшуюся в Париже, откуда впервые мир узнал о Великой Транссибирской магистрали, самой протяжённой железной дороге, построенной в России за сравнительно короткий срок. Комитет Сибирской железной дороги и Управление по её сооружению получили на выставке высшую награду «Гран-при». И именно здесь наше отечественное мостостроение было признано одним из лучших в мире. Золотой медали удостоился проект моста через р. Енисей инженера путей сообщения Л.Д. Проскурякова (1858–1926). Такая же награда присуждена была и Густаву Эйфелю за его знаменитую башню. Проект Л.Д. Проскурякова стал образцом для дальнейшего строительства мостов по всей России. На Транссибе после Енисейского моста по такому же проекту были возведены

не менее уникальные мостовые переходы: а) через самую глубокую бухту озера Байкал, бухту Берёзовую, на Кругобайкальской железной дороге (Берёзовский мост) [2]; б) через величайшую реку Амур у города Хабаровска (Амурский мост) [1].

Примечательный факт, что с самого своего «рождения», отмеченного на Парижской выставке, в традициях Сибирской железной дороги участие в выставках, конгрессах, форумах приобрело важное значение. Это давало прекрасную возможность подводить итоги, постоянно стремиться к прогрессу, совершенствуя технологии и управление производством.

Так, с самого начала XX в. представители Сибирской железной дороги участвовали во всевозможных отечественных и всемирных научно-промышленных выставках. Железнодорожное руководство очень ответственно относились к этим мероприятиям. Например, в февральском дорожном «Вестнике» 1904 года, на основании предписания Управления железных дорог Министерства путей сообщения от 26 августа 1903 г. по поводу участия в научно-промышленной выставке, устраиваемой Восточно-Сибирским отделом Императорского русского географического общества (ВСОИРГО) в г. Иркутске в 1905 г., Советом дороги опубликовано следующее решение, принятое Особым совещанием:

«Сибирская железная дорога представляет собой самое грандиозное сооружение в Сибири и проведение её изменило все условия жизни, хозяйства, промышленности и торговли страны. За недолгое существование дороги необъятные пространства Сибири стали заселяться, пустынные дотоле земли стали обрабатываться, появился не только экспорт хлеба, но и сибирского масла. Для удовлетворения потребностей дороги стали разрабатываться и угольные копи, и казённые леса, и т. д. Наконец, Сибирская дорога является мощным фактором в нравственно-просветительном деле, благодаря своим церквям и школам. Поэтому Сибирской дороге не только нельзя уклониться от участия в научно-промышленной выставке, но ей должно быть отведено одно из первых мест на выставке.

Относительно экспонатов Сибирская дорога выставит всё то, что выставляет на выставке в Сан-Луи, дополнив эти экспонаты многими другими, например, моделями Анжерских копей, артезианских водоснабжений и т. п. Стоимость изготовления экспонатов для вы-

ставки в Сан-Луи была исчислена в 5 000 руб. Принимая во внимание, что для выставки в Иркутске придётся изготовить гораздо большее число экспонатов, потребная сумма на их изготовление будет не менее 10 000 руб. Кроме того, испрашивается субсидия Восточно-Сибирскому отделу в размере 10 000 руб. Итого необходим кредит в 20 000 руб.» [15, с. 10].

Таким образом, Совет Управления Сибирской железной дороги постановил признать участие в научно-практической выставке в Иркутске весьма полезным, обратившись с просьбой к Управлению железных дорог ассигновать 5000 руб. на изготовление экспонатов и выдать 10 тыс. руб. субсидий Восточно-Сибирскому отделу Императорского русского географического общества [15, с. 11].

Как сообщала местная пресса, в том же 1904 г. Управлением Сибирской железной дороги для Всемирной выставки в Сент-Луисе (1904 г., май – декабрь) была изготовлена достаточно больших размеров великолепная модель вагона-библиотеки [14], которая впоследствии неоднократно демонстрировалась уже на российских выставках.

К большому сожалению, научно-промышленной выставке в г. Иркутске, подготовка к которой началась полным ходом, не суждено было состояться из-за Русско-Японской войны...

Значительным событием в деятельности Сибирской дороги стало участие её в Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственно-промышленной выставке, проходившей в г. Омске с 15 июня до 15 августа 1911 г. Омская выставка показала достижения Сибири в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве, административно-хозяйственном управлении, развитии науки и образования, социальной сферы. В ней принимали участие: 1) Переселенческое управление. 2) Сибирская железная дорога. 3) Управление водных путей сообщения Томского округа. 4) Управление госимущества Томской и Тобольской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. 5) Агрономические организации. 6) Управления горных округов (Томского, Степного-Северного, Уральского). 7) Врачебные и ветеринарные организации. 8) Сибирское казачье войско. 9) Военно-топографический отдел Омского военного округа. 10) Департамент земледелия. 11) Западно-Сибирский отдел ИРГО. 12) Сельскохозяйственные общества. 13) Учебные заведения, музеи и т. д. [5].

Цель выставки: показать итоги экономического роста и пер-

спективы Сибири, а также «привлечение в край людей знания, опыта и науки».

Начальник края в своей речи на открытии сказал: «Выставка эта должна положить начало новой эры Западной Сибири, вдохнуть в край новую жизнь» [4, с. 1].

Экспозиция Сибирской дороги в Омске занимала особый павильон и являлась наиболее обширной и интересной. Кроме моделей вагонов и церкви, построенной при станции Омск, демонстрировалась действующая модель Анжерских копей с паровой машиной. Диаграммы на стенах показывали работу всего хозяйства дороги [5].

Одним из важных и ценных исторических документов, дошедших до нас, стал сборник о достижениях дороги за десятилетний период её эксплуатации, специально выпущенный к данному событию – «Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги с 1900 по 1910 гг. по данным, подготовленным для Омской выставки» [11].

Следует констатировать, что в настоящее время железнодорожные дороги Сибири не изменяют своим традициям, выставочная и научная деятельность трансформировалась в ещё более продуктивные формы и мероприятия глобального масштаба: конгрессы, симпозиумы, форумы, научно-практические конференции (НПК) – международные, общероссийские, региональные.

Сегодня по итогам научно-практических конференций, которые проводятся на базе научных организаций и высших учебных заведений железнодорожной отрасли совместно с железнодорожными дорогами, стало неотъемлемым и обязательным публикации сборников материалов конференций в печатном виде и в электронном формате.

Организация железнодорожных научно-практических конференций и выставок в Сибирском регионе особенно активизировалась в преддверии празднования столетия Транссиба. Так, в целях разработки программ развития железных дорог Сибирского региона согласно Указания МПС РФ от 26.03.1999 г. № 119 у «Об организации научно-практической конференции и региональной выставки «Транссиб-99», в г. Новосибирске 24–26 июня 1999 г. на базе Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС) состоялась научно-практическая конференция и грандиозная региональная выставка «Транссиб-99», разместившаяся на территории выставочного комплекса «Сибирская ярмарка». Для подготовки и

проведения мероприятий из общеотраслевых расходов было выделено 1,5 млн рублей.

Это был один из масштабных железнодорожных форумов в Сибири, проведенный на государственном уровне и способствовавший консолидации науки и практики в транспортной системе страны. Председателем Организационного комитета научно-практической конференции «Транссиб-99» являлся сам министр путей сообщения Н.Е. Аксёnenко.

Тематика выставки так же, как и программа круглых столов, охватывала широкий спектр направлений железнодорожной деятельности: 1. Организационная деятельность железных дорог Сибирского региона; 2. Новые технические средства на железнодорожном транспорте; 3. Совершенствование структуры развития железнодорожного транспорта Сибири и его взаимодействия с другими транспортными системами; 4. Информационные технологии на транспорте; 5. Экология на железнодорожном транспорте; 6. Наука и образование на железнодорожном транспорте; 7. Социальная сфера на железнодорожном транспорте; 8. Информационное обслуживание на железнодорожном транспорте. В результате научно-практической конференции вышли сборники научных трудов учёных, исследователей железнодорожного транспорта и практиков. К примеру, впервые Сибирским государственным университетом путей сообщения было выпущено в свет научное издание докладов ведущих специалистов и руководителей Восточно-Сибирской железной дороги по преобразованию структуры управления дорогой в связи с переходом её на рыночные условия хозяйствования в начале 90-х гг. прошлого века. Труды раскрывают все аспекты процесса реформирования, не только производственной составляющей, но и социально-кадровой политики. Опубликованные в научном сборнике «Новые технологии на Восточно-Сибирской железной дороге» материалы представляют большой интерес для исследователей и историков железнодорожного транспорта, студентов и молодых специалистов, а также практиков с большим производственным опытом [10].

С 2001 г. активно развивается сотрудничество сибирских вузов путей сообщения с научно-образовательными институтами и железнодорожными учреждениями Республики Корея, КНДР, Японии, Китая, Монголии [17].

В частности, были подписаны Соглашения о сотрудничестве между СГУПСом и Корейским национальным колледжем железнодорожного транспорта, Корейским железнодорожным научно-исследовательским институтом, Университетом Донгсо, Республика Корея, Соглашение о сотрудничестве с Пхеньянским железнодорожным институтом, КНДР, Пекинским транспортным университетом Китайской Народной Республики, а также Соглашение о сотрудничестве с Университетом Хоккай-Гакуэн (Япония).

В соответствии с соглашением о сотрудничестве между СГУПСом и Университетом Хоккай-Гакуэн (Япония) в августе 2002 г. на базе СГУПС был совместно проведен I Международный симпозиум «Современное социально-экономическое положение и подготовка кадров в XXI веке: Россия-АТР». В симпозиуме приняли участие представители высших учебных заведений России, Японии, Республики Корея, Монголии. Организаторы симпозиума – СГУПС и Университет Хоккай-Гакуэн. Был издан сборник трудов по материалам Симпозиума.

В июне 2003 года состоялся II Международный симпозиум «Социально-экономическая глобализация и роль вузов» (г. Саппоро, Университет Хоккай-Гакуэн). В сентябре 2004 г. в Новосибирске на базе СГУПСа был проведен III симпозиум «Глобализация и роль вузов в развитии международного сотрудничества», в котором приняли участие более 20 ректоров высших учебных заведений Японии, Республики Корея, КНДР и России. В октябре 2005 г. в Японии на базе Университета Хоккай-Гакуэн, г. Саппоро, прошёл IV Международный симпозиум...

С течением времени происходит лишь укрепление и неуклонное наращивание международных связей и сотрудничества в области транспортной науки. Например, в настоящее время совместные международные молодежные научно-практические конференции проводятся регулярно, о чём свидетельствуют сайты университетов [17].

Значительный вклад в развитие транспортной науки и воспитание инженеров путей сообщения нового поколения вносит Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС). Поистине знаковой и исторической стала научно-практическая конференция «Потенциал железнодорожного образования и науки на рубеже XXI века», состоявшаяся в конце ноября 2000 г. в г. Омске по программе

сетевого инновационного форума «ТрансСибвуз – 2000» в дни празднования 70-летия вуза. На форуме собрались учёные, профессорско-преподавательский состав высших железнодорожных учебных заведений, представители Сибирского отдела Российской Академии наук, руководители департаментов Министерства путей сообщения России, крупные специалисты научно-экспериментальных конструкторских подразделений железнодорожного транспорта, руководители и специалисты железных дорог Сибирского региона и главное достояние университета – первые его выпускники, почти все известные и заслуженные люди страны.

Научно-практическая конференция вобрала в себя все важные аспекты проблем железнодорожной политики, сложившейся на рубеже XX–XXI вв. Были заслушаны десятки докладов в секциях по следующим важным направлениям:

- железнодорожное образование: становление, развитие, перспективы;
- интеграция академической и вузовской наук: совместные проекты и предложения;
- техническая политика на железнодорожном транспорте – взгляд в XXI век;
- инвестиционный процесс на железнодорожном транспорте;
- совершенствование эксплуатационной работы и проблемы безопасности на железных дорогах Сибири и Дальнего Востока;
- новые технологии технического обслуживания и ремонта железнодорожной техники;
- создание новых информационных технологий и информационного пространства;
- производство запасных частей, импортозамещающего и технологического оборудования: региональные проблемы и перспективы;
- проблемы менеджмента качества на железнодорожном транспорте и т. д.

По материалам научно-практической конференции издан сборник трудов.

Особое внимание участников форума привлекла специализированная выставка «Новые технологии – железнодорожному транспорту». Следует отметить большую роль центров научно-технической

информации железных дорог (ДЦНТИ), ответственных за информационно-выставочное обеспечение форума. Самую объёмную и великолепную экспозицию своих достижений представила Западно-Сибирская железная дорога, хозяева мероприятия. Восточно-Сибирская, «хотя и не могла соперничать с западно-сибирцами по количеству стендов и экспонатов, но, в отличие от других дорог, с помощью проекционного оборудования на большом экране показала не только технические новшества, но и все стороны жизни одной из ведущих магистралей страны», как отмечалось в дорожной газете специальным корреспондентом, освещавшим мероприятие. Но «главная цель конференции – обобщение и распространение опыта сотрудничества железных дорог, научных организаций и высших учебных заведений отрасли в образовательной, научной и производственной сферах деятельности, судя по откликам, интересу к выставке, несомненно, была достигнута» [3].

В последнее время большой интерес вызывают такие направления в науке, как экономика, философия, политология, религия, психология и педагогика, что также находит свое отражение в повестках дня научно-практических конференций. Так, на основании Плана выставок и конференций, ежегодно утверждаемого в ОАО «РЖД», помимо форумов сугубо транспортной проблематики, на сети дорог проводятся научно-практические конференции историко-культурного направления с участием транспортных вузов, представителей департаментов ОАО «РЖД», железных дорог, музеев, архивов, учреждений Министерства культуры РФ, любителей железных дорог, историков железнодорожного транспорта, прессы и издательств. «Железная дорога теперь осознается не только как утилитарное перевозочное средство, но и объект, имеющий историческое и эстетическое содержание, тесно связанный с историей и культурой страны», – подчеркнул А.Б. Вульфов, председатель Межрегиональной организации «Общество любителей железных дорог» в своём выступлении 16 декабря 2008 г. на сетевой научно-практической конференции «Пути сохранения и пропаганды исторического наследия ОАО «РЖД» [6], проходившей в Демонстрационно-обучающем выставочном центре (ДОВЦ) Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ) в Москве. Помимо представителей ОАО «РЖД», на конференции присутствовали научные

сотрудники Государственного исторического музея и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, историки железнодорожного транспорта, представители университетов путей сообщения, в т. ч. ИрГУПС.

ИрГУПС, например, совместно с ДЦНТИ Восточно-Сибирской железной дороги, Отделом учебных заведений службы управления персоналом, детской железной дорогой и музеем истории ВСЖД занялись разработкой проекта «Формирование личности специалиста ОАО «РЖД». Проектом предусмотрено создание на материалах историко-культурного наследия железных дорог учебно-методического комплекса, направленного на обеспечение преемственности морально-этических корпоративных ценностей, совершенствование системы профориентации и социальной адаптации молодой смены. Это направление, в частности, реализовывается на ежегодных научно-практических региональных студенческих конференциях «Формирование личности специалиста в техническом вузе», которые организует ИрГУПС. Активно в них участвуют и студенты других вузов Иркутска.

Данная проблематика нашла своё отражение и в рамках научно-практической конференции, посвящённой 200-летию корпуса инженеров путей сообщения. 26 сентября 2009 г. в Иркутске, на Восточно-Сибирской железной дороге состоялся круглый стол «Популяризация историко-культурного наследия российских железных дорог как фактор развития корпоративной культуры ОАО «РЖД», организованный в дни проходившей здесь выставки моделей подвижного состава (26 сентября – 4 октября 2009 г.). Согласно Программы мероприятий (утв. 17 сентября 2009 г. начальником ВСЖД А.А. Краснощёком), в день открытия выставки, 26 сентября был проведён и вышеназванный круглый стол (Протокол № 14 от 26.09.09 г.), целью которого была реализация базовых задач «Функциональной стратегии развития кадрового потенциала ОАО «РЖД» по обеспечению эффективной молодёжной кадровой политики и адаптации персонала к новой корпоративной среде».

По данной тематике были заслушаны многочисленные доклады, среди которых нужно отметить доклады начальника ДЦНТИ ВСЖД Т.Н. Гордиенко «Деятельность дорожного центра технической информации ВСЖД – филиала ОАО «РЖД» по пропаганде исторического наследия Российской железных дорог: основные направления и

перспективы»; начальника отдела учебных заведений Службы управления персоналом ВСЖД Н.Н. Макрицкого. «Популяризация исторического наследия российских железных дорог в целях профессиональной ориентации в учебных заведениях ОАО «РЖД»: обобщение опыта», зам. начальника ДЦНТИ по библиотечной работе Е.А. Кобзевой: «Информационное обеспечение профориентационной работы в учебных заведениях ОАО «РЖД»; доцента кафедры менеджмента ИрГУПС К.Л. Лидина: «Роль исторического наследия российских железных дорог в формировании корпоративной культуры ОАО «РЖД»; доктора исторических наук, профессора кафедры философии и социальных наук ИрГУПС В.Г. Третьякова «Современные подходы к разработке учебного курса истории российских железных дорог»; корреспондента газеты «Восточно-Сибирский путь» К.Я. Житова: «История российских железных дорог на страницах корпоративной прессы: памятные даты, события, люди» и др.

На заседании была представлена книга председателя межрегиональной организации любителей железных дорог А.Б. Вульфова «Повседневная жизнь российских железных дорог».

Активное участие в обсуждении докладов и в дебатах принимали другие участники круглого стола: кандидат исторических наук, директор музея истории ВСЖД А.В. Хобта, методист музея истории ВСЖД Т.П. Томилова, директор библиотеки ИрГУПС А.Э. Теренина и т. д. Постановлением отмечен значительный вклад ВСЖД в развитие и популяризацию историко-культурного наследия железных дорог и приняты рекомендации по формированию учебно-методического комплекса по истории российских железных дорог для использования в железнодорожных учебных заведениях [7].

Участники круглого стола сформулировали следующие направления в данной области:

- Обеспечение преемственности поколений и уважения традиций железных дорог;
- совершенствование корпоративного имиджа и повышение престижа профессии железнодорожника, использование средств массовой информации для пропаганды престижности и конкурентоспособности железнодорожных профессий;
- развитие корпоративной культуры, включая введение как обязательного элемента программ обучения во всех образовательных уч-

реждениях железнодорожного транспорта курса корпоративной культуры;

- содействие патриотической работе, проведение творческих конкурсов среди учащихся и молодых работников;
- совершенствование системы взаимодействия ОАО «РЖД» и образовательных учреждений по подготовке специалистов для Компании.

Выставки и конференции историко-краеведческого характера, например, о Кругобайкальской железной дороге – памятнике истории техники федерального значения, проводятся и в рамках Байкальского экономического форума (научно-практические конференции «Развитие историко-культурного потенциала Иркутской области как фактор социально-экономического развития территории» в 2006 г., «Историко-культурное наследие Сибири» в 2009 г. и т. д.).

Примечательно то, что одной из основных целей научно-практических конференций социально-гуманитарной направленности железнодорожного ведомства стало патриотическое воспитание молодёжи, здесь речь идёт, в частности, о Сибирском регионе. Сегодня в обществе молодых людей нередко отмечается негативное отношение к понятиям гражданского долга и ответственности за судьбу страны. Подобное положение вещей явилось следствием наступления новой эпохи в конце двадцатого столетия, так называемой эпохи потребления, а также глубокого кризиса отечественной политической и экономической системы, повлекших за собой пересмотр духовных ценностей.

Сегодня крайне необходимо уделять большое внимание проблемам воспитания и формирования личности современной молодёжи. И хотя на государственном уровне с начала XXI в. уже принят целый ряд программ патриотического воспитания молодого поколения, не везде они реализуются эффективно. Зачастую причастные административные органы относятся к этому формально, чего нельзя сказать об Иркутске, где, например, Центром детско-юношеского туризма и культуры (ЦДЮТиК) совместно с городской администрацией проводится большая работа, в том числе по организации юношеских научно-практических конференций: городских, областных, региональных и даже международных. Здесь всё происходит на достаточно высоком уровне: в состав жюри по оценке детских научно-исследовательских

работ по истории и краеведению входят учёные иркутских вузов и научные сотрудники различных учреждений культуры. Следует отметить в этом и участие железнодорожных образовательных учреждений, а также музея истории Восточно-Сибирской железной дороги.

Кроме того, Управлением по физической культуре, спорту и молодёжной политике Комитета по социальной политике и культуре Администрации г. Иркутска и Федеральным государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет путей сообщения» в декабре 2012 г. организована научно-практическая конференция «Патриотизм и молодёжь», которая стала «первым опытом в консолидации усилий региональной общественности в решении обозначенной задачи» [12].

На базе ИрГУПС была организована работа конференции в четырёх секциях: 1) Патриотизм как объединяющая основа современного российского общества; 2) Патриотизм и духовность; 3) Русский язык и сохранение культурных традиций в системе патриотического воспитания молодёжи; 4) Военно-патриотическое воспитание: история и современность.

Кроме хозяев мероприятия, в конференции приняли участие представители Восточно-Сибирской государственной академии образования, Иркутского регионального колледжа педагогического образования, Иркутского государственного лингвистического университета, Иркутского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, Иркутского технолого-технического колледжа, Иркутского института международного туризма, общественных военно-спортивных организаций и большая аудитория студентов.

Красной нитью форума проходила мысль «реализации гуманитарного подхода к образованию». При этом особую актуальность приобретает факт обращения к нашей истории, традициям, духовному и культурному наследию России. К сожалению, вызывает опасение тенденция, сложившаяся в технических учебных заведениях, где гуманитарная составляющая учебного процесса уходит на второй план. О проблемах духовно-нравственного развития страны, роли органов местного самоуправления в формировании системы патриотического воспитания молодёжи, социальной ответственности в этом

государства и общества можно найти материалы в сборнике докладов научно-практической конференции «Патриотизм и молодёжь», изданное ИрГУПС, 1912 г.

Из вышеприведённых лишь некоторых примеров научно-практических конференций и выставок с участием железнодорожных учреждений Транссиба можно сделать вывод о большом научном значении и безусловной практической пользе данных мероприятий. Сотрудничество учёных и специалистов-практиков, желающих поделиться своим опытом на подобных форумах, всегда оказывается благотворным. Многие из участников таких мероприятий обогащают свой опыт за счет научных разработок, новых проектов и идей своих коллег. Как правило, доклады участников конференций публикуются в научных сборниках, представляющих большой интерес для учёных, специалистов и исследователей разных областей знания.

Научно-практические конференции способствуют, во-первых, координации взаимодействия деятелей науки и высококвалифицированных специалистов-практиков; во-вторых, установлению новых научных контактов для дальнейшего сотрудничества, обмена опытом и информацией; в третьих, – ускорению внедрения научных разработок в производство и адаптации новых идей и проектов в жизненных условиях, а в конечном итоге – эффективности взаимодействия науки и практики.

Молодёжные научно-практические конференции также немало-важны, поскольку позволяют выявлять и поддерживать творчески мыслящих, способных юношей и девушек, а главное, стимулировать их к дальнейшей исследовательской и экспериментальной работе. При этом очень важно изучать и знать исторический опыт, используя великое наследие замечательной русской школы наших учёных, инженеров, исследователей и открывателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амурский мост: Создателям инженерного чуда XX–XXI веков – моста через Амур у Хабаровска – посвящается. – Хабаровск, 2009. – С. 26–27.
2. Архив музея Восточно-Сибирской железной дороги: Берёзовский мост / авторы-сост. Т.Н. Гордиенко, А.В. Хобта. Серия «Искусственные сооружения на ВСЖД». – Иркутск : Издание ДЦНТИ ВСЖД, 2010. – 16 с.
3. Васильев Е. Достойно представили Восточно-Сибирскую... // Восточно-Сибирский путь. 2000, 29 декабря. № 85. – С. 2.

4. Вестник Первой Западно-Сибирской выставки. 1911, 16 июня (№ 2). – С. 2; С. 1.
5. Вестник Первой Западно-Сибирской выставки. 1911, 18 июня (№ 4). – С. 2.
6. *Вульфов А.Б.* Историческое наследие железных дорог России // Сборник докладов конференции «Пути сохранения и пропаганды исторического наследия ОАО «РЖД» 16-17 декабря 2008 г. / под общей ред. А.Б. Вульфова. – М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volzd.ru/conference1.html>
7. Выставка моделей подвижного состава «К 200-летию корпуса инженеров-путейцев: чугунка в моделях». – Иркутск : Издание ДЦНТИ ВСЖД, 2009. – С. 10–14.
8. Железнодорожное дело. – 1912, № 7–8. – С. 45.
9. *Малых Г.И.* Патриотическое воспитание студентов ИрГУПСа на примере жизни и деятельности выдающихся инженеров и учёных железнодорожного транспорта // Патриотизм и молодёжь: материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск : ИрГУПС, 2012. – С. 69.
10. Новые технологии на Восточно-Сибирской железной дороге : сб. научных трудов / под общей ред. Г.П. Комарова. – Новосибирск : СГУПС (НИИЖТ), 1999. – 198 с.
11. Очерк развития и деятельности Сибирской железной дороги с 1900 по 1910 гг. по данным, подготовленным для Омской выставки. – Томск, 1912.
12. Патриотизм и молодёжь: материалы региональной научно-практической конференции. – Иркутск : ИрГУПС, 2012. – С. 3–4.
13. Указание МПС РФ от 26.03.1999 г. №119-у «Об организации научно-практической конференции и региональной выставки «Транссиб-99» // Выставки. Конференции. Форумы. 1999–2009 гг. [Документация ДЦНТИ ВСЖД – филиала ОАО РЖД].
14. Сибирские очерки // Вост. Обозрение, 1904, 2 марта. № 52.
15. Участие Сибирской дороги в научно-промышленной выставке в г. Иркутске // Вестник Сибирской железной дороги. 1904. 19 февр. (№ 8). – С. 10; С. 11.
16. *Юрин А.В., Дорожкина О.А.* Башня Эйфеля в Париже. – М. : ГОУ УМЦЖДТ, 2008. – С. 7.
17. Электронный ресурс: stu.ru/Mezhdunarodnaya_deятельность/index.php...; omsk.academica.ru...18266-Omskijuniversitet-putej...; irgups.ru/gu...prakticheskaya-konferenciya...regionov...
18. Электронный ресурс: traditio-ru.org/wiki/Русское_техническое_общество;scbist.com...imperatorskoe-russkoe...obschestvo.html.

УДК 316.75:94(100)

А.Е. Кащаев

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрывается роль идеологического фактора при подготовке и развязывании Первой мировой войны. Являясь инициатором войны, Германия апробировала многие методы психологической обработки сознания как своего населения, так и населения враждебных ей стран. Эти методы и приемы впоследствии были использованы гитлеровской Германией для развязывания Второй мировой войны, а в настоящее время в более широком масштабе и в более изощренной форме – Соединенными Штатами Америки для своих экспансионистских целей.

The article explains the role of the ideological factor in the preparation and unleashing World War I. As the initiator of the war, Germany has tried many methods of psychological treatment of consciousness as its population, and the population hostile countries. These techniques were later used by Nazi Germany for unleash the Second world war, and now in a larger scale and in a more sophisticated form – the United States of America for their expansionist goals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, идеологическая борьба, geopolитика, психологическая война, фальсификация фактов, манипуляция сознанием, Бюро печати в России.

KEYWORDS: *ideology, ideological struggle, geopolitics, psychological warfare, falsification of facts, manipulation of consciousness, Russian press Bureau.*

Подготовка любой войны, как правило, начинается не только с милитаризации экономики страны, гонки вооружений, подготовки

Кащаев Александр Евграфович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения

военных кадров, обеспечения союзников и т. п., но и идеологической, психолого-информационной обработки массового сознания населения. При этом содержание этой идеологической интоксикации может отражать некоторые действительные социальные реалии, а может, как чаще всего и бывает, отражать эти реалии в совершенно искаженном виде. Не случайно ядром идеологической борьбы выступает психологическая война – целенаправленное и планомерное воздействие определенного вида информации на сознание и подсознание людей с целью добиться нужной для властных структур, государства поведенческой реакции людей. Осуществляется психологическая война через систему СМИ, устную пропаганду, распространение слухов и т. п. Однако главной мишенью психологической войны является подсознание, чувственный уровень психики. Любой человек реагирует на воздействующий на него внешний раздражитель в первую очередь эмоционально, затем уже подключается рациональное мышление. И если стереотипы повседневной и привычной жизни систематически «заряжать» негативной информацией, методично воздействовать на чувства человека, то реакция человека со временем меняется.

Эффективность психологической войны достигается, прежде всего, нагнетанием негативной информации, построенной на обработке жизненно важных для человека факторов: безопасности, особенно безопасности подрастающего поколения, защиты своего достоинства, возможности самореализации личности, устойчивости материального благосостояния. Действительно, большинство людей стремится к стабильному существованию, привычному образу жизни. И поэтому всякого рода угрозы – мнимые или все-таки реальные – войн, эпидемий, неминуемость безработицы, понижения материального уровня жизни, злобные происки внешних или внутренних врагов, глупость и безволие власти и прочее, безусловно, откладывают свой отпечаток на сознание и поведение людей, вызывая страх, чувство ненависти к врагам, которые могут нарушить привычный уклад жизни. Психологическое воздействие еще более усиливается, когда информация (ложь, фальсификация) подается в виде реальных фактов, событий, реально действующих лиц, т. е. внешне правдоподобных упаковках.

Здесь важно обратить внимание на следующий факт. Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались бурным ростом промышленности, городов, средств коммуникации, что привело к резкому повы-

шению роли масс в историческом процессе. Особое место принадлежит феномену толпы. Толпа стала постоянно действующим фактором формирующейся индустриальной цивилизации, психология которой впервые была раскрыта французскими учеными Г. Ле Боном и Г. Тардтом. Уже в то время было замечено, что влияние толпы постоянно возрастает в политической жизни общества.

Однако не сама толпа решает, что ей делать, какую стратегию поведения выбирать, – она на это не способна в принципе. Толпой можно манипулировать, заставлять ее делать то, что нужно вождю, лидеру. Еще Сократ утверждал, что толпа не философ, она не способна думать. Однако силу толпы, как правило, агрессивную и разрушительную по своей сути, при соответствующей манипуляции можно направить в нужное русло. Вот почему толпа (а толпой можно назвать не только скопления людей на улицах, в общественных местах, но и читательскую аудиторию прессы, аудиторию радио и телезрителей) привлекает к себе политиков, становится благодатной почвой для психологической обработки, поскольку немыслящая, но эмоционально впечатлительная толпа легко поддается воздействию. Как позднее выразился другой французский психолог Серж Московичи: «Человек-индивиду и человек-масса – это две разные вещи, как достояние в один франк и в миллион. Эту разницу я подытожил бы одной фразой: индивида убеждают, массе внушают» [1]. На воображение толпы «очень легко действовать, в особенности образами. Такие образы не всегда имеются в нашем распоряжении, но их можно вызывать посредством умелого применения слов и формул. Искусно обработанные формулы получают действительно ту магическую силу, которая им приписывалась некогда adeptами магии. Они могут возбудить в душе толпы самые грозные бури, но умеют также и успокаивать их... И далее комментируя утверждение Ленина о том, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой, Московичи пишет: «Идеи управляют массами, но масса с идеями неуправляема. Чтобы решить эту насущную задачу, произвести эту алхимию, необходима определенная категория людей. Они преобразуют взгляды, основанные на чьих-то рациональных соображениях, в действие всеобщей страсти. С их помощью идея становится материальной» [2].

По мнению Г. Ле Бона: «...не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и

представляются толпе» [3]. Он фактически набрасывает проект повышения эффективности пропаганды. Идеи, по Ле Бону, никогда не утверждаются оттого, что они точны, они утверждаются только тогда, когда с помощью двойного механизма повторения и заражения оккупировали области подсознания, где рождаются движущие силы нашего поведения. Убедить кого-либо – не значит доказать ему справедливость своих доводов, но заставить действовать в соответствии с этими доводами. Согласно Ле Бону, для усиления эффективности пропаганды идеи должны быть простыми и часто повторяемыми. Поскольку толпа глупа, она не поймет слишком заумные или сложные по форме мысли: «Каковы бы ни были идеи, внущенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму» [4].

Можно только добавить, что идеи, внушаемые толпе должны быть не столько простые, сколько примитивные.

Прием примитивизации в идеологической деятельности властных структур оказался достаточно выигрышным для воздействия на сознание населения Германии.

Идеологическая обработка немецкого населения в духе шовинизма и милитаристского духа увенчалась, если можно так выразиться, успехом. Германия наряду с Австро-Венгрией выступила главным зчинщиком кровавой бойни.

Первая мировая война имела серьезные и долгосрочные последствия во всех сферах общественной жизни. Она привела к расколу мира на два социально-экономического лагеря. Великая Октябрьская революция в России стала одним из «непредвиденных» результатов войны, оказавшей в свою очередь громадное влияние на мировые процессы XX столетия, в частности, придала импульс развертыванию национально-освободительного движения стран Азии, Африки и Латинской Америки от колониальной зависимости, формированию современных национальных организаций. Война длилась четыре года, но интенсивность и технологическая мощь уничтожения живой силы противника значительно превосходили эти показатели предыдущих войн. В этой войне погибло два миллиона русских солдат, два миллиона французов, два миллиона немцев, миллион англичан, сотни тысяч людей из самых разных стран и уголков земли – от Новой Зеландии до Ирландии, от Южной Африки до Финляндии [5].

А оставшиеся в живых участники войны составили так называемое «потерянное поколение», что нашло свое художественное отображение в романах Э.М. Ремарка, Дж. Дос Пассоса, Э. Хеменгуэя.

Однако истоки этих исторический событий и процессов следует искать в событиях, предшествующих Первой мировой войне. Именно этот период демонстрирует практику разжигания межнациональных распреяй, крайнего национализма в широких масштабах.

Одним из центральных средств идеологической борьбы выступает попытка разыграть этническую карту, столкнуть между собой народности и племена, нации и расы. Острота и болезненность этнических вопросов обусловливается тем, что любой индивид идентифицирует себя с какой-либо социальной, социально-профессиональной, религиозной группой. Но в кризисных личностных или общественных ситуациях чаще всего на первое место выступает проблема этнической идентификации. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, послужило условием особого ожесточения военных действий в этой войне, стало опасно повторяющимся прецедентом в последующих войнах: Второй мировой и множестве локальных, а также в практике «холодной войны», в подготовке мировой закулисы к Третьей мировой. События в современной Украине – тому яркое подтверждение.

Остановимся на некоторых фактах использования идеологических средств разжигания межнациональных конфликтов накануне Первой мировой войны со стороны наиболее агрессивно настроенных стран – Австро-Венгрии и Германии. Именно им принадлежит «заслуга» в разработке и реализации мощной антирусской пропаганды, формировании ненависти к России, к русским. Частью этой практики явилась попытка разыграть против России украинскую сепаратистскую партию. Сразу заметим, что в Австро-Венгрии и особенно в Германии осуществлялась подрывная и клеветническая идеология и против Франции – одной из целей захвата со стороны Германии.

Исторически отношения между Россией и Германией (точнее, германскими государствами) до 1871 года были достаточно близкими, нередко взаимовыгодными, толерантными. Несмотря на периоды охлаждений, военных столкновений, не раз Россия приходила на выручку немцам, как это было, например, в период Наполеоновских войн. Россия много взяла для себя из области наук, образования, технологий (университетскую систему образования, технологии горного

дела, химического производства и др.; например, множество терминов горного дела имеют немецкое происхождение: штрек, квершлаг, шурф и т. д.). Для многих немецких ученых Россия стала второй родиной.

Распространение немецкого великодержавного национализма и немецкого гегемонизма шло постепенно. Даже будучи раздробленной на три сотни самостоятельных государств, Германия, особенно её интеллектуальная верхушка, показывала примеры немецкого патриотизма, нередко перерастающего в националистическую спесь и презрение к представителям других народов. Следы этого можно найти у таких мыслителей, как Гегель, Фихте. Однако бурный взрыв национализма, шовинизма и гегемонизма в значительной мере был обусловлен фактом объединения Германии, заключительным аккордом которого послужила победоносная война с Францией 1871 года.

Идея консолидации нации обусловливались необходимостью противостоять «общему врагу» – Франции, в которой были сильны республиканские настроения, и России.

Мощным идеологическим шагом со стороны Германии стала процедура провозглашение Германской империи на территории Франции в Версальском дворце 18 января 1871 г. Помпезность церемонии должна была закрепить в общественном сознании глубину поражения Франции, препятствовавшей объединению Германии, особую значимость для всех немцев победы Пруссии и ее главенство во вновь созданной империи. Сам акт оглашения Вильгельмом I на этой церемонии прокламации «К германскому народу» о создании империи публицисты, историки, художники вскоре мифологизировали, выявляя в этом событии реализацию имперской идеи, особую германскую миссию Пруссии и династии Гогенцоллернов [6].

Россию и Германию, кроме всего прочего, связывали не только интересы в мировых делах, но и династические браки. В ряде случаев это помогало преодолевать разногласия, до тех пор пока Германия не объединилась и не стала предъявлять европейскому сообществу претензии на расширение жизненного пространства.

В результате объединения Германия стала быстро наращивать свою экономическую мощь, превращаться в одну из сильнейших ведущих мировых держав. В духовной сфере в 80–90-х годов начинает все более набирать силу пангерманский шовинизм как идеиное

выражение имперских устремлений германской буржуазии. Три основные идеи определяли деятельность пангерманистов: господствующее положение Германии в континентальной Европе, объединение всех говорящих по-немецки народов и национальных групп в рамках Германской империи и расширение германских колониальных владений. Эти положения позже были взяты на вооружение нацизмом без существенных поправок. К наиболее известным выразителям подобных взглядов относились К.Р. Ягетцов (1805–1875), Л. Оттокар (1823–1904).

Немалое влияние на формирование пангерманского шовинизма оказали теории, заимствованные из-за рубежа, в том числе расовые теории Ж.А. Гобино, де Ляпужа. Одним из активных распространителей этих идей стал принявший германское подданство натурализовавшийся англичанин – Хаустон Стюарт Чемберлен, женатый на дочери Рихарда Вагнера. Он воспринял идеи германской исключительности, существенно дополнив их идеями французских расологов.

Вскоре после появления его первых работ, посвященных разработке германского варианта расовой теории, в Германии стали появляться подобные труды под вывеской научных идей. Наибольшую известность среди них получили книги Людвига Вольфмана, и в частности, его «Политическая антропология» [7]. К работам такого рода примыкала чисто антисемитская литература как иностранного, так и «истинно германского» происхождения [8]. Весьма заметное место в ней занимали работы Евгения Дюринга, превратившегося к концу жизни в ярого немецкого антисемита [9]. В творчестве Е. Дюринга появился мотив соединения антисемитизма и «социализма», что впоследствии превратилось в составную часть идеологии и пропаганды национал-социализма. Сторонниками этой идеи становились не только ученые, политики, но и националистически настроенные рабочие, особенно в Судетской области Чехии, где национальные отношения были весьма напряженными, что вносило глубокий раскол в рабочее движение.

В начале XX столетия в Австрии возникла партия, которая приняла название национал-социалистской. Этой партией была выработана система взглядов, изложенная в программных заявлениях и в работах теоретика австрийского «национального социализма» Рудольфа Юнга. Эта идеологическая система включала наряду со спра-

ведливыми экономическими и социальными требованиями маxовые националистические и шовинистические идеи, реакционные предрассудки мелкой буржуазии.

Определенную роль в формировании пангерманского шовинизма сыграли взгляды Ф. Ницше, особенно свойственный ему антидемократизм, отрицательное отношение к парламентаризму, презрение к слабым, апологетика аристократии тела и духа. В дальнейшем эти взгляды, не всегда адекватно истолкованные его последователями и комментаторами Ницше, сыграли негативную роль в формировании нацистской идеологии и распространении фашистских взглядов. Так, О. Шпенглер превратил аристократические изыски Ницше в вполне земные, осязаемые, придав абстрактному и полуутопическому типу сверхчеловека вполне земные качества, которому предстоит решение исторической задачи взять на себя ответственность за судьбы цивилизации в условиях «заката Европы». При такой трактовке абстрактные призывы к насилию и отрицание гуманизма, характерные для Ницше, стали приобретать в начале XX века конкретный смысл и содержание. Шпенглер рекомендовал «во имя оздоровления общества» полностью свернуть социальное законодательство и социальную благотворительность, ликвидировать общественные заведения, облегчающие жизнь слабым, больным и неполноценным, которые тормозят естественный процесс освобождения общества от всего, что ему мешает. Борьба по Шпенглеру трактовалась как неограниченное применение насилия во имя реализации стремления к власти и господству. Конечно, в этих утверждениях мало что оставалось от самого Ницше.

В этот период в развитии и распространении великогерманского духа, национализма и шовинизма немалую роль сыграла книга бывшего генерала Фридриха фон Бернхарди (1849–1930) «Германия и грядущая война» (1912). Выступая с позиций социал-дарвинизма, он воспевал «борьбу за существование», доказывал «превосходство» германской нации и называл войну биологической необходимостью, «нравственным требованием». Бернхарди призывал правящие круги империи воспитывать в народе готовность «жесткими способами участвовать в превращении Германии в мировую державу», «утверждать германский дух» на просторах земного шара. Для выполнения этой задачи он требовал ликвидации основ буржуазной демократии, борьбы с социал-демократами и пацифизмом.

Увеличился поток антисемитских изданий, среди которых наибольшей известностью пользовались труды Пауля Антона де Лагарда (1827–1891), Теодора Фритча (1852–1934) и Х.С. Чемберлена. В 1912 г. Фритч организовал Имперский союз молота, поставивший цель защитить германскую расу от еврейства. Символом его стала свастика. О степени распространения антисемитизма свидетельствовал меморандум, подписанный 200 известными в империи людьми, включая императора Вильгельма II, требовавшего сурового наказания для лиц, повинных в смешении германской и еврейской крови.

Особое место в обосновании захватнических целей германского милитаризма, а затем и национал-социализма занимает известный германский геополитик Фридрих Ратцель. Консервативные позиции, зараженность крайним националистическим духом Ратцеля нашли отражение в его политических взглядах и направлении научных исследований. Среди многих, действительно ценных с научной точки зрения работ, выделяется его книга «Политическая география», в которой приводится система географического оправдания политики экспансии и захватов. На передний план у него выдвигается пространственное, территориальное начало. Пространство у Ратцеля – главная политическая сила государства. Государство же, в свою очередь, рассматривалось им как живой организм, укорененный в почву деятельностью людей, заинтересованных в защите от внешнего мира. Каждое государство и народ имеют свой «пространственный смысл» и свою «пространственную энергию», которые предопределяют их судьбу. Упадок государства, считал Ратцель, есть результат его слабеющей пространственной энергии.

Одной из центральных идей у него выступала теория «роста пространственных размеров государства», что, согласно Ратцелю, представляет собой неизбежное следствие процесса роста народов, увеличение численности населения. Это, по его утверждению, оказывает давление на границы государства, которые соответственно проявляют постоянную тенденцию к расширению. Творя на стыке двух веков, Ратцель свою методологию строил главным образом на популярных в XIX веке принципах эволюции и естественных наук вообще. Развивая идеи географического детерминизма в духе К. Риттера, английского социолога-позитивиста Г. Спенсера, Ратцель переносил в социальную область закономерности развития животного и расти-

тельного мира, например миграционную теорию М. Вагнера, теорию происхождения видов Ч. Дарвина.

Исходя из этого, Ратцель толкует государство как разновидность живого организма. Вырастая, оно нуждается в расширении жизненного пространства. Методологией политической географии Ратцеля, таким образом, выступает социал-дарвинизм («выживает сильнейший»). Стимулирующими факторами территориального расширения государства служат географические открытия, развитие экономики, совершенствование средств транспорта и связи, которые создают возможность эффективного управления все большими территориями. Приспособливая свою теорию к конкретным интересам германской буржуазии, Ратцель выдвинул положение о соответствии размеров государств уровню культуры народа, согласно которому народы, стоящие на низкой ступени культуры, образуют, как правило, малые государства, в то время как для высококультурных народов характерно стремление к образованию больших государственных организмов. Отсюда следовал вывод, что поглощение малых государств крупными – неизбежное следствие и показатель роста культуры.

Впоследствии идеи Ф. Ратцеля были развиты шведским профессором Р. Челленом и немецким ученым К. Хаусхофером, которые заложили основы геополитики [10]. Господствующей идеей теоретических построений этих ученых была точка зрения о ведущей роли географического пространства в политике государства, о государственной мощи как средстве наращивания пространства и закрепления контроля над ним. Но нужно отметить, что К. Хаусхофер поддерживал мысли Бисмарка о недопустимости войны с Россией и предсказывал, что германская армия потерпит поражение, если попытается проглотить обширные земли России. Эти свои взгляды он достаточно категорически отстаивал и в 1940 г., выступая противником войны Германии против СССР, за что был заключен в концентрационный лагерь Дахау, а его сын Альбрехт казнен.

Гегемонистские устремления в Германии резко вызревают с момента объединения страны и последовавшей за этим победоносной войны против Франции 1870–1871 гг. Война еще не закончилась, а немецкие газеты подняли шум по поводу потерянных когда-то немецких земель, возвращение которых должно стать первоочередной задачей германского правительства. В Европе германскими землями

объявлялись: Эльзас, Лотарингия, Люксембург, Остзейские провинции, т. е. Прибалтика. Русские, находившиеся в это время в Германии, с тревогой отмечали, что стремительное возрастание берлинских аппетитов не имеет границ, они могут добраться и до России [11].

В 1887 г. Бернхард фон Бюлов, первый секретарь посольства в Петербурге, а в дальнейшем рейхсканцлер, писал в министерство иностранных дел: «Мы должны пустить кровь русскому... чтобы тот 25 лет был не в состоянии стоять на ногах. Нам следовало бы надолго перекрыть экономические ресурсы России путем опустошения ее черноморских губерний, бомбардировки ее приморских городов, возможно большим разрушением ее промышленности и торговли. Наконец, мы должны были бы оттеснить от тех двух морей, Балтийского и Черного, на которых основывается ее положение в мире. Однако я могу себе представить Россию действительно и надолго ослабленной только после отторжения тех частей ее территории, которые расположены западнее линии Онежская губа – Валдайская возвышенность и Днепр» [12]. Приведенное письмо – не частное высказывание высокопоставленного чиновника, а одна из составляющих постепенно формирующейся государственной военно-стратегической программы Германии.

Мозговым и организационным центром немецкого шовинизма стал Пангерманский союз, возникший в 1891 г. В планах союза, которые доводились до сведения Императора, постоянно проводилась мысль о включении в состав германии немецких земель Австрии, т. е. собственно Австрии. Та же судьба должна ожидать «немецкую» Швейцарию, часть Бельгии, Голландию, у которой заодно следует прихватить колонии, Люксембург. В состав рейха должны войти Остзейские провинции России (Прибалтика) [13].

Одновременно из года в год шла интенсивная обработка сознания немецкого бюргера, чтобы убедить его, что злые соседи, Франция и Россия, спят и видят, как бы задушить фатерлянд и лишить немецкий народ его государства. Это способствовало усилению шовинистического угара. Особенно нагнеталась антирусская истерия накануне войны. Генерал А.А. Брусилов, отдыхавший в июне 1914 г. на курорте в Киссингене, описал сцену антирусской истерии, свидетелем которой он был и которая поразительно напоминает сцены современного Киевского майдана: на площади воздвигли макет московского Кремля.

Собralась толпа, гремели оркестры. Под их звуки «кремль» подожгли с нескольких сторон: «Дым и чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты наклонялись и валились наземь... Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела. Поверженный «кремль» обратился в пепел, над площадью плыли звуки гимна «Германия, Германия превыше всего» [14].

Историк А.И. Уткин приводит цитату из книги генерала П. Людендорфа, в которой приведены слова неприкрытой ненависти императора Вильгельма к России: «Глава 2 Великого переселения народов закончена, – писал на одной из официальных бумаг Вильгельм. – Наступает Глава 3, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция... не сможет ослабить значение этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы» [15]. В другой обстановке император откровенно говорил: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их» [16].

Начало войны для Германии началось с реализации идеи «Дранг нах Остен», экспансионистской по содержанию. В связи с этим представляется любопытным план послевоенного Европейского устройства, представленный канцлером Теобальдом фон Бетман-Гольвегом в самом начале войны. План предусматривал отторжение от Франции и Бельгии стратегически важных и богатых минеральными ресурсами территорий и вхождение Люксембурга в Германскую империю. Цель – максимально ослабить Францию до такой степени, чтобы она не могла вновь стать великой державой. О России в программе говорилось кратко, но выразительно: «Возможное удаление России от немецкой границы и ликвидация ее господства над нерусскими народами». Иначе говоря, предполагалось установить гегемонию рейха в Европе. Но этого оказалось недостаточным для пангерманцев, которые внесли поправки в план канцлера. В частности, они заявили, что Россию «надлежит отбросить в основном к границам, существовавшим до Петра Великого» (при Алексее Михайловиче). Профессор Кенигсбергского университета Ф. Лациус писал о Новгороде и Могилеве как «немецких городах» и помещал Петроград в глубину «восточного пространства» рейха [17]. Одновременно составлялись планы колонизации и германизации Восточной Германии.

Канцлер Бетман-Гольвег правильно считал, что войны выигрываются не только на полях сражений, но и в тылу. Начинать войну нельзя было без одобрения влиятельной оппозиционной социал-демократической партии, которую поддерживало большинство рабочих. Долгими и упорными усилиями канцлера удалось создать коалицию различных социальных сил («диагональ Бетман-Гольвега») во имя защиты «высших интересов нации». Эта коалиция, конечно, не преодолевала классовые противоречия. Но для достижения ближайшей непосредственной цели – добиться согласия в рейхстаге, превратить социал-демократию в государственную партию, пристроить ее в общий шовинистический ряд – он достиг определенных результатов [18].

Чтобы придать благопристойный вид предстоящему нападению на республиканскую Францию и не посеять тем самым сомнения в умах населения, был использован так называемый «антициаристский эффект». Дело в том, что перед лицом нарастающей угрозой со стороны Германии, русский царь Александр Третий заключил договор с Францией и установил тем самым важное равновесие между Европейскими государствами [19]. Этот факт германские власти и пытались обыграть и использовать в качестве «наказания» Франции, которая якобы предала европейские, республиканские идеалы, заключив договор с азиатским despотическим режимом. Для этой психологической диверсии использовались высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, которые люто ненавидели царскую Россию (как и вообще они не считали Россию, русских быть достойными субъектами истории). Энгельс требовал от немецких социалистов «не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним. А это они могут выполнить лишь в непримиримой борьбе с Россией и ее союзниками», кем бы они ни были. «Если Россия начнет войну – вперед на русских и их союзников». Окажись в их числе Франция – тем хуже для нее: «Немецкие социалисты стали бы сражаться против нее с чувством сожаления, но все-таки сражались бы» [20]. Высказывания Ф. Энгельса относились к 90-м годам XIX столетия и были еще у многих на памяти и поэтому вполне могли использоваться в антирусской пропаганде.

Лидеры социал-демократии известили канцлера, что они воздержатся от любых форм протеста. Голосование военных кредитов в рейхстаге 4 августа действительно вылилось в триумф властей: 397 депутатов – и ни одного голоса против. В свое оправдание социал-де-

мократы утверждали, что разгром России лишь способствует освобождению от капиталистического угнетения рабочего ее класса.

Экспансионистские и идеологические устремления Германии осуществлялись в форме создания сепаратистских течений на территории России. Интересные факты приводит В. Широнов. Оказывается, посол гитлеровской Германии в СССР Шулленберг еще с 1911 года в качестве вице-консула в Тифлисе активно занимался разведывательной и подрывной деятельностью в Закавказье, которое Германия включала в круг своих интересов. Хорошо изучив Закавказье и завязав обширные связи в великосветских грузино-армянских кругах, он приступил к разведывательной работе. Шулленберг вначале организовал резидентуры из числа немцев, обосновавшихся в Закавказье в немецких колониях. На их базе затем были созданы группы «Германского флотского союза» и «Всенемецкого союза». Основными каналами, по которым шла его деятельность, стали также филиал фирмы «Зингер» и отделение «Дойче банка». После этого усилия резидентур были сосредоточены на работе в среде грузинских националистов с целью провозглашения независимости Грузии под протекторатом Германии. Через некоторое время, уже в период войны, Шулленберг принял деятельное участие в формировании грузинского национального легиона, который воевал на стороне Германии на русско-турецком фронте. В 1916 году немецкими резидентами был образован «Комитет по освобождению Грузии», в который вошли представители грузинского дворянства и ряд офицеров. Некоторые грузинские националисты вели активные переговоры с германскими правительственными кругами о провозглашении грузинской независимости.

К этому периоду относится и организация Шулленбергом новой резидентуры под легальным названием «Немецко-грузинского ферейна» во главе с неким немецким военным врачом Мерцвелером. Известна также попытка организации «Немецко-армянского ферейна».

В конце 1918 года Шулленберг вновь появился в Закавказье в качестве главы дипломатической миссии при командующем германскими оккупационными войсками генерале фон Крессе. Работа резидентур резко оживилась. Через них Шулленберг провел ряд политических комбинаций по заключению договоров между гоцами и мусаватистами с целью объединения Закавказья и Северного Кавказа

в единую государственную систему, – опять же под протекторатом Германии.

Однако планы Шулленберга установить германский протекторат в Закавказье не сбылись. Исторический ход событий после Великой Октябрьской революции направил историю этого региона по другому руслу: Закавказье и Северный Кавказ, вопреки германским интересам, становятся частью СССР [21].

Если бы эти планы немцев были осуществлены, то Россия оказалась бы отброшенной от морей, отрезанной от мировых рынков, обреченной на прозябание на обширной, но замкнутой территории, окружённой недружественными государственными образованиями. К сожалению, этот рецепт по отношению к СССР был успешно осуществлен в 90-е годы нашими геополитическими противниками.

Германское правительство, хотя и стремилось влиять на общественное сознание (мнение) как своего населения, так и населения соседних стран, но как ни странно, до определенного времени не признавало средства массовой информации и пропаганды в качестве составной части военных действий. Они рассматривались преимущественно в качестве политического орудия. Наиболее важные политические направления на зарубежные страны курировались «специальным отделом печати», входящим в систему Министерства иностранных дел. Но сфера этой структуры была довольно узка. Отдел контролировал содержание массовой печати, которая распространялась на средства германского правительства. К идеологической деятельности можно, пожалуй, отнести подкуп журналистов, газет, телеграфных агентств, политических и общественных деятелей; финансировали издание прогерманских книг, публикаций. В целом до войны Германия уступала Британской империи в качестве профессиональной подготовки немецких журналистов, торговых и дипломатических представителей, и численность их была значительно меньше, чем, скажем, в Великобритании. К тому же собственная пресса в Германии традиционно подвергалась жесткой регламентации и цензуре. Это вело к неповоротливости и бюрократизации СМИ.

Однако с началом Первой мировой войны в Германии положение стало меняться. Появляются частные «бюро пропаганды». Эти бюро в больших количествах рассылали германские газеты в нейтральные или дружественные Германии страны. Уже в октябре 1914

года в Германии занималось заграничной пропагандой не менее 27 самостоятельных бюро и ведомств [22].

С первых дней войны за ряд направлений военно-пропагандистской работы в Германской империи отвечал отдел III-b Генерального штаба (руководил Вальтер Николай), занимающийся разведывательной и контрразведывательной деятельностью. Исследователь В. Федько в предисловии к киевскому изданию мемуаров В. Николай отмечает: «В составе отдела находилось собственное Военное ведомство печати. Его возглавлял сначала майор Дойтельмозер, а после того, как он был назначен руководителем отдела печати МИД, – майор Штоттен. Ведомство делилось на три департамента: по делам отечественной печати (руководитель Дойтельмозер), по делам иностранной печати (руководитель Герварт) и департамент цензуры (руководитель фон Ольберг). Таким образом, контроль за прессой в военное время, разведывательная обработка материалов иностранной печати, цензура газетной информации и пропаганда за границей были сконцентрированы в Военном ведомстве печати отдела III-b» [23].

В ходе войны, по британскому образцу, было открыто первое единое Германское Центральное бюро для пропаганды за границей при Министерстве иностранных дел. Одним из направлений этой деятельности Центрального бюро было осуществление пропаганды среди католиков нейтральных стран. В мае 1915 г. с его поддержкой был организован «деловой комитет немецких католиков». В комитет вошло много видных германских профессоров и несколько авторитетных ксендзов и лютеранских пасторов. Эти лица занялись распространением «германской правды» посредством агентских телеграмм, передовых статей, интервью, корреспонденции и писем, помещавшихся в подкупленных газетах; при помощи брошюр, книг, иллюстрированных журналов, докладов, лекций, проповедей, кинематографа, театров, материалы для которых готовили в бюро пропаганды.

Параллельно с действующим бюро в октябре 1915 г. в Германии было сформировано Управление печати военного времени, задачей которого являлось информационно-психологическое воздействие на солдат и офицеров Антанты. При штабах фронтов и армий создавались отделения управления печати. Отделения поставляли информацию для фронтовых, германских и местных газет в оккупированных областях. Управление печати военного времени издавало газеты на

оккупированных землях, лагерях военнопленных, а также специальные газеты для распространения среди вражеских войск. Всестороннее усиление немецкой пропагандистской работы поставило вопрос о координации действий между Центральным бюро внешней пропаганды, частными бюро пропаганды и Управлением печати военного времени. Генерал Людендорф предлагал создать единое бюро пропаганды – по британскому образцу, подчинив единому руководству и внутреннюю, и внешнюю пропаганду.

При Министерстве иностранных дел был создан отдел военной пропаганды, который планировал создать отделы экономической и политической пропаганды. Для распространения визуальной информации при отделе военной пропаганды было создано графическое отделение и управление плакатов и кинофильмов. В будущем это управление реорганизовалось во «Всеобщее Акционерное Общество кинофильм».

На протяжении практически всей войны немецкая пропагандистская деятельность оставалась весьма разрозненной. Пропагандой на фронте руководил штаб верховного главнокомандующего. Существовали значительные бюрократические препоны. Так, например, чтобы издать листовку или плакат для солдат противника, необходимо было получить разрешение штаба главнокомандования, у которого хватало и других забот. В августе 1918 г. было создано Имперское учреждение пропаганды, сосредоточившее в себе всю пропагандистскую работу, как и в 1916 г. предлагал генерал Людендорф, указывая на британский пример. В это же время снят запрет на массовое издание листовок на войска Антанты. Однако добиться сколько-нибудь ощутимых результатов на данном поприще до конца войны так и не удалось.

В противовес Германии из стран Антанты наиболее подготовленной в идеологическом и информационном плане оказалась Великобритания.

К началу военных действий Британская империя имела наибольшее число профессиональных журналистов, большое количество «коммерческих агентов» по всему миру, множество современных типографий и отличную прессу. Дипломатическая, консульская, почтовая и телеграфная службы практически по всему миру способствовали налаживанию грамотной и скоординированной пропагандистской деятельности.

В августе 1914 г. при министерстве иностранных дел Великобритании по поручению Д. Ллойд Джорджа было основано бюро военной пропаганды (War Propaganda Bureau – WPB) во главе с либеральным депутатом, профессиональным журналистом и успешным писателем Чарльзом Мастерманом, который не только пытался скординировать имеющиеся ресурсы, но и привлечь к работе Бюро двух талантливых британских писателей – Артура Конан Дойла и Джона Бьюкена. Бюро издавало ежемесячный журнал, в котором раскрывались различные стороны войны, выпуск объемных патриотических работ, прославляющих успехи английских войск, в их числе: «Война Англии на суше» (1915), «История войны» (1916) и «Битва на Сомме» (1916) [24].

Кроме этих писателей, в работе Бюро несколько позднее участвовали практически все ведущие британские авторы. В их числе Арнольд Беннет, Джон Мейсфилд, Форд Мэдокс Форд, Уильям Арчер, Г. К. Честертон, Генри Ньюболт, Джон Голсуорси, Томас Харди, Редьярд Киплинг, Гилберт Паркер, М. Тревельян и Герберт Уэллс и др. Несколько участников этого совещания приняли предложение Ч. Мастермана работать над статьями, брошюрами и книгами, которые должны были способствовать распространению в общественном сознании мнения британского правительства относительно целей войны, оценок военной ситуации, трактовки проблем и видения задач, нуждающихся в решении. Бюро занималось публикацией этих произведений и выплатой гонораров авторам. В общей сложности усилениями WPB за время войны было напечатано более 1160 брошюр. Среди них самыми заметными стали пропагандистские произведения А. Конан Дойла («К оружию!»), Г. К. Честертона («Варварство в Берлине»), Р. Киплинга («Новая армия»), И. Беллока («Две карты Европы»), А. Беннетта («Свобода, заявление британского корпуса и военные сюжеты на Западном фронте»), Г. Паркера («Является Англия апатичной?»), Д. Мейсфилда («Галлиполи и старая линия фронта»), Дж. Бьюкена («Ютландское сражение и битва на Сомме»), Дж. Голсуорси («Пучок и другой пучок»), М. Х. Уорда («Усилия Англии в достижении цели») и Ф. М. Форда («Когда кровь их аргумент»).

Значительное внимание Бюро уделяло вопросам визуальной пропаганды. При этом на фронте под угрозой расстрела было запрещено делать фотографии, за исключением лиц, аккредитованных

Бюро. Для пропагандистских целей кроме официальной фотографии Бюро уделило огромное внимание возможностям изобразительного искусства. Оно активно привлекало к этой работе многих художников для создания больших патриотических работ с изображениями фронта и тыла. К этой работе привлекались даже жители других стран, главным образом граждане США.

В феврале 1917 г. с целью упорядочивания пропагандистской работы Бюро было реорганизовано в Департамент информации (управление военной информации), который возглавил Дж. Бьюкен. К началу 1918 г. британское правительство решило поставить институт военной пропаганды под свой непосредственный контроль, организовав на его базе министерство информации. Возглавил новую структуру лорд Бивербрук, владелец «Daily Express», войдя 4 марта в этом качестве в состав правительства. Мастерман стал директором публикаций, писатель Дж. Бьюкен – директором разведки. Газетный магнат лорд Нортклиф, владелец авторитетных массовых периодических изданий «The Times» и «Daily Mail», стал управлять всей внешней пропагандой Великобритании – институтом пропаганды для воздействия на граждан Германии, Австро-Венгрии, Болгарии; Р. Дональд стал контролировать пропаганду в нейтральных странах.

Столь серьезной организации пропагандистской деятельности не было ни в одной их воюющих сторон.

Пропагандистская и информационная деятельность России в Первой мировой войне освещена достаточно широко [25]. Поэтому в контексте излагаемого материала мы отметим наиболее значимые, на наш взгляд, моменты.

Какова позиция России и русского правительства в складывающейся ситуации?

Россия до объявления войны не вела какой-либо активной антигерманской пропаганды. Тем более, что Россия не готовилась к войне. Кроме того, русское правительство, в отличии от германского, не имело каких-либо четких geopolитических претензий.

Но уже с началом войны антигерманская пропаганда стала быстро набирать обороты. Огромный патриотический порыв русского народа во всех его сословиях в первый год войны демонстрировал собой мощную преграду против этих измышлений и провокаций. Народ понимал, что он борется против захватчиков, справедливо от-

стаивает свою независимость. Однако позиции России были ослаблены не на полях военных сражений, не в пресловутой бездарности военачальников и царя (хотя все это, безусловно, присутствовало), а в идеологической подрывной борьбе со стороны российской социал-демократии.

В России основным и наиболее эффективным идеологическим и пропагандистским инструментом в те годы выступала пресса.

В 1914–1918 гг. в русской армии издавалось около 100 военных газет и журналов, на страницах которых публиковались приказы Верховного Главнокомандующего (ВКГ), командующих фронтов и армий, передовой боевой опыт, статьи о новинках вооружения и военной техники, практические рекомендации к действиям в той или иной обстановке, фрагменты из художественных произведений и т. д. [26].

Задачами военной печати было: 1) разъяснение целей и задач войны, ее справедливого характера и необходимости доведения до победного конца. В этом направлении работали все военные периодические издания, а также центральные печатные органы, публикации из которых перепечатывались во фронтовых и армейских газетах; 2) укрепление морального духа русских воинов, воспитание ненависти к врагу через показ его зверских деяний по отношению к военнопленным и мирному населению захваченных территорий, а также дискредитация военно-политического руководства противника; 3) показ прочности морального духа воинов русской армии; 4) демонстрация на страницах печати успехов союзных войск, эффективности их вооружения и военной техники, передача передового опыта, что должно было поднимать боевое настроение русских солдат.

Война 1914 года, особенно первые неудачи на фронте, внесла существенные корректизы в судьбы русской печати. Легальные большевистские издания были закрыты. Остальные же издания заняли патриотическую позицию, призывали к единению народа перед врагом, призывали вести войну до победного конца. Видные литераторы и публицисты выступали как защитники европейской культуры от немецких варваров. Газеты всех направлений печатали воззвания, обращения, призывы политических и общественных деятелей по поводу национальной обороны и участия в ней всего народа.

На смену закрытым социал-демократических изданиям пришла заграничная газета «Социал-демократ» – руководящий орган рево-

люционных марксистов. Эта газета с первых дней войны заняла активную антивоенную позицию. Большевики считали мировую войну величайшим бедствием для трудящихся, о чем они прямо заявили в Государственной Думе. Через Думу, а особенно через печать большевики выдвигают лозунг поражения своего правительства в войне. С развитием военных действий, после ряда неудач Русской армии идея пораженчества стала широко проникать в солдатские массы. Кроме газет, широко распространяются всякого рода листовки, усиливается устная пропаганда. Несколько позже В.И. Ленин выдвигает и развивает мысль о необходимости превращения войны империалистической в войну гражданскую. С особой силой это проявилось в межреволюционный период (март – ноябрь 1917 г.), когда главным фактором противостояния для официальной военной прессы стала социал-демократическая печать. К осени 1917 г. насчитывалось 15 военных газет, в которых большевики призывали к выходу России из войны, свержению Временного правительства, отказу от наступления, к неповиновению солдат своим командирам, дезертирству, братанию с противником и т. д.

Почему единственная социал-демократическая партия выступила не просто против войны, пусть и несправедливой, но и с призывом поражения своей страны? Нужно вспомнить, что еще в сентябре 1915 года представители социал-демократии ряда европейских стран на проходившей в Циммервальде (Швейцария) социалистической конференции поддержали идею русских большевиков о необходимости поражения собственного правительства в несправедливой империалистической войне. Пораженчество помогло бы скорейшей победе социалистической революции в России, а затем в Европе и во всем мире. Более того, для воплощения этой идеи большевики предлагали заключить с Германией сепаратный мир. Эти взгляды, получившие название «пораженческих», разделяли не только сторонники В.И. Ленина, но и более умеренные представители освободительного движения.

«Пораженчеству» был противопоставлен лозунг «Война до победного конца!». Вокруг этих лозунгов и разгорелась идейная борьба, которая в итоге серьезно ослабляла позиции России и русского правительства.

Эсеры, меньшевики занимали националистическую позицию и тем самым по существу объединились со своими противниками: пред-

ставителями буржуазных партий, буржуазной печатью. Их объединяла, прежде всего, идея всеобщего объединения народа перед лицом врага ради обороны страны, войны до победного конца. Значительная часть интеллигенции, многие писатели (А. Куприн, И. Бунин, Б. Брюсов, Н. Гумилев, А.Н. Толстой и др.) заняли патриотическую оборонческую позицию, позицию защитников русской и европейской культуры от немецких варваров. Так, один из лидеров мировой социал-демократии, глава русских меньшевиков Г.В. Плеханов в журнале «Современный мир» утверждал, что поражение России в войне негативно скажется на перспективах всего освободительного социалистического движения, на судьбах социал-демократии. В сентябре 1915 г. вся русская легальная печать («Утро России», «Речь», «Новое время», «Русские ведомости») опубликовала за подписями Плеханова, Дейча, Аксельрода и др. материал, в котором путь национальной обороны, путь, ведущий к победе в войне, был признан путем к народной свободе.

Однако определенная слабость российской печати и пропагандистской машины в целом обусловливалаась на первых порах общей неорганизованностью, растерянностью. Война лишила печать морального авторитета. В этом видится вина правительства. Так, в течение длительного времени корреспонденты газет не допускались на фронт, поэтому газетная и журнальная информация была бедна, тенденциозна. Это была крупная пропагандистская ошибка правительства и правящих кругов в целом.

Только было учреждено Бюро печати для снабжения газет информацией о ходе военных действий. Очень долго обсуждался вопрос о представительстве в Бюро. Левая печать исключалась. Отказано было и провинциальным изданиям. Практически наладить полноценную работу Бюро не удалось.

Поскольку не удалось создать централизованную организацию по сбору информации о военных действиях, в печати, телеграфных агентствах нередко распространялись слухи, вымыслы, что негативно отражалось на настроении населения.

В годы Первой мировой войны усилившийся интерес к сообщениям с фронта привел к росту провинциальной печати, появления новых газет и журналов.

Лишь в 1915 году было разрешено наиболее влиятельным органам прессы посылать своих корреспондентов в Ставку. Но, даже имея

на руках информацию с фронтов, напечатать что-либо было трудно. Цензура, переданная в Департамент полиции, строжайше запрещала даже пометки на корреспонденциях «Из действующей армии». Нередко газеты выходили в свет с белыми пятнами. Цензура категорически запрещала принимать участие в печати нижним чинам на фронте. Вместе с тем правительство, военное руководство принимало меры для распространения в армии монархических изданий.

Усилиями министра внутренних дел Протопопова была создана газета «Русская воля», задачей которой было усиливать в обществе патриотические настроения, решительно бороться против идей пораженчества.

Газета вызвала большой общественный резонанс. В частности потому, что в «Русской воле» стал сотрудничать известный русский писатель демократического лагеря Л.Н. Андреев. В своем творчестве он выражал демократические взгляды, сочувствовал революционерам. Но во время войны занимал «оборонческие» позиции, поддерживая лозунг «Война до победного конца!». Он был уверен, что народ, потерпевший поражение в войне, становится малоспособным к созидательной работе, утрачивает перспективы дальнейшего всестороннего развития.

Личность и творчество Андреева этого периода было предано осуждению со стороны социал-демократов, некоторыми коллегами по писательскому цеху.

Для усиления патриотических настроений были созданы новые еженедельники монархического направления «Илья Муромец», «Альбом героев войны». Находили отражение на страницах печати и социальные проблемы военного времени: нехватка товаров и продовольствия в городах, увеличение продолжительности рабочего дня, потери родных, появление раненых и инвалидов, организация работы госпиталей, работа сестер милосердия и сбор пожертвований на нужды армии.

В годы войны хорошо себя зарекомендовал журнал «Огонек», которому в 2013 году исполнилось 90 лет. Это было первое в России издание, в котором фоторепортажи занимали больше половины объема печатного материала. Даже политические новости публиковались в виде фото с краткими подписями. Так в журналистике появилась новая профессия – фоторепортер. В годы Первой мировой войны на

страницах «Огонька» читатели впервые увидели человека в противогазе, бронированное чудовище – танк, самолет-разведчик, окопы передовой и многое другое из военных будней. Именно фоторепортеры Первой мировой оставили потомкам фотодокументы о «забытой» войне.

На годы Первой мировой войны пришелся и расцвет военной сатиры. Этот жанр был доступен любому читателю, в том числе и не особенно грамотному крестьянину, рабочему, мелкому служащему, приказчику и т. д. Карикатура на врага показала свою силу: она развенчивала мифы о враге, его мощи и непобедимости. Среди сатирических журналов пальму первенства по популярности занимал журнал «Бич» и соперничающий с ним журнал «Сатирикон». В Москве издавался сатирический журнал «Будильник».

На страницах этих журналов помещали свои рисунки выдающиеся художники Виктор Денисов (псевдоним Виктора Дени) и Дмитрий Орлов (псевдоним Дмитрия Моора). Впоследствии оба стали признанными мастерами советской графики и политического плаката. К примеру, автором «Антанты» стал Виктор Дени, а «Ты записался добровольцем?» – Дмитрий Моор.

Объектами сатирического рисунка становились злейшие врачи – австриец, немец, турок. Например, австриец представлялся измученным подагрой морщинистым стариком. Это была сатира на дряхлеющую коварную Австро-Венгрию и её императора Франца Иосифа I, развязавшего Первую мировую войну [27].

Таким образом, Первая мировая война показала важность и необходимость пропагандистской деятельности и идеологической борьбы за умы и своих граждан, и своих союзников, что имеет непосредственно значение для нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Московичи С. Век толп.* – М., 1998. – С. 62.
2. Там же. С. 163.
3. *Ле Бон Г. Психология народов и масс.* В 2 кн. – Кн. 2, отд. 1, гл. 3.
4. Там же. 1995, кн. 2, отд. 1, гл. 3.
5. См. Уткин А.И. *Первая мировая война.* – М. : Алгоритм, 2001.
6. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И.И. Ростунова. В. 2 тт. – М., 1975.
7. Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война / Мальков В.Л.,

- Шкундин Г.Д. – М., 2002. – С. 114.
8. Цит. по: *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. – М., 2003. – С. 229.
9. Там же. С 187.
10. Геополитика в современном понимании этого слова – это наука о закономерностях развития власти человека над пространством, объясняющая глобальные процессы и опирающаяся на комплекс гуманитарных, военных и политических факторов; это – понятие, характеризующее теорию и практику международных отношений, основанных на взаимоувязывании географических, геостратегических, социально-политических, военных, демографических, экономических и других факторов; геополитика, исходя из постулатов политической географии, образует своеобразную парадигму политического проектирования, моделирование и выработку политических решений, сопряженных с использованием географического фактора, а нередко прямо включается в процесс принятия таких решений. Имеются и другие трактовки понятия геополитики.
11. Цит. *Шнеерсон Л.М.* В преддверии франко-пруссской войны. – Минск, 1969. – С. 165.
12. Цит. Первая мировая война. Пролог XX века. – М., 1998. – С. 51.
13. Там же.
14. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1963. – С. 58.
15. Цит. Уткин А.И. Указ. соч. – С. 36.
16. Там же.
17. *Теодорович И.М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг.: Первая мировая война. – М., 1968. – С. 116–118; *Дегоев В.* От затмения разума к торжеству безумия // Свободная мысль-XXI. – 2001. № 10. – С. 77–96.
18. *Садовая Г.М.* «Диагональ» Бетман-Гольвега // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. – М., 1994. – С. 148.
19. *Боханов А.Н.* Император Александр III. – М., 1998. – С. 291.
20. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., Т. 22. С. 258; Т. 38. С. 162.
21. *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплёнка перестройки. – М., 1996. – С. 6–7.
22. *Звонарев К.К.* Германская агитация и пропаганда в первой мировой войне. Электронный ресурс. Режим доступа <http://psyfactor.org/lib/propaganda15.htm>.
23. *Федько В.* Предисловие // *Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время /* сборник. – Киев, 2005. – С. 4–5; Германская пропаганда. Электронный ресурс. Режим доступа <http://wwi.hut2.ru/board/germprop.htm37>.
24. Информационная война во время Первой мировой. Электронный ресурс. Режим доступа <http://globalist.org.ua/?p=153>; Ч. Мастерман. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/PHmasterman.htm> 67.
25. *Гужва Д.Г.* Российская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. / автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2008; *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века : учеб. пособ. – М., 2002. *Семенова Е.Ю.* Периодическая печать и цензура в годы первой мировой

- войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний). – Самара, 2008 и др.
26. См. Гужва Д.Г. Указ. соч. – С. 7–8; История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И.И. Ростунова. В 2 тт. – М., 1975. – С. 140–145. Панарин И. Информационное противоборство в Первую мировую войну. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.panarin.com/comment/1076>.
27. См. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории 1997. № 3. – С. 140–145; Филиппова Т. Аспиды и готтен-тоты: немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002, № 10. – С. 31–37; Ян Петер «Русского – пулей, француза в пузо!» // Родина, 2002, № 10. – С. 38–30.

УДК 94(57)(092)

О.Б. Гордеева

СТАРООБРЯДЦЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ – ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

В статье освещаются некоторые страницы истории участия старообрядцев Забайкалья в Первой мировой войне.

The article highlights some of the pages of the history of the Old Believers Transbaikalia participation in the First World War.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *старообрядцы, георгиевский кавалер, германский фронт.*

KEYWORDS: *Old Believers, George Knight, the German front.*

Орден Святого Великомученика Победоносца Георгия был учрежден в Российской империи более 245 лет назад. Этот орден, в отличие от многих российских наград того времени, присваивался только за подвиги, совершенные на поле военных действий.

В Российской империи к 1769 г. (году учреждения ордена Святого Георгия Победоносца) существовало несколько ранее учрежденных высших наград Отечества [4, с. 148].

Так, первым орденом Отечества считался орден Святого Андрея Первозванного, который был учрежден Петром I в 1698 г. и имел девиз «За веру и верность».

Вторым по достоинству был орден Святой Великомученицы Екатерины, который имел второе название – «Освобождение», девиз «За любовь и Отечество» и был учрежден Екатериной I.

Гордеева Оксана Бенедиктовна, аспирант кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения

Орден Святого Александра Невского был учрежден в 1725 г., шел под девизом «За труды и Отечество».

В 1735 г. был учрежден орден «Святой Анны», он имел девиз «Любящим правду, благочестие, верность». Орден Святого Равноапостольного князя Владимира шел под девизом «Польза, честь и слава». А девизом ордена Святого Станислава стал лозунг «Награждая, поощряет».

Из всех вышеперечисленных наград только Георгиевский крест вручался тем, кто проявил храбрость на войне. Георгиевский крест символизировал собой воинскую славу и имел девиз «За службу и храбрость». В то время, как другие ордена вручались чиновникам и царедворцам, орден Святого Георгия был первым в России символом воинской славы. В статуте новой воинской награды утверждалось: «Орден учрежден из особой императорской милости к служащим в войсках, в отмену (отличие) и награждение их», рекомендовалось «орден сей никогда не снимать», «...в награждение за верность и усердие и для поощрения к дальнейшим по военному искусству подвигам». Орден имел 4 степени. Известна точная дата учреждения ордена Святого Георгия Победоносца – 26 ноября 1769 г. Именно в этот день императрица Екатерина II «вышла в парадные покои в орденской одежде и после освящения ордена учредительница и гроссмейстер возложила на себя знаки данного ордена 1-й степени, установив на этот день орденский праздник».

Первым полным Георгиевским кавалером стал фельдмаршал князь М.И. Кутузов-Смоленский (1745–1813 гг.), вторым был генерал-фельдмаршал князь М.И. Барклай-де-Толли (1761–1818 гг.), получивший ордена за битву при Бородино. За победы в двух русско-турецких войнах 1806–1812 и 1828–1829 гг. Орденом Святого Георгия был отмечен граф И. Ф. Паскевич (1782–1856 гг.), светлейший князь Варшавский. Еще одним полным Георгиевским кавалером стал видный военачальник, генерал-фельдмаршал, граф И.И. Дибич-Забалканский, получивший Георгия I и II степени за победу в войне 1828–1829 гг., а ордена III и IV степени – за победу над Наполеоном в 1814 г. [1, с. 179].

В 1833-м году был написан новый статут, который обозначал условия, при которых орден Святого Георгия мог быть вручен [1, с. 180]. Это были следующие условия: «...Тот, кто при взятии при-

ступом упорно защищаемых крепости или другого какого-либо укрепленного места первым взойдет на крепостной вал или в укрепленное место»; «кто, лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящем, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение, или, по крайней мере, уничтожение большей части артиллерии»; «кто, быв со всех сторон окружен неприятелем, сквозь оного пробьется, не оставя в руках неприятеля никакого трофея» и т. д. [1, с. 180].

Несмотря на то, что условия эти могли быть выполнены простыми солдатами, рядовым этот орден до Указа от 13 февраля 1807 г. не вручался, им могли быть награждены только офицеры и старшие воинские чины. Но после вышеназванного Указа к ордену Святого Георгия был прибавлен новый знак отличия, который сделал возможным награждение рядовых «за любовь к Отечеству, верность Государю, ревность к службе и неустрешимую храбрость».

10 октября 1913 г. был утвержден третий Георгиевский статут. По новому статуту орден Святого Георгия для нижних воинских чинов стал называться «Георгиевский крест». Награждать орденом Святого Георгия I и II степеней мог только государь-император, а орденом III и IV степеней – Дума из семи Георгиевских кавалеров [1, с. 180].

Самое большое количество награжденных Георгиевскими крестами русских солдат было на Первой мировой войне. В ней приняли участие 38 стран, были мобилизованы 74 млн человек. Человеческие потери составили 10 млн убитыми и свыше 20 млн ранеными, контуженными, отравленными газами. Русская армия потеряла в Первой мировой войне свыше 2 млн человек убитыми.

Мобилизация коснулась всех семейских старообрядческих поселений. На имя Верхнеудинского начальника в июле 1914 г. поступила телеграмма за № 11643, подписанная генерал-адъютантом Григорьевичем и министром Внутренних дел Маклаковым. В тексте приказа говорилось: «По мобилизации ВЫСОЧАЙШЕ повелено сформировать ополченские части и для сего призвать ратников ополчения первого разряда и поставить лошадей и повозки с упряжью согласно мобилизационному расписанию 1910 года. Ратников на усиление постоянных войск не призывать. Первый день мобилизации 25 июля. С этого дня исчисляется трехсугодичный срок на устройство домашних дел, после чего ратники должны являться на сборные пункты. По же-

лезным дорогам ратники перевозиться не будут, призыву подлежат все ратники, проходившие ряды войска, а из непроходивших столько возрастов, начиная с младшего, сколько нужно для безнедоимочного пополнения наряда... Требуемый наряд лошадей, повозок, упряжи должен быть взят полностью... Не подлежат призыву ратники в тех уездах, где не было запасных» [5, с. 20]. В Национальном архиве Республики Бурятия сохранился документ, который позволяет представить себе начало мобилизации в старообрядческих селах [6, с. 1–14].

Таблица 1

Число нижних чинов Тарбагатайской волости, призванных по мобилизации от 18 июля 1914 г.

<i>Старообрядческое селение</i>	<i>Количество человек</i>
Тарбагатайское	60
Пестеревское	37
Бурнашевское	15
Десятниковское	35
Нижнежиримское	21
Саянтуевское	11

Одним из первых на службу был призван Афанасий Перфильевич Думнов (1887 г. р.), который был уроженцем семейского села Тарбагатай (см. в таблице под № 1), родился в крестьянской семье староверов-семейских Василия и Натальи Думновых. На Первую мировую войну, или, как ее в народе называли, на «германскую» он был призван 18 июля 1914 г. В именном списке нижних чинов Тарбагатайской волости он числится под № 31 [3, с. 154]. Афанасий Перфильевич отличался высоким ростом и большим весом (1 центнер и 6 футов): в семье семейского крестьянина сохранилось свидетельство, что на фронте он мог штыком перебросить противника через себя. Еще одно семейное предание Думновых сохранило воспоминание о первых днях пребывания Афанасия Перфильевича Думнова в армии. Прапорщик, приставленный к его роте, изощрялся в придирках к молчаливому староверу. Всячески унижал его. Свидетелем одной такой сцены стал офицерский чин. Он приказал принести соху (дело было на учениях в сельской местности) и попросил прапорщика разобрать

ее. Прапорщик, конечно, не знал, как она устроена. Офицер сделал ему выговор и прапорщик перестал притираться к рядовому Думнову [3, с. 155]. Впоследствии, во время военных действий, А.П. Думнов проявил себя бесстрашным и смелым воином, стал полным Георгиевским кавалером и удостоился чести быть награжденным лично государем Николаем II.

Сохранился архивный документ – сведения о наградах старовера А.П. Думнова. Серебряным орденом Святого Георгия 4-й степени за № 224465 фельдфебель 14-го Сибирского стрелкового полка А.П. Думнов был награжден за то, что в бою 1 октября 1914 года у населенного пункта Копытово «объединил товарищей и выбил противника из укрепленной позиции» [3, с. 155].

Серебряным Георгиевским крестом 3-ей степени за № 46223 А.П. Думнов был награжден за участие в бою у города Перемышль 14 февраля 1915 года за то, что объединил товарищей, выбил противника и захватил в плен неприятеля.

Золотым Георгиевским крестом 2-й степени за № 1268 он награжден за то, что в бою 4 июля 1915 года на высоте 1311 «при убыли из строя офицеров принял командование ротой, восстановил порядок, и под его руководством была занята неприятельская позиция» [3, с. 155].

Золотым Георгиевским крестом 1-й степени за № 9984 его наградили за участие в бою под населенным пунктом Воля Городенице. Будучи раненым, подпрапорщик Думнов «с перевязкой возвратился в строй и снова принял участие в бою» [3, с. 155].

А.П. Думнов был также награжден Георгиевской медалью за № 272777 за отличие в бою 13 февраля 1915 года под г. Перемышлем и Георгиевской медалью 3-й степени за № 77955 за проявленные мужество и храбрость [3, с. 155].

Для вручения последнего Георгиевского креста Афанасий Думнов был приглашен в Москву. Церемония вручения проходила в Георгиевском зале Кремля. Вел церемонию награждения царь Николай II, который лично зачитал Указ, вручил награды, поблагодарил за верную службу и назвал полных георгиевских кавалеров «славой русского оружия» и «достойными сынами Отечества» [3, с. 156]...

С установлением советской власти в 20-х годах А.П. Думнова назначили председателем сельского совета. Земляки уважали его. У

него установились хорошие отношения с председателем СНК и ЦИК БМАССР Михеем Николаевичем Ербановым.

В 1929 г. в старообрядческих селах прошла первая волна репрессий. Семейная легенда гласит, что о предстоящем аресте Думнова предупредил сам Ербанов, но спасти и отстоять или не захотел, или не сумел.

6 октября 1929 года вместе с Афанасием Перфильевичем были арестованы многие тарбагатайские крестьяне-староверы. А.П. Думнова, полного Георгиевского кавалера, героя Первой мировой войны, обвинили в организации антисовестского контрреволюционного заговора.

12 февраля 1930 года постановлением тройки ОГПУ по Сибирь-краю Думнов был осужден к 5 годам концлагерей без конфискации имущества за преступления, предусмотренные статьями 58-8 (террористический акт), 58-10 (антсовестская пропаганда) и 58-11 (участие в антсовестской организации) УК РСФСР. Виновным себя не признал.

А.П. Думнова направили отбывать наказание на строительство Беломорско-Балтийского канала, объявленного ударной стройкой первой пятилетки. И на трудовом фронте Георгиевский кавалер был ударником, выполнял норму на 200 процентов, получал паек для передовиков. Беломорканал сооружали сталинскими ударными темпами. Строил канал весь цвет России, были здесь и «крестоносцы» – так называли Георгиевских кавалеров в концлагере. На торжественный пуск приехал сам Сталин. Тогда он якобы сказал присутствующему здесь Ворошилову о «крестоносцах»: «Царю-батюшке верно служили и советской власти послужат». По случаю досрочной сдачи канала многим дали амнистию: снизили сроки наказания, досрочно освободили. В 1934-м г. Афанасий Перфильевич вернулся к семье, которая, пережив мытарства, обитала у родственников в Иволгинских Ключах.

После ареста Афанасия Перфильевича конфисковали все имущество, выгнали семью из дома. Дали 24 часа, чтобы семья покинула Тарбагатай. Местом ссылки определили Ербейский район Красноярского края, направили на лесоповал, в Агульский леспромхоз.

Вернувшись из ГУЛАГа, Афанасий Перфильевич устроился на строительство автодороги Улан-Удэ – Кяхта. Удивительно, но волна репрессий 1937-го года его не коснулась. И только с началом войны А.П. Думнова – героя германской войны – ОГПУ посчитало неблаго-

надежным и в 24 часа из приграничного района его выслали в Прибайкальский.

В Прибайкалье, в Черемушках прошла его оставшаяся жизнь. 11 июля 1964 года Президиумом Верховного Суда Бурятской АССР А.П. Думнов был реабилитирован. Умер он в 1970 году в Улан-Удэ. Похоронен на Шишковском кладбище. Бронзовый бюст полного Георгиевского кавалера А.П. Думнова, отлитый по эскизу известного бурятского скульптора Геннадия Васильева, установлен на родине героя – в селе Тарбагатай [3, с. 153].

В с. Бичура Бичурского района республики Бурятия сохранились записи Нелли Дмитриевны Коробенковой, учителя русского языка и литературы Бичурской средней школы № 1 о Георгиевских кавалерах – уроженцах Бичуры [1, с. 4]. Силами учащихся бичурской школы был собран уникальный материал, подтверждающий участие староверов-семейских, кавалеров ордена Святого Георгия в Первой мировой войне.

Мы систематизировали эти записи, георгиевские кавалеры представлены в следующем порядке:

1. Ивановы Дорофей и Егор Яковлевичи, с. Бичура

В семье Иванова Григория Тимофеевича хранится старинная фотография, на обороте дата – 1919 г. Оба брата, Дорофей Яковлевич Иванов и Егор Яковлевич Иванов, были Георгиевскими кавалерами. Первый имел один, второй – два креста.

В 1930-е гг. семья попала под раскулачивание. Дорофея Яковлевича забрали в 1933-м, несмотря на то, что он был одним из активных участников партизанского движения в Бичурском районе. По словам сына, Григория Дорофеевича, именно его в 1919 г. выбрал начальником штаба Бичурского партизанского отряда И.С. Афанасьев. Семья Ивановых была крепкая, работящая, все четверо братьев мастеровые, имели добротные дома, кузницу, мельницу. «Тройка» без суда и следствия дала Дорофею три года ссылки. Два года он отработал в Новосибирске. За хорошую работу его освободили досрочно, с правом проживания в любом месте. Вернулся Георгиевский кавалер домой, но нашлись «доброжелатели» из местных, которые подвели его «под кулака». На этот раз дали 10 лет. На руках у матери осталось семеро детей. Не один лагерь прошел их отец. В Чернышевском районе Читинской области добывал уголь, потом его бросили на строительство

Комсомольска-на-Амуре. А в августе 1941-го он оказался в Омске. Сообщили, что Д.Я. Иванов умер в ноябре 1941-го года. Из Омска пришло свидетельство о смерти – сердечная недостаточность, и письмо: «ваш отец хорошо работал, его перевели на инвалидность и умер он в лазарете» [2, с. 172].

Егор Яковлевич Иванов пропал бесследно. Приехала милиция и активисты из колхоза (были среди них и родственники Ивановых), выграбили все из амбаров: зерно, муку, овес, выгнали скот. Пятистенку в Алтачей перевезли, амбары – на колхозные полевые станы, одни ворота остались.

Сыны репрессированного Дорофея Иванова, когда пришла Великая Отечественная война, встали в общий солдатский строй. Воевали Григорий, Савелий и Петр Дорофеевичи [2, с. 170].

2. Гнеушев Семен Никитович, с. Бичура

Родился Семен Никитович Гнеушев в 1891 г. в с. Бичура в семье крестьянина. Окончил 3 класса церковно-приходской школы. С 1913 г. служил в рядах царской, а с 1919 г. – в рядах Красной Армии. В Первой мировой начал воевать в Восточной Пруссии, затем на австро-венгерском фронте. Участвовал в освобождении городов Львова и Луцка. В одном из боев был ранен и контужен. После лечения снова вернулся в строй. За эти бои получил Георгиевский крест. С 1919 по 1921 гг. служил в Красной Армии. Вернувшись в Бичуру в начале 20-х гг., одним из первых вступил в колхоз «Передовик». Работал честно и добросовестно. Но многих колхозников, по словам односельчан, он открыто называл лодырями: «Они и раньше не работали, и сейчас не собираются». Колхоз «Передовик» распался, многие староверы были разочарованы в колхозах, в том числе и Семен Никитович. Когда же снова, в 1933-м г., колхоз начали возрождать, Гнеушев воздержался от вступления в колхоз. По доносу семью Гнеушевых выслали из Бичуры, а хозяйство разворовали. Жили Гнеушевы в Заиграевском районе. Семен Никитович работал на строительстве железной дороги. В Бичуру семья вернулась после окончания Великой Отечественной войны [2, с. 169].

3. Федотов Клим Сидорович, с. Бичура

Клим Сидорович Федотов родился в 1889 г. в с. Бичура. Учиться не пришлось – стал работать в единоличном хозяйстве, потом служба в армии. В Первую мировую войну участвовал в освобождении

Карпат. За бои в Карпатах получил Георгиевский крест за № 572955 и медаль «За храбрость». По рассказам старовера, вручил ему эти награды лично Николай II. Воевал в Румынии, Словакии и Чехии. Был награжден вторым Георгиевским крестом за № 948589. Вернувшись домой, вступил в партизанский отряд, ушел в Даурию, затем в Манчжурию. В 1967 г., в год 50-летия Октябрьской революции, был награжден медалью «За боевые заслуги». Клим Сидорович прожил 89 лет, умер в 1978-м г. в Бичуре [2, с. 170].

4. Петров Осип Логинович, с. Бичура

Осип Логинович, участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер, сражался на германском фронте, был разведчиком, имел два Георгиевских креста. Второй крест получил за поимку немецкого снайпера, которого не просто «снял», а взял в плен. Вернувшись домой, Осип Логинович активно помогал брату Ермолаю Логиновичу Петрову, бичурскому партизану, в революционной деятельности. Вступил в колхоз «Красное Знамя труда». Умер до войны [2, с. 172].

5. Ткачев Евстигней Трофимович, с. Бичура

Евстигней Трофимович родился в 1885 г. в семье Трофима Потаповича Ткачева. Мать Лукерья Семеновна умерла через двадцать дней после рождения сына, в семье осталось пятеро детей. С десяти лет Евстигней Ткачев батрачил на богатых, потом строил КВЖД. На фронт ушел в 1914 году. Служил в пехоте, затем в кавалерии. Воевал в Польше, Прибалтике. Был награжден Георгиевским крестом. Вернувшись домой, воевал на гражданской войне под командованием Лебедева, дошел до Амура. После войны вступил в колхоз «Красное Знамя труда». Был депутатом районного Совета. Во время Великой Отечественной войны, несмотря на 55 лет, стремился на фронт, но был оставлен в Бичуре обучать солдат боевому искусству [2, с. 171–172].

Во время русско-японской войны (1904–1905 гг.) Георгиевскими крестами были награждены 87 000 русских солдат. Среди георгиевских кавалеров были и староверы-семейские Забайкалья. Последовавшая за Японской Первая мировая война была самой кровопролитной за последнее столетие. Данные о потерях обобщены нами в таблице 2.

Сотни тысяч русских солдат были награждены Георгиевским крестом во время Первой мировой – самой кровопролитной войны

Таблица 2

Человеческие потери стран-участниц Первой мировой войны

Год проведения	Город	Кол-во экспонатов	Общее число посетителей (чел.)
1851	Лондон	14 000	6 040 000
1855	Париж	24 000	5 163 000
1862	Лондон	28 700	6 212 000
1867	Париж	52 000	11 000 000
1873	Вена	42 000	7 255 000
1876	Филадельфия	30 000	9 858 000
1878	Париж	52 800	16 032 000
1889	Париж	61 800	32 351 000
1893	Чикаго	—	2 530 000
1900	Париж	83 000	50 861 000
1904	Сан-Луис	—	19 695 000
1915	Сан-Франциско	30 000	18 750 000

начала XX в. Среди этих орденоносцев были и сибиряки – староверы-семейские.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болонев Ф.Ф. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX века. – Новосибирск : Книжица, 2005. – 204 с.
2. Болонев Ф.Ф., Коробенкова Н.Д. Георгиевские кавалеры Бичуры // Ф.Ф. Болонев. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX века. – Новосибирск : Книжица, 2005. – 204 с.
3. Калашников П.Ф. Семейский ратоборец-герой // Ф.Ф. Болонев. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX – начале XX века. – Новосибирск : Книжица, 2005. – 204 с.
4. Лубченков Ю.А. За службу и храбрость // Встречи с историей. Очерки, статьи, публикации. Вып. 3. – М., 1990. – С. 150.
5. НАРБ, ф. 34, оп. 1, д. 1070, л. 20.
6. НАРБ, ф. 207, оп. 1, д. 2164, лл. 1–14.

УДК 37 (092)

О.А. Горощенова

ПЕРВАЯ СИБИРСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА Е.А. АВДЕЕВА-ПОЛЕВАЯ

В статье рассматриваются основные этапы жизни и творчества первой сибирской писательницы, фольклористки и этнографа Е.А. Авдеевой-Полевой. На основании вновь открывшихся источников выявлена дата рождения писательницы, которая была неизвестна вплоть до 2013 г. В работе осуществлена попытка систематизировать, проанализировать и по-новому, объективно взглянуть на вклад Е.А. Авдеевой-Полевой в культуру России.

The paper considers the main stages of the life and works of the first Siberian writer, folklorist and ethnographer EA Avdeeva Field. On the basis of newly discovered sources revealed the date of birth of the writer, which was unknown until 2013. In an attempt to systematize the work carried out, analyzed and a new, objective look at the contribution of EA Avdeeva Field in Russian culture.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, династия Полевых, Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая, первая сибирская писательница, этнография, фольклор.

KEYWORD: *Russian dynasty Polevoy, Catherine A. Avdeev-Polevaya, the first Siberian writer, ethnography, folklore.*

Имя Екатерины Алексеевны Авдеевой-Полевой встречается в литературе едва ли не чаще, чем имена многих знаменитых писателей. С чем связан повышенный интерес к ней? Почему на протяжении 200 лет писательница так популярна? И всё ли мы о ней знаем?

Горощенова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин ИрГТУ, директор музея истории ИрГТУ, профессор РАЕ

Биография Е.А. Полевой имеет ся во всех уважающих себя словарях от Брокгауза и до современной Википедии. В интернете о ней написано на более чем 500 сайтах. И у всех авторов, без исключения, указана дата рождения – ноябрь 1789 года [1].

Меня заинтересовала эта дата без числа, и я начала поиск.

Первое, на что пришлось обратить внимание, это – православные святцы. Имя «Екатерина» встречается в них четыре раза: 23 января (5 февраля по н. ст.), 4 февраля (17 февраля по н. ст.), 20/21 сентября и 24 ноября (7 декабря по н. ст.). Этим фактом объясняется, почему литературоведы и историки рождение Екатерины Авдеевой-Полевой относили к ноябрю.

Екатерина Алексеевна родилась в Курске. В Курской энциклопедии [2] написано: «АВДЕЕВА, Екатерина Алексеевна [XI.1789 – 21.VII(2.VIII).1865] – русская писательница, этнограф и фольклорист». Та же запись и в других источниках [3].

Отправной точкой дальнейших изысканий послужило место жительства Екатерины Алексеевны в последние годы жизни, а это – г. Тарту (Юрьев, Дерпт). Наверное, точнее могильной плиты ничто не скажет о дате рождения Екатерины Алексеевны. Начались поиски кладбища, активная переписка, которая дату так и не конкретизировала, но дала мне главное – надежду и направление поиска информации.

Наконец удалось установить, что Екатерина Алексеевна была похоронена на старом кладбище Раади в г. Тарту в семейном некрополе Розбергов. Связавшись с краеведами, я получила в руки бесценный материал, который помог установить и уточнить даты рождения и смерти первой сибирской писательницы. Эти сведения внесли ясность в генеалогическое древо семьи Полевых.

Руководитель Тартуского школьного музея «К Пушкину из Дерпта» Евгений Александрович Перк сфотографировал могилу извест-

Е.А. Авдеева-Полевая

ной писательницы. Как оказалось, не только числа и месяца рождения Екатерины Алексеевны мы не знали, но и года тоже!

На могильной плите выбито:

«Екатерина Алексеевна Авдеева урожд.[енная] Полевая. род. [илась] в г. Курске 5 августа 1788 г. Сконч [алась] в г. Дерпте 21 июля 1865 г.»

Теперь мы точно знаем, что Е.А. Авдеева-Полевая прожила 77 лет, а 5 августа 2013 г. исполнилось 225 лет со дня её рождения.

По православному обычаю наречение детей происходило на 8 день, а крестить было принято в 40 дней со дня рождения. Можно предположить, что крестили Екатерину 20 или 21 сентября 1788 г.

Что касается имени, то христианское предание рассказыва-ет о мудрой и учёной деве знатного рода по имени Екатерина, по-ражавшей всех своими познаниями в науках, она жила в IV веке в Александрии Египетской. К 18 годам Екатерина изучила историю, философию, риторику, хорошо знала творения всех античных по-этов, разбиралась в медицине и владела 72 (!) языками. Пятьдесят мудрецов, созванные римским императором, не смогли победить её в споре. За приверженность к христианской вере Екатерина была подвергнута пыткам и казнена, а в VIII–IX вв. канонизирована как великомученица [4].

Надо заметить, что Екатерина Авдеева-Полевая вполне соотве-ствовала своему имени. Возможно, не все грани природного таланта она смогла проявить в силу разных жизненных обстоятельств. Начав издаваться в 49 лет, Е.А. Авдеева-Полевая оставила потомкам неис-черпаемый материал по многим отраслям гуманитарных знаний, по-полнив тем самым «копилку» человеческой мудрости.

Екатерина была первым ребёнком в семье Алексея и Наталии Полевых. Воспитанная в благочестии и благонравии, Катенька была отрадой матери, помогала растиль младших детей. Николай Полевой писал: «Могу ли я исчислить, добрая сестра моя, все, чем я обязан тебе, начиная с первых наставлений моему отроческому понятию до всегдашней отрады сердцу в старости?» С большой теплотой отзы-вался о сестре и Ксенофонт – младший брат.

Встретившийся с ней в Иркутске И.Т. Калашников так описал впечатление, произведенное на него Екатериной: «...я был удивлен ее познаниями. Она прекрасно говорила и вела политический разговор о

тогдашнем положении Европы – о чем иркутские дамы, за немногими исключениями, и помышлять боялись» [5].

Екатерина была замужем за иркутским купцом П.П. Авдеевым [6], с которым совершила путешествие по Сибири, бывала в Кяхте (1804), о чем позже написала воспоминания. Рано овдовев, вела хозяйственные дела самостоятельно. Но, видимо, неплохоправлялась, потому что в книгах, где купцы объявляли капитал, Авдеева числилась в третьей гильдии [7].

Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая была матерью пятерых детей: Александры (1808), Андрея (1809), Натальи (1813), Иннокентия (1814), Петра (1815). Историки предполагают, что кое-кто из детей остался жить в Иркутске. Так, Ю. Душкину в архивных делах ГАИО встречались документы, подтверждающие проживание Иннокентия Авдеева в середине XIX века в приходе Чудотворской церкви.

В Иркутске Екатерина прожила около 30 лет. Затем были города: Курск, Москва, Петербург, Одесса, Дерпт. Екатерина Алексеевна, похоже, больше не выходила замуж и жила с семьей своей старшей дочери Александры Розберг (1808). Семья Розбергов любила свою матушку, об этом красноречиво говорит факт наречения одной из дочерей Екатериной (1845), правда малышка умерла еще в младенчестве.

Зять Екатерины Алексеевны Михаил Петрович Розберг (1804–1874) был профессором русской словесности в Дерптском университете, писателем. Творчество его ждет своего исследователя. Главными трудами М.П. Розберга считаются работы «О содержании, форме и значении изящно-образовательных искусств» (Одесса, 1832), «Sur la signification historique de la Russie» (Дерпт, 1837), «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности» (Дерпт, 1838).

Старшая сестра Николая и Ксенофона не имела системного образования, но при этом состоялась как писательница, фольклористка, этнограф. Богатый практический опыт хозяйки вошёл в «Поваренную книгу русской опытной хозяйки», которая сопровождалась описанием не только приготовления блюд, согласно рецептам, но и внутреннего содержания и убранства кухни. Книга эта – настоящий бестселлер, переиздавалась множество раз, даже в виде карманной книжки.

Сказки, записанные Авдеевой-Полевой, спустя полтора века читают матери своим детям! Это всем знакомые «Колобок», «Волк

и Лиса», «Кот, Лиса и Петух», «Сказка о злой мачехе» и многие другие. Правда, в первоначальном издании они несколько иначе назывались: «Сказка о колобке», «Сказка о петушке», «Сказка о Машеньке», «Сказка о волке и козе», «Сказка о медведе», «Сказка о волке и лисице», «Сказка о злой мачехе». Необходимо отметить, что тексты сказок с тех времен остались практически без изменений, язык очень близок к подлинной народной речи, так легко и талантливо записала их фольклористка. Впервые «Русские сказки для детей, рассказанные няньшкою Авдотьёю Степановною Черепьевою» (под этим псевдонимом издала книгу Е.А. Авдеева-Полевая) увидели свет в 1844 г. в Санкт-Петербурге в типографии Ильи Глазунова, они переиздавались более десяти раз отдельной книжкой. Впоследствии авторство писательницы было утеряно, сказки включались в сборники без её фамилии.

Выход в свет детских сказок вызвал неоднозначную реакцию В.Г. Белинского: «Что касается до «Русских сказок для детей», изданных какою-то нянькою, — мы не советуем ее давать детям в руки, так же как не советуем позволять детям слушать всякие рассказы нянек о домовых, лесных и тому подобных вздорах, которыми только засоряют понятие и запугивают воображение детей» [8]. На мой взгляд — это человеческая реакция, относящаяся больше к его оппоненту — Николаю Алексеевичу Полевому, родному брату Екатерины Алексеевны.

Современные же филологи считают, что Екатерина Алексеевна недооценивала свой труд в педагогическом и научно-исследовательском смысле [9]. Своим долгом писательница считала лишь сохранение старины. На самом деле, издав тоненькую книжицу русских сказок в 1844 г., она впервые выделила сказку в отдельный жанр и опять же впервые заставила говорить об авторстве в фольклорных материалах.

В 2012 г. в Курске, на родине Е.А. Авдеевой-Полевой произошло замечательное событие: отдельными книжками изданы сказки из сборника «Русские сказки для детей, рассказанные няньшкою Авдотьёй Степановной Черепьевой» по седьмому изданию (1789) типографии книгоиздателя М.О. Вольфа. Средства на переиздание были выделены городскими властями. Прекрасно иллюстрированные сказки были направлены во все библиотеки и детские сады Курской области. Это ли не воспитание патриотизма в наших детях?

Екатерина оставила после себя немало любопытных страниц по истории Иркутска, Курска, Дерпта. В них она постаралась передать быт и нравы, увлечения горожан, местоположение, природу и животный мир. И как неправа была она, написав: «Не мне, женщине без образования, делать ученые изыскания. Руководимая истинною любовью к отечеству, я приношу только ему свой бедный лепет». Сколько полезных сведений сохранилось благодаря её труду!

Издавать рукописи Е. Авдеевой-Полевой помогали братья. Главной целью своей она считала сохранение русской старины, ее основ, остатки века минувшего видела в Сибири. Вот небольшой, неполный, но весомый список изданных работ первой сибирской писательницы: «Записки о старом и новом русском быте» [10], «Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен» [11], «Воспоминания об Иркутске» [12], «Еще отрывки моих воспоминаний» [13], «Русский песенник или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водевильных куплетов известных писателей» [14], «Поваренная книга русской опытной хозяйки» [15], «Полная хозяйственная книга с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря», «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой» [16], «Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку» [17] и т. д.

Первую работу писательницы – «Записки и замечания о Сибири» – издал в Москве в 1837 году младший брат Е.А. Авдеевой-Полевой – К.А. Полевой. Екатерина, по скромности своей, даже постеснялась поставить свою подпись под текстом.

Повествование Екатерина Алексеевна выбрала в жанре записок, воспоминаний. Рассказы располагают к доверию сочинительницы, в воспоминания органично вписываются и словарь устаревших местных слов и изречений, и описание свадебных обрядов и песен, прибаутки, частушки, анекдоты, потешки и пикантные, как сказали бы сегодня журналисты, факты жизни сибирских обывателей.

Ценность наблюдений автора о малоизученном крае, глубокое знание народного быта немедленно было замечено общественностью. Эту книгу затем переиздали на немецком, английском и чешском языках.

Труд Е.А. Авдеевой-Полевой был положительно оценен критиками и даже «неистовый» Виссарион (Белинский) отметил публика-

цию Е.А. Авдеевой как «добродушные рассказы умной и начитанной женщины», но, к сожалению, не увидел в них иной ценности [18]. А вот Фаддей Булгарин написал, что «книга написана легко, рассказ живой» [19].

В предисловии к «Запискам о старом и новом русском быте» (1842) Н.А. Полевой так охарактеризовал свое отношение к этой работе: «Признаюсь, что небольшую книжку сестры моей готов я поставить выше многих опытов стихотворной и прозаической болтовни некоторых русских писательниц, расхваленных в журналах. Заметки и наблюдения, здесь помещенные, взятые из жизни народной, ставлю я также выше многих мнимо-исторических, мнимо-археологических исследований, авторы коих списывают по слуху и понаслыше».

«Своей» писательницей Е.А. Авдееву-Полевую может назвать не только Курск, где она родилась, но и Иркутск, в котором она прожила более 30 лет, а также Петербург, Москва, Одесса, Тарту. Жителям этих городов, как и всей России, она посвятила частичку себя, своё время и труд с надеждой, что это будет полезно для общества. И теперь, в свете новых сведений о первой сибирской писательнице и фольклористке Е.А. Авдеевой-Полевой, можно с уверенностью сказать, что 225-летие со дня её рождения не осталось незамеченным в России. Творчество Е.А. Авдеевой-Полевой заслуживает пристального внимания литературоведов и историков. Не познав прошлого, мы не сможем построить достойного будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Екатерина Алексеевна Полевая URL <http://www.hcenter-irk.ru/polev/eaap/>. Дата обращения: 12 сентября 2011 г.
2. Курская энциклопедия / сост. Гойзман Ш.Р. – Курск, 2004-2012. URL: <http://www.mke.su/>. Дата обращения: 1 сентября 2012 г.
3. Баскевич И.З. Курские вечера. Литературно-краеведческие очерки и этюды. Воронеж, Центр.-Чернозёмное изд-во. 1979; Гордость земли Курской : сб. очерков о знаменитых земляках / сост. М. Шехирев. – Курск : КЦНТИ, 1992.
4. Тайна имени Екатерина URL: <http://darimeni.ru/?p=643> Дата обращения 20 декабря 2012 г.
5. Калашников И.Т. Записки иркутских жителей. – Иркутск : Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 270, 271.
6. Петр Петрович Авдеев в 1790–1792 гг. был в городском магистрате бургомистром. – ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
7. ГАИО, ф.308, оп. 1, д. 335, л. 2.

8. *Белинский В.Г.* Рецензии и критика. PUR: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3950.shtml Дата обращения 14.01. 2013
9. *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Русский детский фольклор. PUR: http://fictionbook.ru/author/tatyana_mihayilovna_kolyadich/russkiyi_detskiyi_folklor_uchebnoe_pособие/read_online.html?page=1 Дата обращения 23 декабря 2012 г.
10. *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки о старом и новом русском быте. – СПб., 1842.
11. *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен // Записки Иркутских жителей. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 125.
12. *Авдеева-Полевая Е.А.* Воспоминания об Иркутске // Отечественные записки. – 1848. – Т. LIX, «Смесь». – С. 125–148.
13. *Авдеева-Полевая Е.А.* Еще отрывки моих воспоминаний // Сын Отечества. – 1840. – Т. II. – С. 803–832
14. *Авдеева-Полевая Е.А.* Русский песенник или Собрание лучших и любимейших песен, романсов и водевильных куплетов известных писателей. – СПб., 1848.
15. *Авдеева-Полевая Е.А.* Поваренная книга русской опытной хозяйки // Вы ждете гостей. – Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 348–395.
16. *Авдеева-Полевая Е.А.* Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой. – СПб. – 1844.
17. *Авдеева-Полевая Е.А.* Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку. – СПб., 1848.
18. Цит по: *Белинский В.Г.* Записки о старом и новом русском быте Е.А. Авдеевой // Полн. собр. соч. – М., 1954. – Т.6. – С. 260.

УДК 355.23:94(47)

Т.В. Федорова

ПРОЦЕСС РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В данной статье рассматривается процесс реформирования системы военно-учебных заведений в России во II половине XIX века. Рассматривается участие различных военных деятелей в процессе подготовки реформы. Результаты исследования способствуют развитию современных военно-учебных заведений, которые будут отвечать требованиям государственной политики Российской Федерации, опираясь на исторический опыт прошлого.

In given article is considered process of reform system military-educational institutions in II half XIX age. The participation of the different military figures is Considered in process of preparing the reform. The Results of the study promote the development modern military-educational institutions, which will meet the demands state politicians to Russia, resting in history experience past.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реформа, кадетский корпус, военно-учебные заведения.

KEYWORDS: *reform, cadet body, military-educational institutions.*

В 90-х годах XX столетия в России началось возрождение кадетских корпусов. Исторический опыт свидетельствует, что кадетские корпуса сыграли значительную роль в подготовке офицерских кадров для российской армии. В современных условиях вопрос подготовки обладающих высокими профессиональными и нравственными качествами офицерских кадров не утратил своего значения. Поэтому

Федорова Татьяна Владимировна, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ЕАЛИ МГЛУ

актуальным становится вопрос о формировании личности офицера через систему непрерывного военного образования.

К середине XIX века на состоянии русской армии все более сказывалась экономическая и техническая отсталость России. На вооружении основной массы русских войск были гладкоствольные кремневые ружья. Традиционная тактика ведения боевых действий отставала от новых боевых возможностей появившихся у противника видов оружия, что вело к неоправданным потерям.

Эти и некоторые другие причины привели Россию к поражению в Крымской войне 1853–1856 гг. Обескровленная военным поражением, Россия начинала очередной период своей истории. Кроме того, общество охватил глубокий нравственный кризис, вызвавший растерянность во всех его сферах. В сложившихся условиях представители военного руководства проявили неспособность оперативно осознать и выработать адекватную программу дальнейшего военного развития, отвечающую запросам нового времени. Требовалось серьезное теоретическое осмысление громадного комплекса проблем реформирования военной организации России. Среди них центральное место занимали вопросы подготовки войск [1, с. 18–22].

В данной ситуации явно ощущалась остшая нехватка для Российской армии квалифицированных командных кадров. Их подготовке препятствовал закрытый характер учебных заведений, неизбежно сопутствующий сословности, который определял большую дорогоизну обучения. К тому же приоритетное развитие учебных заведений интернатного типа¹ порождало новое противоречие в развитии военно-учебных заведений. Ограждая воспитанников от вредного, по мнению правительства, влияния внешнего мира и создавая тепличные условия, объективно формировали для них «области неизвестных проблем», которые предстояло решать в реальной жизни.

Серьезнейшим противоречием являлось противопоставление общечеловеческого, гражданского и сословного, монархического воспитания, цели и задачи которых диаметрально рознились. Интересы разрешения этого противоречия неизбежно выдвигали на первый план проблему формирования личности человека, гражданина, всесторонне подготовленного специалиста.

¹ Именно к их числу относились и кадетские корпуса.

Еще одно немаловажное противоречие отражено в журнале высоцайше учрежденного комитета по преобразованию военно-учебных заведений № 1 от 23 октября 1862 г. По первому из предложений Его Императорского Высочества на вопрос, в какой мере в войсках необходимо основательное образование офицера, высказаны были следующие соображения:

«Независимо от того влияния, которое оказывает образование на развитие нравственных и умственных качеств молодых людей, желательно иметь ... и в артиллерийских войсках в особенности для замещения старших воинских должностей, по крайней мере, некоторую часть офицеров, серьезно подготовленных к военному делу, что невозможно без достаточного образования...

Артиллерия, саперы и стрелковые батальоны пополняются, почти исключительно, офицерами, выпущенными из военно-учебных заведений; но число офицеров, остающихся в этих войсках по окончании академического курса, ограничено» [2, л. 78–80].

В 50-е годы XIX века в России назрела необходимость коренной реформы существующей системы обучения в кадетских корпусах, так как кадетские корпуса ни качественно, ни количественно не обеспечивали потребности российской армии. Инициатором изменений выступил великий князь Михаил Николаевич, назначенный 9 февраля 1860 года на пост Главного начальника военно-учебных заведений. Спустя несколько месяцев, а именно в декабре 1860 года им были запрошены от кадетских корпусов мнения о тех изменениях, которые предполагалось сделать полезными в учебном курсе кадетских корпусов. Полученные сведения составили два больших тома.

Ознакомившись с мнениями воспитательных комитетов кадетских корпусов, Главный начальник военно-учебных заведений пришел к выводу, что присланные предложения в основном касались существующего учебно-воспитательного процесса, не затрагивая вопросов, относящихся к устройству кадетских корпусов, и не соответствовали задачам преобразования военно-учебных заведений. Тогда в 1862 году он вновь приказывает предоставить ему от военно-учебных заведений и некоторых государственных и военных деятелей мнения о тех преобразованиях, которые было бы целесообразно провести в кадетских корпусах для их кардинальной перестройки. В этом же году необходимые сведения были собраны [3]. Они свидетельствова-

ли, что назрела необходимость коренного преобразования кадетских корпусов, что в обществе сложились новые взгляды на подготовку юношества к офицерской службе, что система кадетского воспитания устарела и нуждается в существенных изменениях.

Главным идеологом и организатором реформы военного образования в целом и изменения подготовки офицеров в кадетских корпусах в частности явился вступивший в конце 1861 года в должность военного министра Д.А. Миллютин – либерально настроенный военный ученый, бывший ранее профессором Николаевской академии Генерального штаба.

По мнению Д.А. Миллютина, реформа военно-учебных заведений должна была осуществляться в русле других военных реформ, в которых остро нуждалась русская армия. До него уже предпринимались попытки улучшить положение дел в вооруженных силах. Начиная с 1855 года, этим вопросом занимались: предшественник Д.А. Миллютина на посту военного министра В.А. Долгоруков, Комиссия для улучшения дел по военной части под председательством генерал-адъютанта А. Редигера, специальный комитет генерала И. Данненберга, однако коренного улучшения в положении дел достигнуто не было. «Министерство военное решительно разлагается, – писал А.П. Карцев, – из всех задуманных преобразований вышло только одно: уничтожение принятого, хоть какого-нибудь порядка» [4, л. 312].

В феврале 1862 года Д.А. Миллютин адресовал Главному начальнику военно-учебных заведений записку, где высказал свое мнение о необходимости и путях реформирования военно-учебных заведений в целом и кадетских корпусах в частности. В ней он отметил, что государство несет огромные расходы на содержание военноучебных заведений, доходящие до пяти с лишним миллионов рублей в год, получая из корпусов незначительное число офицеров. Причем в служебном отношении эти офицеры были мало полезны потому, как отмечает Миллютин, «что, получив образование разностороннее, но недостаточно основательное, выносят с ним лишь самонадеянность, верхоглядство, а иногда самый ложный взгляд на действительную жизнь и отношения общественные. Что же касается до службы, то о ней они большей частью вообще не имеют понятия ...» [2, л. 187].

Главную причину неудовлетворительной деятельности кадетских корпусов Д.А. Милютин объяснял системой их организации, предполагавшей соединение общего и специального образования в одних стенах. «Правительство, – писал он, – основывая кадетские корпуса, ... имело постоянно две совершенно разносторонние цели, которые желало связать в одних и тех же учреждениях. Главное назначение их состояло, конечно, в том, чтобы приготовить для армии образованных офицеров, но в то же время была и другая цель – дать средства к воспитанию детям тех лиц, которые служили или служат государству на поприще военном или гражданском, – цель, очевидно, благотворительная» [2, л. 187].

Соединение общего и специального образования в стенах одних и тех же учебных заведений имело ряд недостатков. Определяя детей в кадетские корпуса в юном возрасте, родители не задавались вопросом об их истинном призвании, что, в конечном итоге, приводило к выпуску из стен корпуса офицеров, не имеющих любви к воинской службе и недостаточно подготовленных к ней. Кроме того, соединение двух противоположных начал, с одной стороны, вело к раннему военному обучению воспитанников корпусов², что противоречило возрастным особенностям детей. С другой стороны, это обуславливало многопредметность и расплывчатость учебных программ.

Воспитание в корпусе, по мнению Д.А. Милютина, не могло дать кадетам представления об их будущей службе, но могло сформировать соответствующий ей характер. «...Если военное воспитание начинается в возрасте детскому или отроческому, когда характеру предстоит еще образовываться, то стеснение его развития дисциплиной наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши..., ведет к одному из двух последствий: или развивает спартанские понятия о нравственности, поощряющей лукавство, вероломство, драки, воровство и все оправдывающее под одним условием – чтобы не попадаться на глаза; или же оно подавляет вовсе развитие характера и образует юношей без всякой воли, без характера, шатких в нравственных своих правилах, детских в своих взглядах» [2, л. 187].

Опираясь на приведенные аргументы, Д.А. Милютин сделал вывод о необходимости разделения общего и военного образования

² Строевая подготовка начиналась с 10-ти, а огневая – с 12-ти лет.

и соответствующей реорганизации системы военно-учебных заведений. «Воспитание отроков и юношей, – писал он, – должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно военные могут существовать только с одной целью – доставить научное специальное образование тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе» [2, л. 187].

Мнение военного министра Д.А. Миллютина с незначительными изменениями в конечном итоге было признано наиболее целесообразным и положено в основу преобразования кадетских корпусов. Помимо него свои мнения высказали и некоторые другие государственные деятели. Граф С. Строганов, так же, как и Д.А. Миллютин, усматривал главный недостаток существующей системы подготовки военных кадров в соединении общего и специального образования воедино, что противоречило детской психологии и наносило ущерб собственно военной подготовке. В целом, поддерживая проект Д.А. Миллютина, С. Строганов, однако, считал необходимым осуществлять общее образование кадет в системе военно-учебных заведений, для чего предлагал разделить кадетские корпуса на два разряда – специальные и общие.

Свои мнения по обсуждаемому вопросу прислали также И.Ф. Андреевский, П.С. Ванновский, А.В. Головин, Н.В. Медем, А.С. Платов, К.Р. Сутгоф, В.Л. Шестаков и другие государственные и военные чиновники, представители прогрессивной научной мысли.

Например, инспектор военно-учебных заведений генерал К.Р. Сутгоф выступил противником кардинальных изменений в системе военно-учебных заведений. «Если наши учебные заведения отклонились от своего прямого назначения, – писал он, – то необходимо устраниТЬ причины столь печального явления, а не лишать правительства столь важного орудия, как кадетские корпуса. Военное начало ослабело в них оттого, что в последние годы все заботы начальства направлены на улучшение учебной части» [5, с. 103].

Более умеренную позицию в критике занимал ряд других военных деятелей, не выражавших столь открыто своих убеждений. К ним в первую очередь относились будущий военный министр – генерал П.С. Ванновский и генерал А.С. Платов.

П.С. Ванновский, в частности, поддерживая необходимость разделения в корпусах общего и специального образования, находил

неудобным передачу общего образования в Министерство народного просвещения. Это лишало, по его мнению, военное министерство возможности давать юношам право определять род своей деятельности. А профессор И.Ф. Андреевский, напротив, рекомендовал все общее образование сосредоточить в Министерстве народного просвещения, чем будет уничтожена «покупка» правительством у родителей будущих офицеров ценою образования и воспитания юношества в корпусах.

В защиту старой системы подготовки с ее чисто школьным образованием выступал генерал А.С. Платов. «Военная школа должна формировать характер юноши, его убеждения, а не давать практически готового деятеля, – писал А.С. Платов. – Его образует сама жизнь, как сфера общественной деятельности, дополняющая то, чего не может дать школа. Мнение же о перестройке в офицерах практической подготовки проникло так во все слои общества, что раздаются голоса за уничтожение старых рассадников нашего военного образования» [5, с. 107].

Генерал В.Л. Шестаков в своей записке обращал внимание на то, что «...военно-учебные заведения должны существовать не для словий и не с благотворительной целью, а для государственных потребностей» [3, л. 36].

Любопытно отметить анонимную записку, присланную в ходе дискуссии, комментируя которую главный начальник военно-учебных заведений великий князь Михаил Николаевич потребовал иметь в виду при рассмотрении в Особом комитете. Автор этой записи рекомендовал превратить кадетские корпуса в открытые военные гимназии, «курс которых должен быть шестилетним и по возможности приближен к курсу гимназии Министерства народного просвещения, однако, не принуждая окончивших их воспитанников к обязательному переходу в военные училища» [6, л. 8].

В другой анонимной записке отмечалось, что особенно плохо обстоит дело в корпусах с подбором воспитателей. «Это люди большей частью без всякого образования, умеющие едва читать и писать. Могут ли они быть после этого хорошими воспитателями и плодотворно действовать на молодое поколение? Конечно, нет. Оттого и наши воспитанники отличаются необходимостью и даже грубостью... Также воспитатели заботятся только о том, чтобы их рота

была хороша во фронте, чтобы хорошо была пригнана амуниция и вообще весь наряд. А провинится воспитанник, тогда его разругать, не стесняясь в словах, наказать, и дело сделано. Действовать же на его нравственную сторону, убеждать словами, собственным примером вежливости, ласкового обхождения, этого вы, пожалуй, нигде не увидите» [7, л. 10].

Несомненно, что записка была написана лицом, хорошо знавшим порядки в кадетских корпусах. Поэтому она правильно отражает существо поднятой проблемы.

Наряду с военными чиновниками, активное участие в обсуждении планов реформирования военно-учебных заведений приняли представители системы народного образования и, в частности, два сменивших друг друга Министра народного просвещения С.С. Уваров и А.В. Головин. Если первый ограничился рассмотрением частных вопросов взаимодействия общей и военной школ, то А.В. Головин представил обширный план преобразований в данном вопросе.

«Всеми уже признано, – писал он, – что основательное общее образование, развивающее в человеке общечеловеческие стороны, должно служить фундаментом каждого специального образования. Если государству важно иметь ученых, знающих свое дело – артиллеристов, инженеров, то еще более важно, чтобы эти артиллеристы и инженеры, прежде всего, были людьми с развитыми понятиями, с умом, способным обсуждать предметы зрело и всесторонне. Этот фундамент необходим для каждой общественной деятельности, и пока он не создан, никакие специальные познания не могут иметь условия для основательности и полноты» [7, л. 32]. А.Б. Головин также отмечал, что существующая система военного обучения в корпусах не дает возможности юношам свободно выбирать специальность. Отстаивая ведомственные интересы, Головин предлагал передать Министерству народного просвещения существующие кадетские корпуса и превратить их в общеобразовательные учебные заведения, обещая открыть на освободившиеся средства 10 университетов или 150 гимназий, или 428 прогимназий или 10 тысяч народных училищ. Ставяясь склонить к предлагаемой точке зрения главного Начальника военно-учебных заведений, А.Б. Головин ссылался на Н.И. Пирогова, Д.А. Милютина и других лиц. Однако вся аргументация Министра народного просвещения довольно ясно показывает его стремление

получить в распоряжение своего ведомства те 3 миллиона рублей, которые государство отпускало на кадетские корпуса.

Мнение А.В. Головина встретило возражения со стороны П.С. Ванновского, А.С. Воронова, чиновников штаба военно-учебных заведений. Против мнения Головина выступил Главный начальник военно-учебных заведений. На самой записке А.В. Головина Александр II наложил такую резолюцию: «В этой записке есть много справедливого, но не все. Военно-учебные заведения должны быть преобразованы и во многом сокращены, но о совершенном их упразднении и речи быть не может, я сего никогда не допущу» [8, л. 42–43].

Итоги дискуссии о судьбе кадетских корпусов подвел учрежденный под председательством Главного начальника военно-учебных заведений великого князя Михаила Николаевича 12 октября 1862 г. Особый комитет. Членами комитета стали: генерал-адъютант А.А. Баранцев, Ф.А. Гейден, Н.А. Крыжановский, генерал-лейтенанты В.И. Желтухин, А.И Веригин, тайные советники А.Ф. Потелье, А.С. Воронов, генерал-майоры К.П. Кауфман, Н.В. Корсаков, М.П. Кауфман П.П. Кипович, П.С. Ванновский, полковники Г.Г. Данилович, И.А. Бирилев, С.А. Слуцкий и надворные советники Э.Ф. Эвальд и И.Ф. Андреевский.

На заседании совета была вскрыта одна из объективных причин ухудшения военной и специальной подготовки кадетов. Она была связана, прежде всего, с тем, что развитие капиталистических отношений открыло для дворян новые виды деятельности в области промышленности, предпринимательства, «обещавшие более выгодную карьеру и лучшее вознаграждение за труд» [9, с. 123].

Снизилась престижность офицерской службы, она стала не выгодной в материальном отношении. Поэтому многие дворяне стали предпочитать гражданские школы и гимназии кадетским корпусам и военным училищам. В этой связи в период с 1855 по 1860 гг. существенно сократилось число своекоштных (обучающихся за свой счёт) воспитанников, уменьшилось также и количество казеннокоштных (обучающихся за казённый счёт) кадетов. Об этой тенденции можно судить на основании следующих данных. Так, в 1857 г. число своекоштных пансионеров в пяти ведущих кадетских корпусах – Первом, Втором, Павловском, Первом и Втором Московском – составляло 337 человек, а через три года (в 1860 г.) своекоштных кадетов осталось

164 человека, т. е. произошло сокращение более чем вдвое. Общее же число воспитанников кадетских корпусов в 1860 г. составляло 8016 человек, а в 1861 г. – уже 7641, т. е. лишь за год произошло сокращение на 4, 6 % [9, с. 207].

Особый комитет также акцентировал внимание на наиболее существенных недостатках в работе кадетских корпусов. К ним следует отнести:

- 1) смешение общего образования со специальным при наличии воспитанников различных возрастов;
- 2) ранняя военная специализация кадет, что нежелательно ввиду не сформированности характера и интересов воспитанников;
- 3) значительный объем учебных курсов и нескоординированность задач обучения и воспитания;
- 4) отсутствие в корпусах подготовленных воспитателей и существенное ухудшение в силу этого качества воспитательного процесса;
- 5) преждевременность применения к детям воинской дисциплины в полном объеме независимо от возраста жизненного и служебного опыта воспитанников.

Главный начальник военно-учебных заведений, рассмотрев представленные ему материалы, пришел к выводу о необходимости преобразовать военно-учебные заведения, сохранив за ними права готовить для армии офицеров. Предполагалось отделить специальные классы от общих. На базе первых создать военные училища, на базе вторых – военные гимназии.

За полтора месяца работы Особый комитет представил на утверждение Александру II основные положения будущей реформы:

- 1). Сохранить военно-учебные заведения с тем назначением, которое им ныне предназначено.
- 2). Число воспитанников в этих заведениях определить так, чтобы из них ежегодно поступало на службу от 400 до 500 офицеров.
- 3) Уменьшить число военно-учебных заведений, согласно с требованиями меньшей цифры выпуска из них в офицеры [10, с. 3].

Ко второй половине XIX века в Российской армии проявились противоречия, которые в специфическом преломлении отразили кризисные явления в обществе. Их частные аспекты объективно обусловили несоответствие сложившейся системы подготовки офицерских кадров, в том числе в ее первичном звене – в кадетских корпушах.

сах – тем задачам, которые выдвигались изменяющимися условиями. Вместе с тем проведенный анализ показал, что в эти годы вызревали предпосылки для их преодоления. Теоретические обоснования прогрессивных ученых и ориентация на них государственных и военных руководителей определили их преодоление на путях реформирования кадетских корпусов.

Таким образом, дискуссия о деятельности военно-учебных заведений была в основном завершена. Закончился и первый подготовительный этап в реформировании военно-учебных заведений России. Его итогом можно считать выявление реального положения в кадетских корпусах, определение потребностей армии в офицерах и их качествах, а также уточнение государственных возможностей для проведения в жизнь концептуальных замыслов по реформированию кадетских корпусов в рамках общей реформы военного образования. Дальнейшая работа перемещалась в практическую плоскость реальных преобразований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бондаренко В.Н. Становление и развитие кадетских корпусов в императорской России, XVIII – начало XX века, опыт, уроки : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – М., 1997. – С. 18–22.
2. РГВИА Ф. 725, оп. 56, д.5677, л. 78–80, 187.
3. РГВИА. Ф. 725, оп. 49, д. 2713 за 1862 год, л. 36.
4. РГВИА, Ф. 1 оп. 1, д. 1638, л. 312.
5. Наше военное воспитание // Русский вестник. 1891. Февраль-апрель. С. 103.
6. РГВИА. Ф.725, оп. 49, д. 5745 за 1862 г., л. 8.
7. Милютин Д.А. Дневниковые записи. РГБ. Д. 7846., л. 32. – М. : Ф. Милютина.
8. РГВИА. Ф. 5, д. 203 за 1864 г., л. 42–43.
9. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений. – СПб., 1880. Ч. 2. – С. 123.
10. Отчет главного управления военно-учебных заведений. – СПб., 1863. – С. 3.

УДК 82.09:271.2

Г.И Белькова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О «ЖИТИИ» СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Фонды Российской национальной библиотеки наиболее полно раскрывают образ Сергия Радонежского как одного из ярких выражителей русского идеала святости, в удивительном сочетании монашеской аскезы и общественного служения, отшельничества и общежительного монастырского устроения, мистики и политики, презрения к материальным благам и заботы об общественном монастырском хозяйстве.

Foundations of the National Library most fully reveals the image of St. Sergius of Radonezh as one of the clearest expressions ziteley-Russian ideal of holiness, in a surprising combination of monastic austerity and public service, and the cenobitic monastic seclusion dispensation, mysticism and politics, disdain for material things and concern for the public monastic economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агиографическая литература, древнерусские писатели, преподобные, святые, канонизация, автографы, сборники конвалают.

KEYWORDS: hagiographic literature, Old Russian writes, saints, canonization, autographs, collections konvalyut.

На Руси память преподобного чтили, и «Житие» его усердно переписывали и читали, поэтому сохранились сотни его списков. Но особенно интересна та рукопись, которая лежит у истоков традиции – автограф знаменитого мастера агиографии, искусного стилиста Пахомия Логофета.

Белькова Галина Ивановна, заведующая фондом редкой книги библиотеки Иркутского государственного университета путей сообщения

«Житие» преподобного Сергия Радонежского дошло до нас в сотнях списков в разных редакциях текста. Исследователи до сих пор ведут научную полемику о числе и соотношении редакций этого памятника древнерусской литературы. Чтобы определить место, которое занимает автограф Пахомия Логофета в рукописной традиции, кратко напомним историю текста «Жития».

Преподобный Сергий Радонежский умер 25 сентября 1391/1392 г. Через 26 лет (в 1417–1418 г.) ученик Сергия, инок, а впоследствии духовник Троицкого монастыря Епифаний Премудрый, написал его «Житие». Материалом послужили собственные воспоминания автора об учителе, а также рассказы других современников Преподобного.

Епифаний Премудрый известен как древнерусский писатель, в творчестве которого достиг наивысшего развития распространенный в то время стиль «плетения словес». Словесную ткань произведения составляли хитроумные переплетения цитат из Священного Писания и святоотеческой литературы с собственной речью автора, текст изобиловал искусно примененными литературными приемами, заимствованными у писателей Тырновской школы. Несмотря на панегирический характер, Епифаниево «Житие» содержало много фактических сведений о Преподобном. Завершалось оно рассказом о кончине Сергия Радонежского и не упоминало об обретении его мощей, которое произошло в 1422 г.

Труд Епифания в своем первоначальном виде в рукописной традиции не сохранился и дошел до нас в переработках, в «пересмотрах», выполненных другим известным писателем – Пахомием Логофетом [3].

Пахомий Логофет, родом серб, принявший монашеский постриг на Афоне, пришел на Русь в 30-х годах XV в. и продолжительное время прожил в Троице-Сергиевой лавре. Здесь он переписывал книги и составлял жития, большей частью основываясь на трудах предшественников. В 70-х гг. он жил в Великом Новгороде, где работал над составлением житий новгородских святых (Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского, Евфимия Новгородского и др.) [2]. Пахомий написал также Житие Кирилла Белозерского, несколько месяцев пробыв в Кирилловом монастыре и оставив еще один свой автограф в знаменитом сборнике книжника-энциклопедиста Ефросина. Пахомий прославился как искусный стилист – его произведения настолько

соответствовали агиографическому канону, что именно в его редакции многие жития русских святых вошли в Великие Минеи Четыи, составленные в XVI в. митрополитом Макарием, и переписывались в многочисленных четвых сборниках.

Как уже отмечалось, в 1422 г. были обретены мощи Преподобного Сергия Радонежского, что предшествовало канонизации святого. Вероятно, работа Пахомия Логофета по редактированию Епифаньевского «Жития» Сергия была связана с необходимостью приспособить текст для церковной службы: Пахомий сокращает написанное Епифанием произведение, опускает многие биографические детали, заменяя их общими, соответствующими агиографическому канону местами и библейскими цитатами, придающими повествованию парадный характер. Кроме того, на завершающем этапе своей работы Пахомий дополнил текст рассказом об обретении мощей Преподобного Сергия и последующих его чудесах [4].

Ранняя рукописная традиция «Жития» Сергия Радонежского позволяет сделать вывод о том, что Пахомий, старательно совершенствуя текст, создал несколько редакций «Жития» Сергия Радонежского.

Обобщая итоги текстологической работы многих исследователей, можно с уверенностью говорить по крайней мере о трех Пахомиевых редакциях. Все они сохранились в том или ином числе списков, однако среди этих списков не было известно ни одного авторского. Это определяет исключительное значение автографа Пахомия Логофета, который обнаружен в фондах Российской национальной библиотеки. Какое же место занимает этот памятник в истории текста «Жития»?

Исследование текста Пахомиева автографа показывает, что он имеет важные отличительные особенности. Безусловно, автограф относится к третьему этапу работы Пахомия над «Житием» Сергия, так как текст завершает повествование об обретении мощей преподобного и его чудесах, – первые две редакции этих дополнений еще не имеют. Очевидно, эти редакции, дошедшие в небольшом числе списков (наиболее ранний из них датируется серединой XV в.: в сборнике РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 746), были подготовительными. Именно в третьей редакции Пахомий реализовал свои замыслы относительно совершенствования текста, которые и выразил в своем авторском послесловии. Сравнение текстов трех Пахомиевых ре-

дакций позволяет увидеть, как автор оттачивал свое произведение: в третьей редакции он компонует предложения из фрагментов фраз то первой, то второй редакций, «соединяя» чтения, делая текст максимально стройным и логичным. С этой целью Пахомий отказывается от многих конкретных биографических деталей, которыми был насыщено жизнеописание, составленное предшественником – Епифанием Премудрым. Пахомий иногда даже переставляет эпизоды местами, пренебрегая хронологией событий. Все подчинено главной идее – дать неопровергимые свидетельства святости преподобного Сергия.

Третья Пахомиева редакция «Жития» Сергия представлена в рукописной традиции множеством списков – к настоящему времени их выявлено более сотни. Но и от них автограф отличается рядом характерных черт. Эти отличия позволяют предположить, что представленный автограф является наиболее ранним (по крайней мере, из сохранившихся) списком третьей редакции. Приведем очевидные примеры.

В автографе Пахомия многие киноварные подзаголовки написаны на полях – во всех последующих списках они уже внесены в текст. Переписывая текст набело, Пахомий все же вносил в него некоторую правку – в последующих списках находим вариант, соответствующий не первоначальному чтению, но авторской правке. В автографе Пахомия текст «Жития» не содержит точных дат смерти Сергия Радонежского, митрополита Алексия и др. – они появляются только на следующем этапе совершенствования текста: в наиболее раннем Троицком списке третьей редакции (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 116) даты поставлены на полях, а в последующих списках (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 136 и № 778) эти сведения внесены в текст [3].

Таким образом, авторский список «Жития» Сергия Радонежского – это, с одной стороны, итог продолжительной, отразившейся в двух ранних редакциях, работы Пахомия Логофета над жизнеописанием Сергия, а с другой стороны, – это только первый вариант Пахомиевой третьей редакции. Такое «промежуточное» положение авторского списка открывает достаточно редкую для памятников древнерусской письменности возможность проследить в существенных деталях развитие замысла писателя, проникнуть в творческую лабораторию одного из самых плодовитых агиографов Древней Руси.

Рукопись, сохранившая текст «Жития» Сергия Радонежского в автографе Пахомия Логофета, – это один из множества древнерусских четырех сборников. В своей совокупности они представляют многовековой путь развития русской литературы, предшествовавший ее расцвету в XIX веке. В большинстве главными книжными центрами на Руси были монастыри – именно там книги писали, «тиражировали» путем переписывания, бережно хранили. Преобладающая роль церковных, преимущественно монастырских библиотек – феномен древнерусской культуры. Наш сборник оказывается интересен не только содержанием, но и тем, что своей историей, насколько о ней можно судить по скучным фактам, он «связывает» три крупнейших книжных центра Древней Руси – Троице-Сергиеву лавру, Кирилло-Белозерский монастырь и Софийский собор Великого Новгорода [4].

Рукопись, о которой идет речь, является сборником-конволютом. Так называют рукописи, составленные из частей, переписанных разными писцами в разное время и зачастую в разных местах. В течение какого-то времени рукописи могли храниться и использоваться не переплетенными, «в тетрадях», то есть в том виде, в каком вышли из-под пера писца. Древнерусский писец сам готовил листы к письму: разлиновывал их для ровности строк, складывал в тетради, а также проставлял порядковый номер каждой тетради на первом ее листе, а иногда и на обороте последнего. Впоследствии, когда рукопись получала переплет – а это могло происходить спустя годы и даже десятилетия после написания текста, – нумерация тетрадей служила руководством для переплетчика.

Итак, наш сборник состоит из нескольких частей, о чем свидетельствует наличие в нем нескольких тетрадных нумераций. Основную часть сборника – Книгу сочинений Кирилла Иерусалимского, Никодимово евангелие, Житие Константина и Елены, Житие Иоанна Дамаскина – переписал в 1441 г. Олешко Павлов (или Палкин). Считается, что этот известный книжник был учителем Мартиниана Белозерского – последователя преподобного Ферапонта, основавшего Ферапонтов монастырь, всемирно известный сегодня своими фресками кисти Дионисия. К этой основной части «приплетены» дополнения – различные произведения, переписанные другими писцами, имена которых неизвестны. Среди дополнений и обнаружен уникальный автограф Пахомия Логофета.

Шесть тетрадей с текстом «Жития» Сергея Радонежского имеют свою нумерацию, простоявшую рукой Пахомия на лицевой стороне первого и обороте последнего листа каждой тетради. «Внешние» листы этой части (то есть первый лист первой тетради и оборот последнего листа последней тетради) загрязнены несколько больше, чем все остальные. Это говорит о том, что некоторое время рукопись Пахомия Логофета «жила» без переплета. Скорее всего, Пахомий написал этот текст в Троице-Сергиевой лавре. Это подтверждают данные исследования бумаги. На Руси в то время не было мануфактур, изготавливавших бумагу, – это был «импортный» и довольно дорогостоящий товар.

Средневековая бумага имеет водяные знаки, видимые на листе, если его посмотреть на просвет. Товарные партии бумаги с разными водяными знаками «расходились» в разные места. Это и позволяет в ряде случаев, когда имеется достаточный объем материала для исследования, подкреплять предположения о месте создания рукописи. Специальное исследование показало, что водяные знаки на листах с автографом Пахомия в других частях сборника не встречаются, зато такие же знаки обнаруживаются на бумаге рукописи сочинений Симеона Богослова, переписанной Пахомием Логофетом в 1442 г. в Троице-Сергиевом монастыре (шифр: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 180). Значит, это бумага, которая была в использовании в Троице-Сергиевом монастыре, где и работал Пахомий [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сапунов Б.В. Книга в России в 11–13 вв. / Б.В. Сапунов. – Л. : Наука, 1978. – 230 с.
2. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. – М. : Сергиев Посад, 2009. – 268 с.
3. Троицкие листы : духовно-нравственное чтение для народа [Электронный ресурс] – режим доступа : <http://ni-ka.com.ua/index> (дата обращения: 11.07.2014).
4. К 700-летию Сергея Радонежского: Интернет-ресурс РНБ [Электронный ресурс] – режим доступа: [www.NLR.ru](http://www.nlr.ru) (дата обращения: 11.07.2014).

УДК 329(57)(09)

В.А. Гук

Ю.А. НОЖИКОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПРИБАЙКАЛЬЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье рассматривается история взаимодействия губернатора Иркутской области Ю.А. Ножикова с политическими партиями Прибайкалья.

The article discusses the history of interactions of the Governor of Irkutsk region Y.A. Nozhikov with the political parties in the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая партия, партийная система, руководящая роль политической партии, оппозиционные партии.

KEYWORDS: political party, party system, leadership of a political party, the opposition party.

Юрий Абрамович Ножиков (17.02.1934 г. – 15.06.2010 г.) вошел в историю как один из первых в современной России всенародно избранных губернаторов (1994 г.); как глава региона, который жестко отстаивал интересы Иркутской области, за что и был отстранен (с последующим восстановлением) от должности президентом страны Б.Н. Ельциным; как глава региона, который первым из так называемой «региональной элиты» добровольно ушел в отставку (1997 г.).

Ю.А. Ножиков был верен слову, данному своим избирателям, работать на благо области, не покидая Иркутска: в начале 1990-х годов он отклонил предложения перебраться в Москву и возглавить Фе-

Гук Виктор Александрович, старший преподаватель кафедры «Таможенное дело и правоведение» Иркутского государственного университета путей сообщения

деральную энергетическую комиссию, занять должность заместителя председателя российского Совмина, стать членом Совета Федерации.

И народ Прибайкалья отвечал ему поддержкой. Как писала в «Сибирской газете» от 7 февраля 1992 г. журналист О. Баталина, «когда председателем Иркутского облисполкома стал Ножиков, это была своеобразная сенсация. Партийного стажа нет, чистый хозяйственник. Внешне он тоже не похож на своих предшественников: волосы взъерошены, речь нетрибунная. Его легче представить не в ковровом кабинете или на дипломатическом приеме, а на стройке или лесосеке. Ножиков быстро завоевал симпатии иркутян, стал своим. Но в то же время он приобретал и врагов. И каждое сражение с оппонентами только прибавляло ему авторитета в «низах». Если бы Ножикова не назначил главой президент, мы бы его выбрали сами» [1].

Последние слова стали пророческими: на выборах в 1994 г. Ю.А. Ножиков, набрав 78,16 % голосов избирателей, стал первым всенародно избранным губернатором Иркутской области. На выборах он поддерживался практически всеми политическими силами региона, кроме КПРФ, которая сделала ставку на вице-губернатора Б.Г. Алексеева (набрал 7,9 % голосов избирателей).

С момента введения альтернативных выборов Ю.А. Ножиков участвовал в четырех избирательных кампаниях: уровень доверия избирателей к нему никогда не опускался ниже 70 %.

В июне 1993 г., будучи главой администрации Иркутской области, он был избран заместителем председателя Союза губернаторов России, в сентябре 1994 г. в числе пяти руководителей субъектов Федерации вошел в состав Президентского совета – постоянно действующего консультативного органа при президенте РФ.

Несмотря на то, что Ю.А. Ножиков отошел от власти более 15 лет назад, интерес к его фигуре не угасает. Оценки его деятельности самые разные. И все же большинство жителей Прибайкалья считают его одним из самых ярких региональных лидеров в России в конце 20-го века.

В своем сообщении в преддверии 80-летия Ю.А. Ножикова пресс-центр Фонда сохранения памяти и развития наследия первого губернатора Иркутской области отмечает, что «Юрий Абрамович Ножиков вошел в историю как человек, который не допустил серьезных политических разногласий и социального взрыва в регионе, на какое-

то время заставивший общество сплотиться для решения насущных проблем. Он оказался самым значительным иркутским политиком последних лет, завоевавшим известность и уважение и за пределами области» [2].

Социологические исследования до сих пор показывают высокий рейтинг доверия к Ю.А. Ножикову, он остается самым популярным губернатором в истории современной Иркутской области [3].

Из всех иркутских губернаторов партийная составляющая в биографии Ю.А. Ножикова вызывает наибольший интерес.

С 1961 г. по август 1991 г. он являлся членом КПСС. Являясь коммунистом, имел свою, отличную от официальной, точку зрения на руководящую роль партии в советском обществе. «6-я статья Конституции о руководящей роли партии, – писал он, – я считаю, не нужна. Я против неё. Я коммунист, но я считаю, что руководящая роль партии определяется не декларацией о её руководящей роли, а конкретными делами» [4].

Будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, на сессиях он выступал за поправки к Конституции, в том числе и за отмену 6-й статьи (руководящая роль КПСС): «Я считаю, авторитет партии, к которой я сам принадлежу и за которую искренне сегодня болею, должен доказываться реальными делами. Декларировать его в Конституции просто нелепо... Положение о руководящей роли партии должно быть исключено из акта закона, а у нас, коммунистов, надеюсь, хватит сил завоевать авторитет на практике, и в первую очередь, в Советах» [5].

По взглядам Ю.А. Ножикова, «если организация претендует на руководящую роль в обществе, то должна быть определена и правовая ответственность, адекватная этой роли. У нас же пока все наоборот: при всех разговорах о передаче полноты власти Советам, обязанности у них реальны, а права лишь эфемерны. И потом, что означает фраза «Закреплена руководящая роль»? Роль, мне кажется, должна даваться и закрепляться в театре, в обществе они завоевываются и отстаиваются. В новом составе областного Совета буду решительно выступать прежде всего за то, чтобы кадры Советов были выведены из партийной номенклатуры» [6].

Понимание Ю.А. Ножиковым роли политической партии в обществе проявилось в следующем факте. В 1984–1988 гг. он был начальником управления и затем генеральным директором объединения

«Братскгэсстрой». Однажды на устранение одной городской аварии надо было привлечь строителей «Братскэнергостроя». Он попросил для этого решения Совета народных депутатов или исполкома. Зачем, ответили ему, есть же решение горкома партии. «Горком, – настаивал Ножиков, – общественная организация, а мне нужно решение советского органа, документ, имеющий юридическую силу» [6]. Его мнение вызвало тогда серьезное раздражение. Огромное количество руководителей этого сказать не могли, да и не хотели попросту, а уж потребовать тем более.

Будучи председателем облисполкома, Ю.А. Ножиков участвовал в работе бюро обкома КПСС. На одном из заседаний бюро обкома партии при принятии очередного решения поднял руку и сказал: я не согласен, – в зале наступила мертвая тишина [7]. Такое поведение выбивалось из общепринятого: решения в ту пору принимались, как правило, единогласно. И в этом был весь Ножиков: если он имел свое мнение, он его всегда высказывал.

После прекращения деятельности КПСС Ю.А. Ножиков был сопредседателем партии Всероссийский союз «Обновление» (1992–1993 гг.), с июня 1992 г. был членом политко-консультативного совета «Гражданского Союза». Баллотировался в Совет Федерации первого созыва (1994–1996 гг.) при поддержке «Выбора России» и «Гражданского союза».

Среди своих основных задач на посту губернатора он называл консолидацию общества.

Ю.А. Ножиков считал своей обязанностью поддерживать диалог с оппозицией в любом формате. «Для объективной оценки политической и экономической ситуации, решений, принимаемых правительством и руководством области, необходимо знать и учитывать точку зрения людей, находящихся в оппозиции, – отмечал он в своей телеграмме главам муниципалитетов. – Свою точку зрения они высказывают прессе, которая поддерживает их позицию. К таким изданиям среди прочих относится и газета «Правда». Считаю необходимым рекомендовать всем главам администраций городов, районов с должным вниманием относиться к газетам оппозиционного толка, регулярно читать их» [8].

Многочисленным политическим партиям он уделял не только особое, но и равное внимание, потому что они, несмотря на порой

полярную идеологию, представляли интересы определённой части избирателей. «Это была одна из самых сильных сторон деятельности Юрия Абрамовича как политика, – отмечает Л. М. Дамешек, в 90-е годы председатель комитета по связям с общественными организациями, партиями и СМИ областной администрации. – Никто из членов оппозиционных партий тех лет не может сказать, что администрация Ю.А. Ножикова препятствовала их работе» [9].

Вместе с тем идиллии в отношениях губернатора Ю.А. Ножикова с региональными политическими партиями не было.

После VIII Съезда народных депутатов (март 1993 г.) для обсуждения ситуации, сложившейся в стране, впервые за одним столом собрался весь политический спектр Приангарья. Он был весьма поляризован. На одном фланге – структуры Фронта национального спасения (лидеры В. Котляров, А. Романов, А. Турик) и компартии (С. Левченко, В. Игнатов, С. Паюк), с другой – региональный центр блока «Демократический выбор» (Владимир и Петр Воронины, И. Калиниченко, Ю. Шевелев, Е. Иофин). В ходе встречи Ю. А. Ножиков подчеркивал свою беспартийность. Вместе с тем после обсуждения пути Ножикова и демократов впервые за четыре года разошлись. Демократы обвинили его в симпатиях к ФНС – КП [10]. Это стало основанием для признания Иркутским Христианско-Демократическим Союзом, Иркутской организацией Республиканской партии России, Иркутским молодежным объединением демократических реформ обоснованности отстранения Ю.А. Ножикова от должности главы областной администрации в марте 1993 г. [11].

В 1996 г. депутаты Законодательного Собрания приняли решение о продлении полномочий на два года. Подписал соответствующую поправку к Уставу и губернатор. Против выступили не только оппозиционные КПРФ и ЛДПР, но и СПП (с которым Ю.А. Ножиков активно сотрудничал), и депутаты Государственной Думы от области. Попытки губернатора настоять на своем успехом не увенчались. Более того, депутат А.В. Романов обжаловал решение Законодательного Собрания в суде. И областной суд признал изменения Устава области в отношении полномочий регионального парламента незаконными.

В преддверие апрельского 1993 г. референдума руководители исполнительной и представительной власти области и города (Ю.А. Ножиков, В.В. Игнатенко, Б.А. Говорин) держались в сто-

роне. Агитация была отдана почти целиком общественным организациям. У молодых партий и движений появилась возможность показать себя, хотя сделать это было весьма проблематично. Как отмечал Ю.В. Пронин, в начале 1990-х годов входивший в руководство Иркутского областного отделения движения «Демократическая Россия», «часть населения до сих пор ориентируется на отдельных политических лидеров и для нее одно слово, к примеру, Ножикова, весомее двухнедельной работы всех партий вместе взятых» [8]. Данная оценка свидетельствует о значительной роли главы региона в политической жизни Прибайкалья.

В выступлениях, интервью, воспоминаниях первый иркутский губернатор много внимания уделял вопросам становления партийной системы в России. Он отмечал, что «для нормальной политической системы нужны партии. Обязательно. Не дело, когда ответственность несет один человек. Ушел человек – и что же, все упало? Никто за дело не отвечает? А нужно чтобы за него несла ответственность политическая организация. Как бы нам ни обрызда советская система, какие бы она эмоции ни вызывала, но партии должны быть. Конечно, среди них обязательна конкуренция. Однопартийная система никуда не годится» [12].

При Ю.А. Ножикове важную роль в областной политике занимал Союз промышленников и предпринимателей. Союз ориентировался на Объединенную промышленную партию. В целом партийные организации Прибайкалья в 90-е годы были малочисленными и маловлиятельными. В конце 1993 г. ряд общественных организаций Прибайкалья обратились к областным властям с заявлением [13], в котором содержится предложение о формировании части депутатского корпуса областного законодательного собрания по пропорциональной избирательной системе.

В связи с этим глава администрации Иркутской области Ю.А. Ножиков ответил: «Политическим организациям и общественным объединениям нашей области, прежде чем настаивать на пропорциональной системе, стоило бы подумать и трезво оценить свои ряды и возможности. Немаловажен и такой вопрос: не приведет ли предвыборное соперничество малочисленных ячеек некоторых партий к излишней конфронтации, к дестабилизации социально-политической обстановки в регионе?» [14].

В 1996 г. перед выборами Президента РФ, давая оценку российской партийной системе, отмечал, что не видит такой партии, которая бы взяла на себя ответственность за развитие общества [15]. По его взглядам, новые партии, созданные вскоре после краха КПСС, пока ещё не набрали силу. Он отмечал, что в большинстве политических движений явно просматриваются отголоски правящей в СССР партии. Похожую оценку Ю.А. Ножиков давал и возникшей в 2001 г. партии «Единая Россия». «Единую Россию», к которой отношусь нормально, я и вовсе называю возрождённой КПСС. Когда компартия лопнула, многие толковые и знающие своё дело люди остались не у дел. Возникли НДР, ОВР и прочие, куда этот люд и направил свои стопы. Сегодня они – единороссы. Многие из них вступили в «Единую Россию» не по убеждениям, а по принуждению или из боязни потерять насиженное место...» [16].

Оценивая институт назначения губернаторов (2007 г.), он отмечал, что «у нас ведь до сих пор не создана партийная система. Выдвижение и выборы должностных лиц не предусматривают ответственности перед партией. Поэтому на определённом этапе институт назначения губернаторов, возможно, и оправдан. Но дело это опасное, потому что может остаться надолго. Поэтому, оценивая все за и против, я бы отнёс отмену губернаторских выборов к минусам. Я – за выборность и большую ответственность избранников народа перед населением» [17].

Вместе с тем Ю.А. Ножиков отмечал, что «для выборности должна быть сформирована полноценная партийная система. Нельзя просто так избрать человека, который что-то собой представляет. А если по какой-то причине он уйдёт с должности, кто понесёт ответственность за его работу, кто возьмёт на себя этот крест? За его спиной в любом случае должна стоять партия, которая продолжит начатое дело. Этот механизм применяется во всех странах, где есть политические партии. В нашей стране партийная система находится пока в зачаточном состоянии. Политические силы в России построены главным образом на личностях, а не на программных основах, как это должно быть» [18].

Ю.А. Ножиков всегда был верен своей политической позиции, которую обозначил еще в сентябре 1991-го, сразу после назначения главой администрации: «Я не мыслю работу администрации вне

взаимодействия с депутатами. Какие бы полномочия ни придавала центральная власть главе администрации, я считаю, что администрация должна согласовывать свои действия в первую очередь с постоянными комиссиями депутатского корпуса» [19]. А это требовало от губернатора уважительного отношения ко всем политическим силам региона.

Уже после завершения активной политической деятельности Ю.А. Ножиков заявлял: «Сам я социал-демократ по своей натуре, поскольку не отношусь к классу собственников» [20]. Он призывал иркутских коммунистов отбросить свои догмы и вернуться к социал-демократическим принципам и обещал свою поддержку.

На выборах в Законодательное Собрание Иркутской области в 2008 г. Ю.А. Ножиков поддержал «Справедливую Россию».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Страницы жизни Юрия Ножикова // URL:<http://www.ismi.ru/vsg/index.php?IDE=5219>.
2. К юбилею Юрия Ножикова // URL:<http://altairk.ru/new/policy/k-yubileyu-yuriya-nozhikova>.
3. В рейтинге губернаторов Иркутской области лидируют Ножиков и Ерощенко // БАБР. RU. Региональный портал. URL:<http://chunatown.com/?IDE=122794>.
4. Чернышов А. Скончался первый губернатор Иркутской области Юрий Ножиков // URL: <http://nts-tv.ru/?q=node/27838>.
5. Восточно-Сибирская правда. – 1989. – 26 декабря.
6. Сапронов Г. Этот «странный» Ножиков // Восточно-Сибирская правда. – 1990. – 1 марта.
7. Память о настоящем человеке // Байкальские вести. 2014. 24 февраля.
8. Пронин Ю. Как Руцкой про свеклу, так Романов про мороженое. А Меринов воздержался // Демократический путь России. – 1993. – 23 апреля.
9. 80 фактов из жизни Юрия Ножикова // URL:<http://angvremya.ru/society/31735-pervyyu-navsegda.html>.
10. Мартов Л. Начинается крен // Демократический путь России. – 1993. – 26 марта.
11. Демократическая партия России. – 1993. – 26 марта.
12. Матисон О. Юрий Ножиков: о времени, о людях, о себе // Агентство «Телеинформ». 2006. 3 февраля. URL:<http://ismi.ru/vsg/index.php?IDE=1269>.
13. Восточно-Сибирская правда. 1993. 11 ноября.
14. Как будем выбирать? // Восточно-Сибирская правда. -1993. - 21 декабря.
15. Ножиков Юрий Абрамович // URL:<http://baikalarea.ru/irkutsk/peoples/nojikov/>.
16. Лаховский А. Первый губернатор: десять лет назад // Информационный центр «БАБР.РУ» URL:<http://news.babr.ru/?IDE=36273>.

17. Вырупаева Е. Юрий Ножиков: Счастье – это миг победы. URL:<http://news.babr.ru/?IDE=42912>.
18. Лаховский А. Первый губернатор: десять лет спустя URL:<http://news.babr.ru/?IDE=36273>.
19. Юрий Ножиков. Из жизни народного губернатора Приангарья URL:http://irkikipedia.ru/content/yuriy_nozhikov_iz_zhizni_narodnogo_gubernatora_priangarya.
20. Матисон О. Юрий Ножиков: о времени, о людях, о себе // Агентство «Телеинформ». 2006.3 февраля. URL:<http://ismi.ru/vsg/index.php?IDE=1269>.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9.07

В.А. Чичкалюк, И.В. Козина, Н.А. Тетерина

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ 1-ГО КУРСА К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ (обзор и результаты исследования)

В статье анализируется актуальная проблема организации воспитательной работы со студентами первых курсов, рассмотрены условия для создания успешной адаптации молодых людей к самостоятельной жизни, к ценностям, организации учебной деятельности. Освещены основные трудности адаптационного процесса выпускников школ к вузовской деятельности. Изложение иллюстрируется результатами психологических исследований студентов первых курсов Иркутского государственного университета путей сообщения. данными исследований

The article analyzes the actual problem of the organization of educational work with first-year students, we consider the conditions for creating a successful adaptation of young people for independent living, the values, the organization of training activity. Highlights the major challenges of the adaptation process of school leavers to university activities. The presentation is illustrated by the results of psychological researching first-year students of Irkutsk State University of Railway Transport.

Чичкалюк Валерий Александрович, начальник Центра оценки и мониторинга персонала ИрГУПС, к.м.н., доцент

Козина Ирина Валерьевна, заведующая лабораторией социолого-психологических исследований ЦОМП

Тетерина Наталья Александровна, психолог ЦОМП

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: воспитательный процесс, адаптация, адаптивность, социальная адаптация первокурсников.

KEYWORDS: educational process, adaptation, adaptability, social adaptation of first-year students.

Категория адаптации относится к числу наиболее общих понятий, определяющих связь живого организма со средой. Введенное в 1865 г. Аубертом для обозначения изменения чувствительности при длительном воздействии адекватного раздражителя, оно стало одним из центральных понятий в науках о жизни: философии, физиологии, медицине, психологии. Существует много определений феномена адаптации. В обобщенном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий [2].

Большинство исследователей специфику адаптации человека видят в его способности активного сознательного воздействия на окружающую среду, а мерой индивидуального здоровья считают свойство каждой живой системы адаптироваться к окружающим условиям. Исследователи валеологической ориентации И.И. Брехман и А.Г. Щедрина придерживаются мнения о здоровье как индивидуальном качестве, которое определяется как способность «сохранять соответствующую возрасту устойчивость в условиях резких изменений количественных и качественных параметров потока сенсорной, вербальной, структурной информации» [2].

По мнению М.А. Гилинского, эффективность приспособления индивида к меняющимся условиям среды обеспечивается не только возможностями специфических систем организма, несущих бремя гомеостатических регуляций, но и «способностью центральных механизмов формировать на основе накопленного опыта оптимальную стратегию реагирования». Качество адаптивной реакции зависит от активности ряда систем мозга, выполняющих интегративные и регуляторные функции на пути от запускающего адаптационный процесс стрессора, до комплекса реакций. Необходимыми компонентами физиологических адаптаций являются также привыкание и фиксация адаптивного навыка. Привыканию отводится роль основного пути приспособления организма к среде. Существует гипо-

теза о наличии особой формы вегетативной памяти [2]. Успешность формирования адаптивных навыков в поведенческих моделях в высокой степени определяется эмоциогенностью предъявляемых раздражителей.

Адаптация как процесс приспособления живых организмов к тем или иным условиям существования или к меняющимся условиям среды включает в себя все виды приспособительной деятельности организмов на клеточном, системном и организменном уровнях.

По Ф.З. Меерсону, фенотипическая адаптация есть процесс, в результате которого «организм получает возможность жить в условиях ранее не совместимых с жизнью или решать ранее неразрешимые задачи» [3].

А.А. Ильюченок выделяет несколько важных аспектов участия эмоций в адаптации. Эмоция может компенсировать отсутствие специализированной реакции для достижения цели. Вместе с тем, эмоции могут форсировать течение не только энергетических, но и информационных процессов, ускоряя процедуру адекватной программы действий. Эмоции способствуют также запоминанию и использованию приобретаемой информации, формируя «метки» приоритетных сигналов [1].

Наконец, упоминается и дезорганизующая роль эмоций, благодаря которой могут пострадать целесообразные процессы. Любой новый раздражитель достаточной интенсивности приводит к появлению различных признаков стрессорной реакции. Изменения при эмоциональном стрессе активности катехоламинов, стероидов и гормонов белково-пептидной природы специфически влияют на процесс формирования системно-структурного следа, составляющего основу адаптации [2].

По мнению некоторых авторов, психическая адаптация – это всегда регуляция в состоянии стресса, тенденции функционирования системы целеустремленной, определяемые соответствием или несоответствием ее целей и достигаемых в ходе деятельности результатов. Адаптивность выражается в их согласованности. Различия в трактовке целей функционирования системы обусловливают различные варианты возможной направленности адаптации:

- вариант гомеостатический – адаптивный исход состоит в достижении равновесия;

• вариант гедонистический – адаптивный исход состоит в наслаждении, избегании страданий;

• вариант прагматический – адаптивный исход состоит в практической пользе, успехе и пр. [2].

Неадаптивность – это также особый мотив, направляющий развитие личности и проявляемый в активности надситуативной в специфической привлекательности действий с заранее непредрешенным исходом. Предметом влечения становится сама граница между противоположными исходами действия, сама возможность взаимоисключающих исходов [1].

Потребность в адаптации у человека возникает тогда, когда он начинает взаимодействовать с какой-либо системой в условиях определенного рассогласования с ней, что порождает необходимость изменений. Эти изменения могут быть связаны с самим человеком или системой, с которой он взаимодействует, а также с характером взаимодействия между ними. То есть пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды, при которой привычное для него поведение оказывается малоэффективным или вообще неэффективным, что порождает необходимость в преодолении затруднений, связанных именно с новизной условий.

Обобщая вышеуказанные точки зрения, можно сделать вывод о том, что адаптивность – способность человека осуществлять адаптационные перестройки и приспосабливаться к изменяющимся условиям и характеру деятельности. Адаптивность – это выносливость, высокая работоспособность, устойчивость к болезням и другим факторам внешней среды. Адаптивность зависит от уровня здоровья, но может рассматриваться и как мера здоровья, как мера резервных возможностей организма. Это свойство организма, вероятно, не имеет специфики, т. е. мало зависит от действующего фактора. Под адаптацией в широком смысле понимается процесс приспособления организма к новым для него условиям функционирования. Это явление естественно для живых систем.

Проблема адаптации студентов-первокурсников представляет собой одну из важных общетеоретических проблем и до настоящего времени является традиционным предметом дискуссий, так как известно, что адаптация молодежи к студенческой жизни – сложный и многогранный процесс, требующий вовлечения социальных и био-

логических резервов еще не до конца сформировавшегося организма. Актуальность проблемы определяется задачами оптимизации процесса «вхождения» вчерашнего школьника в систему внутривузовских отношений.

Ускорение процессов адаптации первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, исследование психологических особенностей, психических состояний, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление педагогических и психологических условий активизации данного процесса являются чрезвычайно важными задачами.

При этом специфика процесса адаптации студентов в вузах определяется различием в методах обучения в средней и высшей школах. Так, например, первокурсникам недостает навыков и умений, которые необходимы в вузе для успешного овладения программой. Попытки компенсировать это усидчивостью не всегда приводят к успеху. Проходит немало времени, прежде чем студент приспособится к новым требованиям обучения. Отсюда зачастую возникают существенные различия в деятельности, и особенно в ее результатах, при обучении одного и того же человека в школе и вузе. Кроме того, слабая преемственность между средней и высшей школой, своеобразие методики и организации учебного процесса в вузе, большой объем информации, отсутствие навыков самостоятельной работы вызывают большое эмоциональное напряжение, что нередко приводит к разочарованию в выборе будущей профессии. Отсюда и низкая успеваемость на первом курсе, непонимание и, возможно, непринятие условий и требований вуза [1].

В результате неадекватных подходов к организации педагогического процесса, направленного на решение задач адаптации студентов, несогласованности действий преподавателей, недостаточного внимания к решению этой проблемы со стороны руководителей, студенты адаптируются к учебному процессу довольно сложно. В педагогике недостаточно раскрыты причины психолого-педагогического характера, вызывающие трудности овладения студентами специфической учебной деятельностью, а также обеспечивающие социально-психологическую адаптацию студентов к учебной деятельности. Между тем, в эффективной адаптации к вузу заинтересованы все участники образовательного процесса: не только сами студенты первого курса,

са, но и работающие с ними преподаватели и сотрудники, руководство факультетов и вуза. Успешное начало обучения может помочь студенту в его дальнейшей учебе, позитивно повлиять на процесс построения отношений с преподавателями и товарищами по группе, привлечь к нему внимание организаторов научных студенческих обществ и лидеров различных творческих коллективов и объединений студентов, активистов факультетской и вузовской общественной жизни. От успешности адаптации студента к образовательной среде вуза во многом зависят дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста.

В адаптации условно выделяют 3 типа: физиологическую, социальную и биологическую. Состояние здоровья студентов определяется их адаптационными резервами в процессе обучения.

В литературе предложена классификация студентов по уровню адаптации в зависимости от степени сформированности, развитости, устойчивости функционирования когнитивных, мотивационно-волевых, социально-коммуникативных связей обучающихся в образовательной среде вуза:

- неадаптированные (низкий уровень), характеризующиеся несформированностью связи хотя бы в одном из выделенных направлений и неустойчивостью функционирования связей;
- среднеадаптированные (средний уровень), для которых характерна сформированность всех типов связей при отсутствии их устойчивости или наличие хотя бы одной устойчивой связи, в то время как другие связи могут быть еще даже не сформированы;
- адаптированные (высокий уровень), отличающиеся сформированностью всех связей, и при этом хотя бы в одном направлении наблюдается устойчивое функционирование связи [2].

Исследователи констатируют наличие многофакторной детерминированности процесса адаптации и то, что на разных этапах обучения он определяется структурной перестройкой психологических факторов, его обуславливающих. Каждому преподавателю высшего учебного заведения из собственного опыта известно, что работа с учащимися первых курсов, педагогическое общение с первокурсниками имеет свои отличительные особенности. Это обусловлено как психофизиологическими особенностями возраста, так и социальными факторами.

Выделяют три блока факторов, оказывающих влияние на адаптацию к обучению в вузе: социологический, психологический и педагогический. К социологическим факторам относятся возраст студента, его социальное происхождение и тип образовательного учреждения, которое он уже закончил. Психологический блок содержит индивидуально-психологические, социально-психологические факторы: интеллект, направленность, личностный адаптационный потенциал, положение в группе. Педагогический блок факторов влияния на адаптацию включает в себя уровень педагогического мастерства, организацию среды, материально-техническую базу и др. [2].

Степень социальной адаптации первокурсника в вузе определяет множество факторов: индивидуально-психологические особенности человека, его личностные, деловые и поведенческие качества, ценностные ориентации, академическая активность, состояние здоровья, социальное окружение, статус семьи и т. д. Следует отметить, что адаптационный процесс необходимо рассматривать комплексно, на различных уровнях его протекания, т. е. на уровнях межличностных отношений, индивидуального поведения, психофизиологической регуляции. Решающую роль в этом ряду имеет собственно психическая адаптация, которая в значительной мере оказывает влияние на адаптационные процессы, осуществляющиеся на иных уровнях.

Т.И. Попова выделяет в адаптации личности студента-первокурсника и соответственно учебной группы, в которую он входит, к новой для него социокультурной среде вуза следующие стадии:

- начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды вуза и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;
- стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;
- аккомодация, т. е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социокультурной средой;
- ассимиляция, т. е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды [4].

Для успешной адаптации студента-первокурсника необходим индивидуальный подход к каждому. Это должен быть основной принцип работы. Актуально проведение различных мероприятий, на которых студенты посредством несложных игр ближе знакомились бы друг с другом, учились общаться, находить общий язык с однокурсниками и со студентами старших курсов. Конечно, главным в адаптации остается личность студента, его способности, умение и желание приспосабливаться к новым условиям. И здесь большую роль будет играть самостоятельная, творческая работа студента. Задачей учебного заведения является, прежде всего, не только дать профессиональные знания и сформировать умения, но и научить «вжиться», полюбить выбранную профессию, помочь будущему специалисту «войти» в реальные производственные условия. Поэтому и помочь должна осуществляться всеми подразделениями вуза (учебными, научными, общественными) на основе их взаимодействия.

Таким образом, выявление трудностей у студентов и определение путей их преодоления позволит повысить академическую активность студентов, успеваемость и качество знаний. В результате реализации личностного адаптационного потенциала в процессе адаптации достигается определенное состояние личности – адаптированность как результат, итог процесса адаптации.

Одна из причин сильного стресса для студентов 1-го курса – сессионный период, окрашенный яркими эмоциями и сопряженный с необходимостью постоянной мобилизации и повышенного самоконтроля обучаемых. Экзаменационный стресс занимает одно из первых мест среди причин, вызывающих психическое напряжение у студентов высшей школы. Очень часто экзамен становится психотравмирующим фактором, оказывающим негативное влияние на нервную, сердечно-сосудистую и иммунную систему студентов [8].

К неблагоприятным факторам подготовки к экзаменам можно отнести: интенсивную умственную деятельность, повышенную статическую нагрузку, крайнее ограничение двигательной активности, нарушение режима сна, эмоциональные переживания, связанные с предстоящей сдачей экзаменов. Исследования показали, что во время экзамена значительно повышается частота сердечных сокращений, возрастают артериальное давление, уровень мышечного и психоэмо-

ционального напряжения. Отмечено, что после сдачи экзамена физиологические показатели не сразу возвращаются в норму, требуется несколько дней, чтобы эти параметры вернулись к исходным величинам. Следовательно, экзаменационный стресс представляет собой серьезную угрозу здоровью студентов [6, 8].

В то же время учеными отмечается, что экзаменационный стресс не всегда носит вредоносный характер. В определенных ситуациях психологическое напряжение может иметь стимулирующее значение, помогая учащемуся мобилизовать все свои знания и личностные резервы для сдачи экзамена. Так, по мнению В.И. Мельникова, следует оптимизировать (корректировать) уровень экзаменационного стресса у сверхтревожных студентов с чрезмерно лабильной психикой и, возможно, повышать у инертных, маломотивированных студентов высшей школы [5].

Практические методы коррекции негативных эмоциональных состояний, вызванных экзаменационным стрессом, основываются, как утверждают Е.А. Соколов, В.И. Мельников, на следующих положениях: адаптация протекает на всех уровнях организации человека, в том числе в психической сфере; психическая адаптация является центральным звеном в общей адаптации человека, поскольку именно характер психической регуляции определяет характер адаптации в целом [6]. Авторами отмечено, что очень часто неблагоприятные последствия возникают у студентов не из-за самих случаев, а из-за реакции на них. Основными способами выхода из напряженной ситуации являются, по мнению исследователей: изменение или ликвидация проблемы; уменьшение воздействия проблемы за счет смещения точки зрения на другой объект, более приятный; облегчение воздействия стресса с помощью практических методов коррекции; правильный выбор момента для принятия решения или реализации своего плана; правильная оценка происходящего события [6].

Практикой установлено, что снижению психоэмоционального напряжения в значительной степени способствует способность к релаксации. Возможность расслабляться, психологически влиять на мышечный тонус является важнейшим условием снятия возбуждения, вызванного тревожностью. Показано, что методами релаксации являются: нервно-мышечная релаксация, произвольная регуляция дыхания, медитация, аутогенная тренировка [7]. Поведенческие ме-

тоды коррекции стрессового состояния личности используются для формирования нового стереотипа поведения, которого ранее не было в деятельности человека. Поведенческие методы коррекции способствуют формированию новых социальных умений, овладению психологическими приемами саморегуляции, преодолению вредных привычек, избавлению от эмоциональных травм.

В.И. Мельников отмечает, что при подготовке к экзаменам студенту следует улучшить питание, оно должно способствовать восстановлению витаминной недостаточности. При сильном воздействии на эмоциональное состояние обучаемого предстоящих экзаменов ему следует обратиться к врачу, осуществить прием фармакологических средств по его назначению [5]. Эффективность действий методов коррекции на свое эмоциональное состояние студент может определить через самонаблюдение. Саморегулирование поведения осуществляется через процессы, которые вводятся в действие самой личностью и поддерживаются ею, т. е. через когнитивные способы поведения. Прогноз стрессовых реакций студента на процедуру экзамена невозможен без детальной проработки как физиологических, так и психологических составляющих экзаменационного стресса с обязательным учетом индивидуальных личностных особенностей [5].

В работе И.Н. Меньшиковой отводится особая роль психологическим службам вузов. Автор отмечает, что очевидным становится тот факт, что студентам, переживающим экзаменационный стресс, необходима помошь специалистов, владеющих психологическими знаниями. Сегодня такая помощь реальна и она может осуществляться через психологические службы вуза. Представители службы могут наиболее полно представить информацию, отражающую особенности развития каждого студента и социально-психологические процессы и явления, возникающие в студенческом коллективе в связи с адаптацией к обучению. Помощь психологической службы направлена на поддержку и содействие процессу личностного и профессионального становления студента и обеспечения ему комфортности в учебной деятельности. В настоящее время достаточно актуальным является поиск оптимальных методов психологической коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний студентов. Часто для снятия личностных и социальных стрессов студенты используют алкоголь,

никотин или фармакологические средства. И.Н. Меньшикова отмечает, что в настоящее время не существует специальных программ, реализуемых в вузах, которые были бы направлены непосредственно на помочь в адаптации студентов к стрессовым воздействиям экзаменационных сессий [4].

Экзаменационный стресс занимает одно из первых мест среди причин, вызывающих психическое напряжение у студентов высшей школы. Прежде всего, переживая стресс в период первой сессии в вузе, студенты сталкиваются с более интенсивной умственной деятельностью по сравнению с теми нагрузками, которые были в школьном периоде, с повышенной статической нагрузкой. Студенты во время сессии оказываются в условиях крайнего ограничения двигательной активности, нарушения режима сна, эмоциональных переживаний, связанных с предстоящей сдачей экзаменов.

После сдачи экзамена физиологические показатели у студентов не сразу возвращаются в норму. Для приобретения исходных величин требуется несколько дней. Вот почему экзаменационный стресс представляет собой достаточно серьезную угрозу здоровью студентов. Необходима специальная психологическая помощь, в основе которой лежат методы коррекции негативных эмоциональных состояний, вызванных экзаменационным стрессом. К ним относятся: развитие способности к релаксации, поведенческие методы коррекции стрессового состояния личности, которые используются для формирования нового стереотипа поведения. Исходя из этого, огромная роль отводится психологическим службам вуза, которые призваны оказывать поддержку и содействие процессу личностного и профессионального становления студента и обеспечивать ему комфортность в учебной деятельности. При этом актуальной остается проблема поиска оптимальных методов психологической коррекции неблагоприятных эмоциональных состояний студентов.

В связи с этим, на наш взгляд, необходима разработка специальных программ по профилактике и коррекции экзаменационного стресса у студентов.

Полученные результаты анкетного опроса студентов 1-го курса ИрГУПС 2012/2013 учебного года после завершения первой сессии позволили нам выделить соответствующие группы студентов по степени адаптированности.

Большую часть студентов (61 %) мы отнесли к 1-й группе адаптации, для которой свойственно отсутствие трудностей с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, дисциплиной, представителям которой не свойственны пристрастия к вредным привычкам, у них достаточно высокая степень удовлетворенности выбранной профессией.

Ко 2-й группе относится примерно 33 % студентов. Эти студенты испытывают незначительные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, дисциплиной. У них имеются незначительные пристрастия к вредным привычкам, проявляются некоторые сомнения по отношению к выбранной профессии.

К 3-й группе относится всего 5 % студентов ИрГУПС. Это относительно небольшая группа, студенты которой испытывают достаточно выраженные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, дисциплиной, характеризуются выраженным пристрастием к вредным привычкам и имеют выраженную тревогу по отношению к выбранной профессии.

К 4-й группе адаптации (1 % от числа опрошенных) относятся студенты, испытывающие весьма выраженные трудности с самочувствием, настроением, здоровьем, взаимоотношениями в вузе, взаимоотношениями с родителями, учебной деятельностью, дисциплиной, очень обеспокоены своим пристрастием к вредным привычкам и разочарованы в выбранной профессии.

Выделение 4-х групп адаптации студентов позволило обосновать маневр методами психолого-педагогического воздействия. Результаты показали, что после первой сессии показатели социально-психологической адаптации студентов 1-го курса по сравнению с началом обучения ухудшаются, особенно это проявляется, прежде всего, в учебной деятельности, во взаимоотношениях с преподавателями и в снижении степени удовлетворенности выбором профессии. Поскольку в начале обучения на эмоциональное состояние студентов во многом влияла сама по себе возможность поступления в вуз, ориентация на определение своего места в учебной группе, то именно в период первой экзаменационной сессии студенты во многом начина-

ют осознавать и соотносить уровень своих способностей с уровнем требований обучения в вузе. И поэтому многие из них начинают испытывать некоторое разочарование в выборе данного вуза или специальности и, конечно же, это во многом негативно влияет на уровень социально-психологической адаптации студентов.

Была выявлена недостаточная информированность студентов с основными правилами поведения в вузе, с возможностями, которыми они могут воспользоваться в ИрГУПС, что значительно могло бы облегчить их процесс адаптации к новым условиям.

На основании полученных результатов и соответствующих выводов предложена корректировка основных подходов и направлений работы по оптимизации учебно-воспитательного процесса для реализации эффективной адаптации студентов к условиям обучения в ИрГУПС.

Установлено, что эффективность данного процесса достигается совместными усилиями кураторов, психологов, преподавателей. Отсюда следует, что необходимо систематически изучать особенности социально-психологической адаптации студентов в течение первого года обучения для выявления основных трудностей и определения путей их преодоления. На основании данного мониторинга необходимо ежегодно представлять деканам факультетов результаты исследования с рекомендациями с целью оптимизации процесса адаптации студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипова А.А. Адаптация студентов как одно из условий самореализации личности // Педагогические науки. – 2007. – № 3. – С. 173–177.
2. Баданина Л.П. Анализ современных подходов к организации психолого-педагогического сопровождения студентов на этапе адаптации к вузу // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 83. – С. 99–108.
3. Meerсон Ф.З. Пшеникова М.Г. Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам. – М. : Медицина, 1988. – 254 с.
4. Меньшикова И.Н. Психологическая помощь студентам в адаптации к стрессовым воздействиям экзаменационных сессий : автореф. дис. ... канд. психологических наук. – Ставрополь, 2008.
5. Мельников В.И. Экзаменационный стресс студентов и основные методы его оптимизации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – Новосибирск, 2012. – № 1.
6. Пузиков В.Г. Технология ведения тренинга. – СПб. : Речь, 2005. – 224 с.

7. Чичкалюк В.А. Практика и развитие психологического обеспечения учебно-воспитательного процесса в региональном отраслевом университетском комплексе // Мат. III Международной научно-практической интернет-конференции «Психологическое сопровождение образования: теория и практика» <http://mosi.ru/conf/newslist/1494>.
8. Щербатых Ю.В. Психология успеха. – М. : Эксмо, 2004. – 560 с.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

В журнале публикуются статьи и сообщения о результатах научной деятельности ученых и общественных деятелей, материалы, основанные на итогах педагогической практики преподавателей, рецензии и литературные обзоры. Присылаемые материалы должны соответствовать тематике научного журнала и отражать актуальность решаемых проблем. Все публикуемые в журнале статьи проходят рецензирование.

Представляемые к публикации материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать постановку задач, описание главных результатов исследования и полученных автором выводов.

Текст статьи (не более 12 страниц, включая аннотацию, таблицы, фотографии, схемы, список литературы) предоставляется в печатном виде с подписью автора (или авторов). Текст предоставляется также и в электронном виде: отдельный файл, названный по фамилии автора/авторов (например: Иванов. Название статьи.doc) высылается на e-mail: **popova_av@irgups.ru** или **tretvv@yandex.ru** с пометкой «для журнала К.Н.О.».

К статье прилагаются (и отдельным файлом отправляются): 1) сведения об авторах: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, полное название учреждения (и кафедры), контактный телефон, адрес с индексом и E-mail; 2) фамилия автора и название статьи на английском языке; 3) рецензия-рекомендация к опубликованию.

На первой строке **слева** размещается индекс УДК, ниже – **справа**: инициалы и фамилия автора(ов) (**строчными буквами, жирным шрифтом**), на следующей строке – название статьи (**прописными буквами, жирным шрифтом, выравнивание по центру**). Ниже в **таком же порядке** указываются фамилия и инициалы автора и название статьи на английском языке.

Ниже, через один интервал, располагается аннотация на русском языке, а на следующей строке – аннотация на английском языке. Далее указываются ключевые слова на русском и ниже – ключевые слова на английском языке. Через два интервала следует текст.

Параметры оформления материалов текста: шрифт Times New Roman; размер шрифта основного текста – 14 пт; верхнее поле – 3 см, остальные поля – 2,5 см; межстрочный интервал одинарный; отступ первой строки абзаца – 1 см; выравнивание текста – по ширине; расстановка переносов – автоматическая; страницы не нумеруются. У таблиц: сетка – 0,75 пт; рамка – 1,5 пт. Рисунки выполняются средствами Word, WordArt, MS Paint, CorelDraw в черно-белой палитре и должны быть введены в текст и подписаны. Графики и диаграммы в MS Excel и др. оформляются аналогично. Каждый отдельный рисунок (без подрисуночной подписи) должен быть сгруппирован в единый объект. Подрисуточные подписи выполняются в основном тексте.

Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой формулы. Знаки препинания после формул и номера формул (помещенные в круглые скобки) вводятся в основном тексте, а не в редакторе формул.

Статья не может заканчиваться рисунком, формулой или таблицей.

В конце статьи помещается **Библиографический список**, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.05-2008. *Источники в этом списке располагаются в порядке упоминания их в тексте.*

В тексте статьи ссылки на источники оформляются в квадратных скобках, в которых указывается порядковый номер источника в библиографическом списке (например: [7]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер документа в библиографическом списке и, через точку с запятой, номер страницы/листа (например: [7; с. 15]).

В представленной к публикации работе **не должно быть примечаний**: авторские заметки и идеи следует встраивать в основной текст.

Материалы к публикации следует отправлять по адресу:

664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д, каб. 621 (кафедра философии и социальных наук). Данчевской Анастасии Викторовне

(тел. 8 950 073 56 97, e-mail: *popova_av@irgups.ru*) или Третьякову Валерию Валерьевичу (тел. 8 902 578 71 29, e-mail: *tretvv@yandex.ru*).

Сроки подачи материалов для включения в очередной номер журнала «Культура. Наука. Образование»: в № 1 – до 15 февраля; в № 2 – до 15 апреля; в № 3 – до 15 июня; в № 4 – до 15 сентября текущего года.

ВНИМАНИЕ! Все статьи, поступающие в редакцию, должны иметь заверенную рецензию-рекомендацию. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для включения в очередной номер журнала. Статьи рецензируются независимыми экспертами, назначенными редколлегией.

Плата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

**КУЛЬТУРА
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (33) 2014

Редактор *М.Н. Щербакова*
Оригинал-макет подготовили:
Верстка: *Н.Е. Кильдиишева*; обложка: *В.Ю. Царевников*

Подписано к печати 11.12.2014. Формат 70×100¹/₁₆.
Офсетная печать. Усл.-печ. л. 17,85. Уч.-изд. 14,28.
План 2014 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Учредитель: Иркутский государственный университет путей сообщения
Адрес редакции: 664674, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15 (ИрГУПС), корп. Д, каб. 607, 621,
кафедра философии и социальных наук
Тел.: (8-3952) 638-129

Отпечатано в типографии ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3
